

СМЕНА

№ 19 ОКТЯБРЬ 1979

**ГЕРМАНСКОЙ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ—
30 ЛЕТ**

**СОЮЗУ СВОБОДНОЙ НЕМЕЦКОЙ МОЛОДЕЖИ
ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТОТ НОМЕР**

ГОСУДАРСТВО С ГОСУДАРСТВОМ

Эрих ХОНЕККЕР,
Генеральный секретарь
ЦК СЕПГ,
Председатель
Государственного
совета ГДР

7 октября 1979 года Германской Демократической Республике исполняется тридцать лет. Это большое событие в жизни нашего народа мы отмечаем вместе с нашими друзьями в Советском Союзе и других братских странах, со всеми силами прогресса в мире. Позади — три десятилетия напряженной работы, борьбы за социализм и мир. Они решающим образом изменили бытие человека в нашей стране в пользу добра. За это время первое социалистическое государство рабочих и крестьян на немецкой земле всесторонне укрепилось как прочная составная часть сообщества свободных народов. Дипломатически признанное всем миром, оно занимает равноправное место в международной жизни.

Основание ГДР было поворотным пунктом в истории нашего народа и Европы. Эту оценку подтверждает весь опыт трех десятилетий. Проникнутая идеями Красного Октября, наша республика олицетворяет вечно живой завет советских героев, которые сражались и погибли в Великой Отечественной войне за спасение человечества от фашистского рабства. Их память мы всегда будем высоко чтить. Не будь всемирно-исторического освободительного подвига, совершенного советским народом под руководством его славной Коммунистической партии, не было бы ГДР.

Наше сегодняшнее государство рабочих и крестьян — результат труда многих поколений революционных рабочих, убежденных антифашистов, гуманистов и демократов, боровшихся за новую, социалистическую Германию. В успехах нашего государства выдающаяся роль принадлежит нашей молодежи и ее боевой организации — Союзу свободной немецкой молодежи. Молодежь и ее союз выдержали испытания на всех этапах социалистического строительства, решая все более сложные задачи и закаляясь во многих суровых классовых конфликтах, которыми сопровождалось развитие ГДР. ССНМ всегда вновь и вновь утверждал себя как надежный боевой резерв и верный помощник нашей партии. Таким он является и сегодня.

В соответствии с решениями IX съезда Социалистической единой партии Германии мы продолжаем строительство развитого социалистического общества и создаем предпосылки для постепенного перехода к коммунизму. Наша политическая практика определяется основным принципом: делать все для блага человека, для счастья народа, в интересах рабочего класса и всех трудящихся. Тем самым именно молодежи предоставлены большие возможности действовать с позиций юных революционеров, применяя все свои таланты и способности.

На стабильной основе, обусловленной социалистической властью и прочной, неразрывной связью ГДР с сообществом братских стран, молодежь нашей страны живет в мире и социальной безопасности. Все двери к высшим ступеням образования и к участию в осуществлении власти открыты молодежи, и она использует эти преимущества социализма для действенного вклада в работу на благо всего общества. Об этом свидетель-

ствует хотя бы один из недавних примеров: во время наших коммунальных выборов 6 мая 1979 года более 20 тысяч выдвинутых Союзом свободной немецкой молодежи кандидатов были удостоены доверия избирателей и стали депутатами местных народных представительств.

30 лет ГДР подтверждают, что социализм и молодежь необходимы друг другу. Социализм окрыляет молодых людей, воодушевляет их на то, чтобы отдать все свои знания и все свое умение делу расцвета и защиты отечества. Во время грандиозной встречи, проведенной ССНМ в Берлине в июне этого года, более 700 тысяч ее участников вновь со всей силой продемонстрировали преданность молодежи нашей Германской Демократической Республике, политике СЕПГ, нерушимой дружбе с Советским Союзом, верность антиимпериалистической солидарности. Эта встреча была ярким свидетельством готовности к высоким достижениям, праздником радости жизни и оптимизма. Она убедительно выразила ту истину, что

Этот номер журнала «Смена» мы посвящаем Германской Демократической Республике.

ее молодому поколению, авангарду юности ГДР — Союзу свободной немецкой молодежи.

Наши страны, наши марксистско-ленинские партии,

комсомол и ССНМ связывает нерушимая братская дружба, основанная на принципах пролетарского интернационализма.

В приветствии по случаю 34-й годовщины освобождения немецкого народа

от фашизма, направленном Генеральным секретарем ЦК КПСС,

Председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем Л. И. Брежневым и

Председателем Совета Министров СССР товарищем А. Н. Косыгиным

руководителям Социалистической единой партии Германии и Германской

Демократической Республики, говорится:

«В результате разгрома гитлеровского фашизма и послевоенного развития в мире произошли перемены исторического значения.

Ярким выражением этого явились революционные преобразования

на немецкой земле, создание Германской Демократической Республики,

тридцатилетие которой будет отмечаться в этом году

как общий праздник всех, кто боролся и борется за торжество идеалов мира, демократии и социализма».

Существует немало критериев, определяющих существо и содержание

жизни государства, но, вероятно, один из самых убедительных —

это то, чему оно учит свою молодежь, к чему ее готовит.

У ГДР есть все основания гордиться своим

молодым поколением — энергичным, думающим, упорным в труде и учебе,

уверенным в правильности избранного пути, надежным в дружбе.

С праздником 30-летия республики, дорогие друзья!

Новых вам успехов!

СОЦИАЛИЗМА-ОПЛОДЕЖИ

наше государство социализма и мира — это государство молодежи, ее подлинная родина.

Позитивные итоги, которые мы можем подвести к тридцатой годовщине ГДР, в немалой степени связаны с достижениями молодежи в программе «Инициатива ССНМ—ГДР-30». 31 тысяча молодежных бригад в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве стали центрами по выработке коммунистического образа действий, передовыми отрядами в социалистическом соревновании. Более 88 тысяч молодежных объектов воплощают революционный дух и мастерство молодежи наших дней. Нас очень радует, что члены нашего социалистического молодежного союза показали хорошую работу на главном молодежном объекте — «Трассе дружбы», при строительстве участка ГДР на газопроводе Оренбург — Западная граница СССР. Эта стройка, претворяющая в жизнь идеи социалистической интеграции, стала школой коммунистических отношений.

Я хорошо помню дни с 19 июля по 5 августа 1947 года, когда с первой делегацией Союза свободной немецкой молодежи побывал в Советском Союзе. Как «Полет мира на Восток» вошла эта поездка в историю нашей республики и ее социалистического молодежного союза. Для нас был выражением высокого доверия Ленинского комсомола тот факт, что через два года после разгрома фашизма посетить Советский Союз была приглашена молодежная делегация из нашей новой Германии. Впечатления от этой встречи со страной Ленина, в которой советский народ под руководством Коммунистической партии Советского Союза вел трудную и упорную работу, чтобы, преодолев разрушительные последствия развязанной Гитлером войны, продолжить успешное строительство социализма, ни у одного из нас, кто был в поездке, никогда не изгладятся из памяти. Никто из нас никогда не забудет и о том, с какой сердечностью принимали делегацию ССНМ советские комсомольцы, гостями которых мы были. Все происшедшее вдохновляло нас на штурм непростых задач, которые предстояло решить в нашей стране по преодолению остатков фашистского прошлого и строительству новой жизни в условиях социализма.

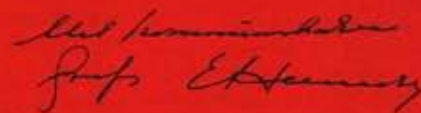
Сегодня дружба с Советским Союзом утвердилась в нашем народе и в нашем молодом поколении глубже, чем когда-либо. Она относится к непоколебимым основам нашей политики и закреп-

лена в программе нашей партии и в конституции ГДР. Народ ГДР навсегда связал свое настоящее и будущее с Советским Союзом.

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанный 7 октября 1975 года, определяет главные направления нашего сотрудничества, включая время до следующего тысячелетия. Он повседневно наполняет жизнь, в том числе в результате деятельности молодежных союзов наших стран. Все окружные организации ССНМ, 80 районных организаций и более 5 тысяч первичных организаций поддерживают тесные дружеские отношения с Ленинским комсомолом. Только в 1979 году, в год 30-летия ГДР, ССНМ направляет 22 поезда дружбы с молодыми рабочими, крестьянами из сельскохозяйственных кооперативов, школьниками и студентами в Советский Союз. 23 поезда дружбы с комсомольцами придут к нам. В 1979 году 60 тысяч молодых людей из ГДР побывают в Советском Союзе.

Братское боевое содружество КПСС и СЕПГ является фундаментом постоянно расширяющихся отношений между молодежью наших стран. Мы очень рады тому, что в июне этого года во время пребывания делегации ССНМ по приглашению Ленинского комсомола в Москве наши молодежные союзы подписали новую программу сотрудничества на 1980—1985 годы. В мае 1980 года посланцы молодежи ГДР и СССР встретятся в Карл-Маркштадте на фестивале дружбы, который посвящен 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина и 35-й годовщине освобождения. От поколения к поколению будет передаваться эстафета нашей дружбы. Эта дружба была залогом успехов ГДР в прошедшие тридцать лет и останется таковым на все времена.

Я хотел бы воспользоваться этой возможностью, чтобы передать братский привет славному Ленинскому комсомолу, авангарду советской молодежи. Всем советским друзьям я желаю больших успехов в претворении в жизнь решений XXV съезда КПСС, в дальнейшем продвижении вперед, к коммунизму.

С коммунистическим приветом

Э. ХОНЕККЕР

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 19 (1257) ОКТЯБРЬ 1979

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка: СТУДЕНТКЕ БЕРЛИНСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА КАТРИН ЗАЙДЕМАН ВО ВРЕМЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ФЕСТИВАЛЯ МОЛОДЕЖИ ГДР ПОРУЧИЛИ ОПЕКАТЬ ЧИЛИЙСКИХ РЕБЯТИШЕК — ДЕТЕЙ ПОЛИТЭМИГРАНТОВ.

- 1 Эрих ХОНЕККЕР, Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР. «ГОСУДАРСТВО СОЦИАЛИЗМА — ГОСУДАРСТВО МОЛОДЕЖИ».
- 2 Эгон КРЕНЦ, кандидат в члены Политбюро ЦК СЕПГ, Первый секретарь ЦС ССНМ. «МЫ ЕДИНЫ — СЕГОДНЯ, ЗАВТРА, ВСЕГДА».
- 5 Борис ПОЛЕВОЙ, Габриэль ЗАЙФЕРТ, Мелитон КАНТАРИЯ, Ирма ГАБЕЛЬ-ТЕЛЬМАН. «РОТ-ФРОНТ! ФРОЙНДШАФТ!»
- 6 Владимир РУДИМ. «ПАРЕНЬ ИЗ КОЛОНИИ МАКСИМА ГОРЬКОГО».
- 8 Валерий БЫКОВСКИЙ. «КОСМИЧЕСКАЯ ПРЕМЬЕРА ЗИГМУНДА ИЕНА».
- 10 Роман КАРМЕН. «РАЗДУМЬЕ О ГОДАХ БЕДЫ И ПОДВИГА».
- 12 Рейнхард КВЕРЕНГЭССЕР, Лутц ЛАНГЕ, Вера ЛАНДБЕРГ, Альберт ЛИХАНОВ, Валерий ОРЛОВ, Олег СЕВЕРГИН, Николай СЕМИЛЕТНИКОВ. «СИНИЕ ФЛАГИ С ЗОЛОТЫМ СОЛНЦЕМ».
- 20 Валерий ЕВСЕЕВ, специальный корреспондент «Смены». «ТОСТ РЕМБРАНДА».
- 23 Хартмут КЕНИГ, Астрид ВОЛЬПЕРТ. «ГИТАРА НА ПЛОЩАДИ».
- 24 Руди ХОВАНЕЦ. «ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА «НОЙЕС ЛЕБЕН».
- 25 Рассказ Германа КАНТА «ПРИИТИ И УЙТИ».
- 28 «...И ЖИЗНЬЮ ВСЕЙ ВПЛЕТЕН Я В ЭТУ ЖИЗНЬ». Новые переводы ГЕТЕ, ШИЛЛЕРА, ГЕЙНЕ и стихи молодых поэтов ГДР.
- 30 Ганс Рихард ФОЛЬБРЕХТ. «ЭТИ СЧАСТЛИВЫЕ, ЭТИ ТРУДНЫЕ МЕТРЫ, СЕКУНДЫ, МЕДАЛИ...»

Фотографии в номере — Томаса БИЛХАРДА, Сергея ПЕТРУХИНА и АДН — Центральбильд.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1979 г.

СМЕНА 1

«КАК ЗЕНИЦУ ОКА БЕРЕЧЬ НАШУ БРАТСКУЮ ДРУЖБУ...»

Ответы
кандидата в члены Политбюро ЦК СЕПГ,
Первого секретаря Центрального совета Союза
свободной немецкой молодежи
Эгона КРЕНЦА
на вопросы
главного редактора журнала «Смена»
Альберта ЛИХАНОВА

к марксистско-ленинской философии и политэкономии у 14—18-летних молодых людей. Сейчас к систематическому изучению основ марксизма-ленинизма мы начали привлекать и самых юных членов ССНМ—школьников и учащихся профтехучилищ. В этой связи наша задача состоит прежде всего в такой организации учебы, чтобы ребята усваивали знания в ходе творческих дискуссий и могли бы применять их в своей практической работе.

Наша политучеба рассчитана сегодня на различные духовные запросы разных категорий молодежи, она учитывает возросший образовательный уровень подрастающего поколения, цель ее—постоянно укреплять мировоззренческие позиции молодежи. Совершенно очевидно, что это возможно лишь в ходе постоянного творческого осмысления важнейших политических событий, происходящих в мире, осмысления конкретных жизненных явлений, окружающих нашу молодежь. Поэтому в сложном процессе формирования сознания важную роль играют индивидуальные политические беседы в группах ССНМ, беседы молодых членов партии с более опытными, взрослых с подростками.

Большое внимание в массовой политической работе мы уделяем живому сохранению революционных традиций. Готовясь к таким знаменательным событиям в жизни общества, как исторический юбилей нашей республики, мы с особой ясностью ощущаем, что история помогает нам соединить теоретические познания с гордостью за достигнутое, осознать развитие нашего государства на стороне Советского Союза как общее дело многих поколений. Так углубляется

МЫ ЕДИНЫ — СЕГО

ГОД РОЖДЕНИЯ ССНМ—1946.
ПЕРЕД ДЕЛЕГАТАМИ ПЕРВОГО СЪЕЗДА
ВЫСТУПИЛ ВИЛЬГЕЛЬМ ПИК.

«ПО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКИ РАБОТАТЬ,
УЧИТЬСЯ И ЖИТЬ»—ЭТО
БЫЛ ЛОЗУНГ МОЛОДЕЖНОЙ БРИГАДЫ
ИМЕНИ НИКОЛАЯ МАМАЯ
С ЭЛЕКТРОХИМИЧЕСКОГО КОМБИНАТА
В БИТТЕРФЕЛЬДЕ.
ТАК В 1959 ГОДУ НАЧАЛОСЬ В ГДР
ДВИЖЕНИЕ БРИГАД
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА.

СТОЛИЦА РЕСПУБЛИКИ БЕРЛИН—
ГЛАВНАЯ СТРОЙКА МОЛОДЕЖИ.

— Ленинский комсомол, вся советская молодежь с огромным интересом и вниманием следят за масштабной, яркой, творческой деятельностью братского Союза свободной немецкой молодежи. Состоявшийся в июне этого года Национальный фестиваль молодежи ГДР еще раз продемонстрировал всему миру тесную сплоченность молодого поколения республики вокруг своего союза, решающего под руководством партии рабочего класса ответственные задачи нынешнего исторического этапа в жизни ГДР. Не могли бы вы подробнее остановиться на главных направлениях работы по воспитанию молодежи, определенных IX съездом СЕПГ?

— С момента основания ССНМ 7 марта 1946 года наш союз как массовая политическая организация молодежи всегда шел в ногу со становлением и развитием нашей социалистической родины. Мы можем сказать: летопись ССНМ—это летопись энтузиазма молодежи, направленного на постоянное всестороннее укрепление и надежную защиту государства рабочих и крестьян. Эта приверженность молодого поколения своей республике основывается на уверенности в том, что в нашем государстве молодежи поколение юных может рассчитывать на доверие, а также на высокую ответственность перед обществом.

Сегодня в рядах Союза свободной немецкой молодежи организовано свыше 2,3 миллиона юношей и девушек. Это более двух третей молодых людей в возрасте от 14 до 25 лет. Членов нашего союза можно встретить во всех сферах общественной жизни. Уже одно это показывает, какая ответственность возложена в нашем обществе на ССНМ.

В настоящее время уже определены все наши задачи в рамках «Инициативы ССНМ—ГДР-30», которую мы, как уже видно из названия, посвящаем историческому юбилею нашего государства рабочих и крестьян. Предварительные итоги «Инициативы» мы подвели в июне нынешнего года в Берлине, на Национальном фестивале молодежи ГДР. В нем участвовали 700 тысяч членов ССНМ. В центре внимания нашей массовой политической работы—пропаганда идей марксизма-ленинизма в их непосредственной связи с практикой.

В рамках системы политучебы ССНМ, которая в нашем союзе играет важную роль в деле формирования мировоззрения, после IX съезда СЕПГ мы стали более активно ориентироваться на растущий интерес

понимание значимости пройденного исторического этапа, и гордость за дело отцов порождает стремление молодежи самой быть достойной этих революционных традиций. Именно в таком смысле надо рассматривать соревнование первичных организаций ССНМ за право быть награжденными Почетными знаменами СЕПГ. На этих знаменах—портреты выдающихся вождей рабочего класса, друзей Советского Союза Эрнста Тельмана и Вильгельма Пика. Первые знамена товарищ Эрих Хонеккер вручил ста лучшим первичным организациям ССНМ в дни Национального фестиваля. До сего дня этой награды удостоились 2 тысячи коллективов, и до 7 октября знамя получат еще 3 тысячи организаций. Знамена эти—символ революционного прошлого, настоящего, будущего нашего государства.

— Массовая политическая работа—это фундамент. На какие еще основные задачи ориентирует ССНМ своих членов?

— Прежде всего это формирование у нашей молодежи активной жизненной позиции. Из осознания собственной ответственности должно родиться сознательное действие во имя социализма. Исходя из этого, мы видим свою задачу в том—и это еще один

узловой момент нашей работы,— чтобы мобилизовать молодежь на выполнение плана, на творческое учение и соблюдение учебной дисциплины, на надежную защиту достижений социалистического строительства.

Сегодня мы можем сказать, что требования народнохозяйственного плана становятся стержнем работы все большего числа первичных организаций как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Так, участие членов ССНМ в социалистическом соревновании повсюду носит конкретный характер, и различные коллективы, выступая с самостоятельными экономическими инициативами, вносят свой вклад в копилку достижений страны. В первую очередь эти инициативы нацелены на то, чтобы получить возможно больший полезный эффект от каждой марки, каждого часа рабочего времени, каждого грамма материала. Немалую роль в починах молодого поколения играют молодежные объекты, которые служат тому, чтобы молодые люди самостоятельно отвечали за решение важных народнохозяйственных задач. Сейчас существует более 88 тысяч таких объектов. Самый крупный из них — «Инициатива ССНМ — Берлин». После X съезда ССНМ в столицу прибыло свыше 10 600 молодых рабочих и инженеров, чтобы помочь сделать промышленный и культурный центр ГДР еще привлекательней.

Научно-технический прогресс естественным образом обуславливает возрастание интереса молодежи к науке и технике. Это находит отражение и в нашей работе — в форме уже ставшего традиционным движения Мастеров завтрашнего дня. В минувшем году в

мент нашей работы вопросы культуры, спорта и туризма. Дialeктическая взаимосвязь вытекает из единства экономической и социальной политики. Рост производства и постоянно растущее удовлетворение культурных потребностей неотделимы друг от друга.

Мы стараемся во всевозрастающей мере удовлетворять различные интересы разных возрастных групп и категорий молодежи в плане проведения досуга. При этом основное внимание уделяем развитию художественного творчества в коллективах ССНМ. Его стимулируют различные формы художественной самодеятельности, сложившиеся в ходе работы ССНМ, такие, как певческое движение ССНМ, поэтические семинары, организация молодежных духовых оркестров, проведение «недель мастерства» для молодых музыкантов, специализирующихся на танцевальной музыке, для других молодых деятелей искусства. Полные оптимизма программы Национального фестиваля молодежи ГДР, отвечающие самой сути социалистического общества, помогли нам определить новые масштабы и в этой области. Чрезвычайно важно, чтобы комитеты союза молодежи рассматривали вопросы досуга как вопросы политические и вместе с молодежью решали их в интересах содержательной организации свободного времени.

Все эти задачи можно решить только с помощью стабильного, творчески действующего союза молодежи. Укрепление ССНМ как помощника и боевого резерва партии имеет при этом принципиальное значение. Важно постоянно вовлекать в ряды союза новых членов, и прежде всего из среды рабочей молодежи, готовить лучших членов ССНМ к вступле-

да как наиболее решительную и сознательную часть молодежи, борющейся за новое общество. Рабочая молодежь осознала свою историческую задачу, «впервые в истории... быть деятельной и преобразующей силой в политической и общественной жизни», — говорил товарищ Хонеккер.

Действуя в этом смысле, рабочая молодежь, часть и смена господствующего класса социалистического общества, достигающая благодаря непрестанной работе партии высоких результатов в труде, стала ядром Союза свободной немецкой молодежи. Нет ни одной сколько-нибудь крупной акции союза — от первых молодежных объектов до шефства ССНМ над вооруженными силами и разнообразнейших задач социалистического соревнования сегодня, — где бы рабочая молодежь не задавала тон. Уместно вспомнить хотя бы строительство «Трассы дружбы» — части нефтепровода «Союз», соорудившегося странами — членами СЭВ.

Сегодня лозунг рабочей молодежи звучит так: «Каждый день — с отличным балансом». В настоящее время этот лозунг подхвачен 31 144 молодежными бригадами. В первую очередь в этих коллективах формируется социалистический облик молодого рабочего нашей страны.

Его отличают высокая профессиональная подготовка и высокий уровень образования, на которые не могло рассчитывать ни одно прежнее поколение рабочих. Благодаря великолепному уровню нынешней 10-летней политехнической средней школы 92,3 процента всех школьников переходят сегодня после восьмого класса в девятый, а затем в десятый класс.

ДНЯ, ЗАВТРА, ВСЕГДА

КРУПНЕЙШИЙ ОБЪЕКТ СЭВ — МАГИСТРАЛЬНЫЙ ГАЗОПРОВОД «СОЮЗ». ЕГО ТРАССА ПРОШЛА ОТ ОРЕНБУРГА ДО ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ ССР. СВОЙ УЧАСТОК МОЛОДЫЕ СТРОИТЕЛИ ИЗ ГДР ЗАВЕРШИЛИ ДОСРОЧНО. КАЧЕСТВО РАБОТ — ОТЛИЧНОЕ.

НА X СЪЕЗДЕ ССНМ ОБСУЖДАЛИСЬ ЗАДАЧИ МОЛОДЕЖНОГО СОЮЗА, ВЫТЕКАЮЩИЕ ИЗ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЛИНИИ IX СЪЕЗДА СЕПГ.

СОЛИДАРНОСТЬ! МЕЖДУНАРОДНОЕ МОЛОДЕЖНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РЯДУ СВОИХ САМЫХ АКТИВНЫХ УЧАСТНИКОВ НАЗЫВАЕТ СОЮЗ СВОБОДНОЙ НЕМЕЦКОЙ МОЛОДЕЖИ.

Свыше 36 процентов всех молодых людей, занятых в нашем народном хозяйстве — то есть каждый третий, — являются новаторами. Сознание того, что в нашем государстве на молодежь возложена большая ответственность перед обществом, определяет ее готовность брать на себя эту ответственность и вне своего непосредственного рабочего места. Молодому рабочему присуща глубокая привязанность к своему социалистическому отечеству.

Конечно, типичным для него является и развитое чувство собственного достоинства, порожденное сознанием полезности своего мастерства и результатов своего труда. Его духовный облик складывается из глубокой политической заинтересованности во всех вопросах жизни, постоянно возрастающего интереса к науке и технике, к вопросам культуры и повышения квалификации. Он осознанно принимает решение делать все, что в его силах, для защиты дела социализма — немало молодых рабочих вызываются служить в качестве солдат или унтер-офицеров Национальной народной армии ГДР. Они понимают это как выражение своего интернационалистского долга.

Наш опыт показывает, что те требования, которые предъявляют себе отлично сработавшиеся молодежные бригады, сделали их настоящими центрами коммунистического воспитания. Такие бригады являются гарантией выполнения плана и высокого качества

нем приняли участие свыше 2,4 миллиона юношей и девушек, представивших на выставки в общей сложности 683 860 экспонатов. Мы оказываем активнейшее содействие подготовке студентов в самой непосредственной связи с практикой, тому, чтобы они как можно раньше начинали сотрудничать с рабочей молодежью. Свидетельство этого — работа наших студентов — членов ССНМ в важнейших отраслях народного хозяйства во время «третьего семестра». Только на строительных площадках столицы минувшим летом работало около 20 тысяч студентов.

Высшей формой проявления социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма мы считаем готовность и умение защищать социализм. Поэтому вместе с Обществом содействия развитию спорта и техники мы видим свою задачу в том, чтобы сформировать у молодежи такое отношение к военной службе, какое соответствует принципам социалистической личности. Необходимо одновременно развивать все те качества, которые требуются, чтобы отвечать растущим требованиям военной службы.

В тесной связи с возрастающей ответственностью ССНМ за решение производственных задач, учебу и оборону мы рассматриваем также как узловой мо-

мент в СЕПГ. Особое внимание мы уделяем работе первичных организаций и групп ССНМ. Именно здесь, как показывает наш опыт, проявляется, насколько сильно связь каждого члена союза со своей организацией.

— Молодой рабочий последней четверти XX века... Человек, который перешагнет порог заводской проходной третьего тысячелетия... «Смена» — журнал рабочей молодежи — постоянно изучает процесс формирования характера и сознания поколений рабочего класса. Что можно было бы сказать о социальном портрете сверстника нашего бойца или уренгойца — молодого рабочего ГДР 1979 года?

— Если позволите, я начну ответ на этот вопрос с короткого экскурса в нашу историю. За год до основания ГДР среди нашей рабочей молодежи родился лозунг, вызванный к жизни ССНМ: «Молодежь — в авангард всех соревнований!» Тогда состоялась встреча первых молодых активистов нашей страны. Товарищ Эрих Хонеккер, в то время председатель ССНМ, охарактеризовал молодых героев тру-

работы. Поэтому наша задача — постоянно формировать новые молодежные бригады и укреплять уже существующие. Один из важных путей к этому мы видим, в частности, в подготовке учеников производственного обучения и в как можно более раннем «подключении» их к коллективам рабочей молодежи — ведь в настоящее время более 500 тысяч молодых людей, будущих квалифицированных рабочих, проходят обучение по 291 специальности. В большинстве своем именно они и являются молодой сменой господствующего класса нашей страны — рабочего класса.

В слаженных коллективах рабочей молодежи в процессе каждодневного труда, в ходе ежедневных политических дискуссий формируется ответственность друг за друга, ответственность перед обществом. В этом смысле важное значение для развития нашего общества имеет шефство рабочей молодежи над коллективами ССНМ и пионерскими дружинами средних школ. Опыт показывает, что такое шефство способствует раннему привнесению в сознание всего молодого поколения взглядов, позиций и морали рабочего класса.

— Прошло тридцать два года со времени «Полета мира на Восток» — первой после войны поездки в Советский Союз делегации ССНМ во главе с товарищем Эрихом Хонеккером. С тех пор отношения между нашими молодежными союзами значительно расширились и углубились. Что бы вы могли сказать о нынешнем состоянии и перспективах сотрудничества между ВЛКСМ и ССНМ?

— «Полет мира на Восток» по приглашению Ленинского комсомола стал важной вехой в истории ССНМ. Благодаря интернационалистской позиции советской молодежи было положено начало новой главе в отношениях наших союзов. Комсомол помог нам преодолеть международную изоляцию, в которой оказалась немецкая молодежь из-за преступной политики гитлеровского фашизма.

Путь, пройденный нами совместно с той поры, измеряется масштабами исторического значения. Это мы еще раз с особой ясностью осознали в незабываемые дни IV Фестиваля дружбы молодежи СССР и ГДР, проходившего в Волгограде. Ни одному из нас не забыть клятвы беречь мир, произнесенной нами

ский Союз посетил 500-тысячный член ССНМ со времени основания Бюро молодежного туризма ССНМ «Югендтурист».

Кульминациями нашего братского сотрудничества стали совместные фестивали дружбы. Вспоминая великолепный праздник в Волгограде, мы уже сейчас радуемся тому, что в мае следующего года Карл-Маркс-штадт будет хозяином V Фестиваля дружбы. В городе, носящем имя величайшего сына нашего народа, мы вместе с советскими друзьями отметим 110-ю годовщину со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Одновременно мы почтим память советских героев, которые 35 лет назад освободили наш народ от ига фашизма.

Фестиваль в Карл-Маркс-штадте представляет важный пункт Программы сотрудничества между Всесоюзным Ленинским Коммунистическим Союзом Молодежи и Союзом свободной немецкой молодежи на 1980—1985 годы. Борис Николаевич Пастухов и я подписали ее после поездки делегации ССНМ по Советскому Союзу, спустя несколько дней после нашего Национального фестиваля молодежи. Многочисленные встречи, состоявшиеся в те дни, явились волнующим подтверждением братских уз, связывающих молодежь Советского Союза и ГДР. Вновь подписанная программа учитывает это развитие. Она предусматривает взаимный обмен опытом, расширение связей между округами и областями-побратимами и прежде всего ориентируется на постоянно расширяющиеся контакты между первичными организациями наших братских союзов. Таким образом комсомол и ССНМ вносят конкретный и заметный вклад в реализацию Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между ГДР и СССР, подписанного 7 октября 1975 года.

— В 1980 году советская молодежь и все любители спорта с радостью будут приветствовать в нашей стране давних друзей — спортсменов ГДР, которые приедут в Москву на Олимпийские игры. Что думает молодежь ГДР об Олимпийских играх в Москве, как готовятся к ним ваши спортсмены?

— Молодежь ГДР с воодушевлением восприняла решение о проведении XXII Олимпийских игр в Москве: ведь это означает, что игры впервые состоятся в социалистической стране, в столице первого в

Мы очень рады, что большое число активистов нашего союза будет иметь возможность в качестве туристов присутствовать на празднике спорта в вашей столице — оплоте мира.

— И в заключение очень личный вопрос, товарищ Кренц. Вы бывали в Советском Союзе много раз, учились в Москве. Как вы себя чувствуете, когда приезжаете в нашу страну? Что хотели бы передать знакомым и незнакомым друзьям?

— Я имел возможность побывать в Советском Союзе не один раз. Мне также выпала честь в течение трех лет учиться в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. Я побывал в нескольких союзных республиках, на заводах и в научных учреждениях, на молодежных стройках и в колхозах, встречался в звездном городке с советскими космонавтами. В памяти — множество незабываемых впечатлений. За одну лишь последнюю поездку с делегацией ССНМ в июне этого года мы проделали по СССР 16 тысяч километров. И тем не менее перед каждой новой поездкой в Советский Союз меня не покидают напряженное нетерпение и любопытство: с какими новыми успехами в строительстве основ коммунизма предстоит познакомиться, с какими людьми встретиться? Да, именно люди каждый раз волнуют меня вновь и вновь. Я мог бы привести множество примеров, но остановлюсь лишь на одном событии, которое никогда не забуду: марш по Волгограду в день открытия IV Фестиваля дружбы. По обе стороны улиц, ведущих к стадиону, стояли тысячи волгоградцев, которые приветствовали делегацию ССНМ. Среди них было много людей, принадлежащих к поколению, которое пережило кровавую битву за Сталинград и героизм которого решил ее исход.

По их лицам было видно, сколь тяжел груз воспоминаний о тех страшных днях. Но все же волгоградцы этого испытанного огнем и страданием поколения с радостью приветствовали детей первого немецкого государства рабочих и крестьян. Этот марш по городу — герою был и остается для меня клятвой на всю жизнь: как зеницу ока беречь нашу братскую дружбу.

Огромное впечатление оставила встреча с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем Леонидом Ильичом Брежневым. Товарищ Брежнев прини-

МОЛОДЕЖЬ ГДР ЗНАЕТ: ИСТОРИЯ РЕСПУБЛИКИ — ЭТО ЛЕТОПИСЬ БОРЬБЫ ЗА ДЕМОКРАТИЮ, СОЛИДАРНОСТЬ, МИР.

вместе на легендарном Мамаевом кургане у подножия монумента Матери-Родины. Сегодня дружба со страной Ленина является неотъемлемой частью нашей жизни. Для членов нашего союза она стала глубокой личной потребностью.

Все окружные организации ССНМ, многие районные организации и свыше 5 тысяч первичных организаций поддерживают прочные связи с советскими друзьями. Более 1765 пионерских дружин нашей республики имеют тесные контакты с пионерскими дружинами Советского Союза. В средних школах работает свыше 5 тысяч клубов интернациональной дружбы, основная задача которых — укрепление дружеских связей со школьниками страны Ленина. Тесное сотрудничество развивается также и в области науки и техники — члены ССНМ систематически представляют свои экспонаты на советские выставки научно-технического творчества молодежи. К будням нашей крепкой дружбы не в последнюю очередь принадлежит и братство по оружию — дружба членов ССНМ, носящих форму Национальной народной армии, и комсомольцев Советских Вооруженных Сил. В июне этого года Совет-

НА БЕРЛИНСКОЙ УЛИЦЕ. ЗДРАВСТВУЙТЕ, СОВЕТСКИЕ СОЛДАТЫ — ВНУКИ ГЕРОЕВ 45-ГО!

мире государства рабочих и крестьян. Это наполняет всех нас гордостью и удовлетворением. Наши юноши и девушки очень хорошо понимают, что Москва была названа местом проведения Олимпийских игр 1980 года, так как этому способствовали огромные достижения советского народа и его высокий международный авторитет. Мы с интересом следим за быстрым ростом спортивных сооружений, над которыми, как нам хорошо известно, Ленинский комсомол взял шефство.

Наши спортсмены, среди которых много членов союза молодежи, готовятся к соревнованиям чрезвычайно старательно. Они намерены достойно представить свою родину в упорных состязаниях с лучшими спортсменами мира и внести свой вклад в успех социалистического содружества на олимпийской арене.

ХЛЕБОМ-СОЛЮ ВСТРЕЧАЛ ГОРОД-ГЕРОЙ ВОЛГОГРАД ПОСЛАНЦЕЙ МОЛОДЕЖИ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

мал руководителей делегаций братских молодежных организаций социалистических стран. Широкий взгляд государственного деятеля на проблемы, волнующие людей, великолепная осведомленность о деятельности комсомола, огромная человеческая теплота товарища Леонида Ильича Брежнева навсегда останутся в моей памяти.

И еще одна картина врезалась в воображение: полет на вертолете над западным участком БАМа. Окруженная вершинами Байкальских гор высотой в полторы-две тысячи метров, кругом простиралась беспредельная, непроходимая тайга. И посреди нее — узенькая, красновато-коричневая, проложенная рукой человека трасса, которой предстоит сломить молчание тайги. Кто это видел, лучше других понимает, почему эту железнодорожную магистраль называют стройкой века.

Эти и многие другие причины, которые я мог бы назвать, эти и другие встречи, о которых я вспоминаю, породили мою искреннюю и глубокую любовь к советскому народу, к его Родине. И я испытываю глубокую потребность заверить советский народ и его молодежь: молодежь ГДР была, есть и всегда будет тесно, неразрывно связана с великой страной Ленина.

РОТ ФРОНТ! ФРОЙНДШАФТ!

Среди славных и добрых традиций, утвердивших себя в отношениях между Ленинским комсомолом и Союзом свободной немецкой молодежи, почетное место занимают Фестивали дружбы. Это и праздник с ярким калейдоскопом событий, и разговор о делах, и дискуссия по всем волнующим вопросам, и новые знакомства, и память о прошлом, которая вооружает убежденностью и энергией молодых борцов сегодняшнего дня.

Слово — почетным гостям Фестивалей дружбы молодежи СССР и ГДР.

I Фестиваль. Дрезден — 1970.

Борис ПОЛЕВОЙ,
писатель,
Герой Социалистического Труда

Вот уже который день улицы Дрездена буквально кипят весельем. Играют оркестры, грохочут барабаны, крутятся танцующие пары. И даже осенний дождик, то и дело окутывающий красавец город серенькой зыбкой пеленой, не в силах охладить это веселье. Поют и танцуют вопреки неласковой осенней погоде. Одно слово чаще всего звучит в эти дни на немецком и русском языках: «дружба». Дружба между молодыми людьми Советского Союза и первого социалистического государства на немецкой земле — искренняя, душевная.

Слово это звучит в песнях, глядит с полотнищ плакатов, повторяется в речах ораторов, его произносят вместо «здравствуй» при встречах. Даже когда молодые люди хотят познакомиться и сказать друг другу приятное, говорят:

— Фройндшафт!

— Дружба!

И знакомство состоялось. Можно дальше идти вместе под руку или устремиться в круг танцующих.

Но, когда советский человек моего поколения задумывается, наблюдая фестиваль, над волшебной силой этого слова, он сразу вспоминает свою юность и понимает, как глубоко уходят корни этого пароля. Разве мы — тверские комсомольцы двадцатых годов — не чувствовали себя братьями немецких молодых коммунистов? Разве мы на последние деньги не покупали себе форму «Юнгштурма»? Разве мы на наших демонстрациях не приветствовали друг друга тельмановским приветствием «Рот фронт!», вскидывая к плечу кулак? Разве на своих комсомольских вечеринках тех дней не пели мы песни Эйслера, подражая интонации Эрнста Буша?

Помнится, немецкая делегация текстильщиков из Ганновера привезла к нам на фабрику «Пролетарка» выпел красных фронтовиков. Соревнование тогда только зарождалось, и выпел этот был самым большим призом для наших ударников.

Среди почетных гостей фестиваля мой старый добрый друг, герой Сталинграда генерал-полковник Александр Родимцев. Здесь на празднике он сам как бы является символом дружбы, выдержавшей столько исторических испытаний. Молодым офицером, он добровольцем уехал за Пиренеи сражаться за республиканскую Испанию. Превратившись в Павлито, он, командир пулеметной роты, дрался против фашизма бок о бок с немецким писателем Людвигом Ренном, с другими бойцами из батальона Эрнста Тельмана. Потом в Сталинграде он, уже генерал и командир знаменитой гвардейской дивизии, отбивал и отбил атаки гитлеровцев на самом трудном направлении. И, наконец, в финале войны он уже во главе стрелкового корпуса освобождал — именно не брал и не атаковал, а освобождал — Дрезден.

И вот сейчас, когда мы с ним, оба — комсомольцы двадцатых годов, наблюдаем фестиваль, смотря расчудесные вечера и немецкой и нашей самодельности, наблюдаем бурное и веселое течение праздничных демонстраций, посещаем интереснейшие выставки произведений творческого труда молодых рационализаторов и изобретателей, которых здесь поэтически называют мастерами завтрашнего дня, когда вместе с сегодняшними комсомольцами ездим по стране или любуемся ночью кипением уличного веселья, мы видим, ощущаем, сколь плодотворной оказалась дружба, родившаяся еще в те

далекие времена, когда по улицам того же Дрездена маршировали колонны красных фронтовиков Эрнста Тельмана.

Целый каскад интереснейших впечатлений обрушился и продолжает обрушиваться на нас в эти дни. Радуетесь молодым талантам, радуешься этой безбрежной праздничности, радуешься зрелому мастерству юности, радуешься этой дружбе юных сердец, находящей здесь себе такие многообразные выражения.

II Фестиваль. Ленинград — 1972.

Габриэль ЗАЙФЕРТ,
олимпийская чемпионка,
чемпионка мира

Открытие Фестиваля дружбы состоялось во Дворце спорта «Юбилейный», мне так хорошо знакомом. Здесь я выиграла золотую медаль чемпионки Европы, здесь меня горячо и сердечно принимали ленинградцы. Сегодня в моем дорожном багаже нет коньков. Это немножко грустно, но это и радостно. У меня гораздо больше времени, чтобы полюбоваться красавцем Ленинградом. Да еще в белые ночи...

III Фестиваль. Галле — 1975.

Мелитон КАНТАРИЯ,
Герой Советского Союза

В мае 1945 года мы водрузили Знамя Победы над рейхстагом. Я вновь пронес это знамя здесь, в Галле, во время открытия III Фестиваля дружбы молодежи ГДР и СССР. Я сделал это с большой радостью, так как вижу, какое замечательное молодое поколение растет и у нас, в Советском Союзе, и здесь, в Германской Демократической Республике. Вижу, как они дружат. Дружба молодежи наших стран помогает беречь мир. Во время штурма

рейхстага, когда победа была уже так близка, погибло много моих товарищей. Они отдали свои жизни за новую Германию. Я вижу эту новую Германию. Мне пришлось несколько раз побывать в ГДР, и повсюду строятся новые светлые дома, широкие и красивые улицы. Вот и Галле, который я раньше видел только однажды, сразу после войны, узнаю теперь с трудом. Когда вернусь на Родину, расскажу своим друзьям обо всем, что видел здесь, на фестивале. А главное, о замечательных людях, о молодежи ГДР.

КЛЯТВА НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ.

IV Фестиваль. Волгоград — 1977.

Ирма ГАБЕЛЬ-ТЕЛМАН,
ветеран рабочего движения

Второй раз в жизни хожу я по улицам этого города. Передать чувства, которые испытываешь от встречи с Волгоградом, очень трудно. Просто не хватает слов. Как счастлив был бы мой отец Эрнст Тельман, если бы смог сегодня увидеть Волгоград!

Несмотря на строжайшую изоляцию в нацистской тюрьме, Тельман был в курсе политических событий, имел связь с внешним миром, с соратниками-коммунистами. Когда он узнал об окружении и разгроме группировки гитлеровских войск под Сталинградом, он сказал (нам передали потом эти слова), что после такого поражения гитлеровскому фашизму уже не оправиться. Тельман был прав.

Молодежь наших стран — это замечательное, полное оптимизма, жизнерадостное поколение. Но ради настоящего и будущего надо знать прошлое. Глубоко символично, что фестиваль проходит в Волгограде, городе, где был сломан хребет фашизму. Это была важная победа на пути к грядущей новой жизни — свободной, счастливой, прекрасной. Той жизни, которой живут теперь великий Советский Союз, Германская Демократическая Республика и другие братские социалистические страны.

Ценить, беречь и преумножать завоеванное старшими поколениями борцов — задача молодежи. Для всех молодых, да и не только молодых участников фестиваля волгоградская встреча станет еще одной школой опыта в социалистическом строительстве.

Колония имени Максима Горького... Эта запись в моем репортажном блокноте появилась в сорок девятом, в год основания ГДР. Я был тогда собкором газеты «Советское слово» — органа Советской Контрольной Комиссии в Германии — и работал в Дрездене.

О колонии знал давно: еще в Берлине вместе с нашими солдатами мне доводилось сразу после боев лазить среди руин, разыскивать в каменных щелях подвалов испуганных, голодных ребятшек, потерявших кров, родителей. Советское военное командование и новые немецкие демократические органы власти решили собрать сирот вместе и как-то наладить их жизнь.

Завожу выдавший виды трофейный «Опель-олимпия» и еду на окраину.

Колония находится на правобережных холмах между Вайнбергштрассе и Максим-Горкиштрассе (до недавнего времени она называлась Мариенгофштрассе, и колонию именовали так же — Мариенгоф).

Массивный каменный забор, словно крепостная ограда. За нею — вековые деревья и два желтых здания, тоже из крупного карьерного камня.

узнали о «Педагогической поэме». И, засучив рукава, к делу — новому, трудному, но очень важному.

Помню, идем из класса в класс, из одной жилой комнаты в другую. Над дверями таблички с надписями, выведенными старательной детской рукой: «Прилежность», «Будущее», «Любопытные носы», «Веселые ребята», «Дружба», «Единство»... А вот «Улей». Это очень соответствовало тому, что творилось в комнате: она гудела, как улей. Оказывается, девяти-десятилетние ребята принимали в свою семью двух новичков. Они заметно отличались от других — худые, бледные, не по возрасту серьезные. Коренастый десятилетний «старожил» сказал новичкам:

— Через месяц вы станете вот такими! — И во всю мочь надул свои румяные щеки.

Двое новичков — братья Курт и Гельмут — только что прибыли из Западной Германии, из Кельна. Их отец погиб на войне, мать умерла. Об этом узнали дрезденские родственники и определили их сюда.

Беседа с Куртом и Гельмутом, я не заметил, как у десятилетнего «старожил» оказалась в руках моя фуражка, и он начал было вытаскивать звездочку. Кубах отобрал фуражку, но паренек все тянулся:

— Дайте звездочку!

Я пообещал привезти в следующий раз. Привез сразу штук десять, но их оказалось мало. Причем как-то получилось так, что всеми звездочками завладел тот же паренек и раздавал их на выбор, не каждому: иной вместо звездочки получал тумак.

— Кто это? — спросил я о парнишке.

И Гейнц Кубах рассказал мне о юном Петере Геринге.

Его отец — потомственный металлист — всегда был на заметке у начальства как «крамольный», ибо сочувствовал коммунистам, участвовал в забастовках. Когда по Германии поползла коричневая чума со свастикой, Геринг-отец попытался пробраться в Чехосло-

вакию, но был схвачен. А когда началась война, его отправили в штрафной батальон. И ни письма, ни даже официальной строчки: «Пропал без вести».

Трудные месяцы, голодные и холодные. После бомбежки в феврале сорок четвертого серьезно и надолго заболела мать. Петер оказался в колонии. Темноволосый, с жесткой, непослушной шевелюрой, ладно скроенный паренек явно был заводилой в классе: без него не проходила ни одна игра, ни один футбольный матч. Особенно любил играть в Чапаева (для этого ему и понадобилось много красных звездочек: недостающие он сделал сам из картона). Способный, сказали мне, но сидеть над книгами долго не любит. Драчун, но поводы для драки всегда веские: с другом отколотил одного великовозрастного балбеса, который таскал у малышей одеяла и менял их на сигареты (преподаватели удивлялись: как одолел?). А однажды Петер побил ровесника за то, что тот обзвал его «рейхсмаршалом». Нет, Петер не мог такого простить — чтобы ему напоминать о ненавистном однофамильце, гитлеровском рейхсмаршале Германе Геринге!

Уже в первое свое посещение колонии (кстати, по-немецки ее сначала называли Максим-Горки-хайм, слово «колония» все еще звучало мрачно — до тех пор, пока не прочли «Педагогическую поэму») я увидел: здесь что ни парень,

что ни девушка — характер, и характер яркий. Увидел: среди ребят много талантов.

— Да, среди них есть и музыканты, и художники, и поэты... А отличных, тоже по-своему талантливых умельцев — сапожников, слесарей, плотников, портных — не счесть! — с почти детской непосредственностью и гордостью сказал мне Антон Тиль, новый директор колонии (Гейнц Кубах был избран депутатом горсовета и перешел туда работать).

Спрашиваю Антона о том же, что и Гейнца: он педагог?

— Партийное поручение. И скажу тебе откровенно: думаю, что быть воспитателем — лучшее, что можно себе представить.

Вот так, с тех трудных послевоенных лет я и подружился с Гейнцем Кубахом и Антоном Тилем.

В колонию имени Максима Горького в первые же дни прибыла группа сильно истощенных ребят (да какое там ребят: малышей!), которым совершенно необходимо было молоко. А его так мало — по глотку на каждого. Обратились в комендатуру. Прошел день, второй. На третий Гейнц услышал топот десятков ног, возгласы, разобраны которые было невозможно. Что-то случилось... Бросился к окну: во двор въезжала армейская бричка с двумя советскими солдатами, а к бричке привязана корова! Эту корову Гейнц помнит до сих пор, помнит так, что узнал бы ее и сейчас среди тысячи других.

Еще одна страничка. И снова — уже знакомое имя Петера Геринга.

Июль 1953 года. Враги молодой республики подняли голову, попытались — даже с оружием — повернуть историю вспять. В Дрездене в их планы входил и захват колонии имени Максима Горького: во-первых, в здании можно отсидеться как в крепости, во-вторых, надеялись заполучить в свои ряды пополнение. Не вышло! Колонисты были готовы к отпору. Антон Тиль добыл в полиции полевые телефоны, везде рас-

на Тиль орден. После корейских детей в колонию поселились вьетнамские: братская республика укрыла их от американских бомб, напалмовых пожаров. И Антон Тиль расскажет о подвиге корейских и вьетнамских ребят: они учились буквально днем и ночью, они влезали под одеяло с электрической лампочкой (чтобы не мешать спать) и делали уроки, учили языки: свой, родной, а также немецкий, английский. Антон Тиль расскажет о судьбах своих воспитанников и, наверное, упомянет о том, как мы шли по Прагерштрассе — новой, сверкающей яркими красками витрин, радугами причудливых фонтанов, — и к нам, вернее, к Антону, подошли трое: мужчина, женщина и девушка.

— Здравствуй, товарищ Тиль. Я бывший воспитанник колонии имени Максима Горького. У меня была кличка «Часовщик»: все возился с часами, иные чинил, а иные основательно ломал.

— Ганс Клейн?

— Совершенно верно. Теперь я совсем большой Клейн (Клейн по-немецки — маленький). Работаю инженером. А это моя жена Кристина — экономист, а это дочь Эва — студентка Технического университета... Товарищ Тиль, спасибо вам за все...

Тони сиял от счастья.

Я напомнил ему о других колонистах, которых встречал в разное время в разных местах республики: так, с Куртом Шварцем по прозвищу «Доннерветтер» (он часто употреблял это слово) я виделся на строительстве плотины Зола и комбината «Ост», Курт стал отличным экскаваторщиком.

Оказался у меня для Тони сюрприз — я разыскал одного из его вьетнамских воспитанников. И вот как: в моем московском доме живет студентка медицинского института Оля Деммина, а у нее есть подруга, однокурсница Хонг. Я спросил Хонг: нет ли среди ее знакомых таких, которые учились в ГДР? Через несколько дней Хонг привезла ко мне До Си Хиэпа — аспиранта Академии педагогических наук.

Владимир РУДИМ

ПАРЕНЬ ИЗ КОЛОНИИ МАКСИ

Директор колонии коммунист Гейнц Кубах произносит:

— В старые мехи влито новое вино. Я не сразу понял тогда конкретное значение поговорки. А дело было вот в чем...

Колонию Мариенгоф основали где-то около 1870 года. Мрачно ее прошлое. Сюда собирали несовершеннолетних правонарушителей. По существу, тюрьма. Одиночные карцеры, специальные камеры для телесных наказаний. В годы нацизма здесь готовили головорезов для «особых поручений». Распорядок был казарменным, жестокость — нормой. Во главе отрядов, команд — нацистские унтер-офицеры.

Победный май сорок пятого перечеркнул эти черные страницы. В те дни здесь впервые увидели русских солдат — совсем не таких, как рассказывали «воспитатели». Советские воины принесли еду, покатали детей на машинах. Потом пришли автогензики и срезали решетки: распахнулись окна навстречу майскому солнцу.

Я спросил Кубаха, как он стал директором. Педагог?

— Нет. Это партийное поручение. Гейнцу и новым воспитателям (прежних, в большинстве нацистов, уволили) помог случай. Они встретились с советским офицером — воспитателем Антоном Макаренко. Узнали о колонии имени Максима Горького под Полтавой (поэту и своей дали имя великого писателя),

вакию, но был схвачен. А когда началась война, его отправили в штрафной батальон. И ни письма, ни даже официальной строчки: «Пропал без вести».

Трудные месяцы, голодные и холодные. После бомбежки в феврале сорок четвертого серьезно и надолго заболела мать. Петер оказался в колонии. Темноволосый, с жесткой, непослушной шевелюрой, ладно скроенный паренек явно был заводилой в классе: без него не проходила ни одна игра, ни один футбольный матч. Особенно любил играть в Чапаева (для этого ему и понадобилось много красных звездочек: недостающие он сделал сам из картона). Способный, сказали мне, но сидеть над книгами долго не любит. Драчун, но поводы для драки всегда веские: с другом отколотил одного великовозрастного балбеса, который таскал у малышей одеяла и менял их на сигареты (преподаватели удивлялись: как одолел?). А однажды Петер побил ровесника за то, что тот обзвал его «рейхсмаршалом». Нет, Петер не мог такого простить — чтобы ему напоминать о ненавистном однофамильце, гитлеровском рейхсмаршале Германе Геринге!

Уже в первое свое посещение колонии (кстати, по-немецки ее сначала называли Максим-Горки-хайм, слово «колония» все еще звучало мрачно — до тех пор, пока не прочли «Педагогическую поэму») я увидел: здесь что ни парень,

ставил часовых из самых надежных парней. И ночью не покидал колонию. Среди его первых помощников был Петер Геринг. А когда вечером орава бандитов полезла на колонию, из-за надежного забора посыпались камни (запас был сделан солидный!). Пошли в ход палки, доски. Так продолжалось всю ночь. Необычный, но все же бой. Девочки перевязывали ребят, носили на посты еду. Несколько нападавших провались было на территорию колонии, но быстро оказались в подвале под замком. На рассвете все утихло. Но Антон еще двое суток оставался в колонии, пока не убедился, что опасность миновала.

Антон Тиль отдал колонии имени Горького много лет и сейчас пишет свою «Педагогическую поэму». Он в ней расскажет о многом. Расскажет, как однажды в колонию въехал посольский автомобиль с флажком Корейской Народно-Демократической Республики. Вышедший из машины военный взял под козырек, а потом обнял Антона:

— Здравствуй, папа Тиль!

Это был бывший воспитанник, военный атташе КНДР в ГДР. Почему кореец? Когда колония «вывела в люди» своих, немецких ребят, она стала гостеприимным домом для детишек, прибывших из далекой, охваченной пламенем войны Кореи.

Правительство КНДР наградило Анто-

— Вы бывали в ГДР? Слышали о колонии имени Максима Горького?

— Так я ведь десять лет жил и учился в этой колонии!

И потекли воспоминания! Конечно, Хиэп все и всех прекрасно помнит: и директора Тилля, и многих воспитателей, и немецкого друга Лотара Фладе, который сейчас живет в Галле, он математик, кандидат наук. Кстати, Хиэп встретился с Лотаром совершенно случайно в столовой Академии педагогических наук: Лотар отрастил бороду, внешне изменился, зато сам сразу узнал Хиэпа и подошел к старому другу. Еще Хиэп рассказал, что он после колонии возвратился во Вьетнам, воевал, был ранен, потом — снова поездка в ГДР, с другом Фуком, тоже воспитателем Тилля.

Теперь Хиэп поступил в Дрезденский технический университет на отделение психологии, а его друг — в Военную академию.

— У меня три дома, и каждый дорог — во Вьетнаме, Германской Демократической Республике и Советском Союзе.

В биографии Антона Тилля колония имени Максима Горького занимает самое важное, заглавное место. Он с энтузиазмом работал и учился. Природный педагогический дар дополнил широкими и прочными знаниями. Главным учителем Тилля, бывшего венского наборщика, был и остается Антон Мака-

ренко. Так что, вполне естественно. Тиль стал директором дрезденской средней школы имени Антона Макаренко. Об Антоне Семеновиче у него собран богатейший материал, в школе есть кабинет Макаренко, а недавно, когда Тиль приезжал в Москву, он встретился у меня с преподавательницей Полтавского пединститута, изучающей наследие А. С. Макаренко, Кармен Михайловной Ширяевой. С нею Антон переписывается уже лет десять, а вот увидаться довелось лишь в Москве. С каким восторгом Антон принял набор снимков, сделанных в разное время в макаренковской колонии!

— Лучшего подарка для меня не придумать. Подготовим отличную выставку, посвященную Макаренко...

На Унтер ден Линден, возле Университета имени Гумбольдта, мы с Антоном садимся в автобус № 57. Он идет сперва в сторону Бранденбургских ворот, потом поворачивает направо, на Шарнхорстштрассе — улицу, за которой лежит Западный Берлин.

Мы едем к Петеру Герингу. К славному парню из колонии имени Горького, к парню, имя которого теперь высечено в граните на пограничной Шарнхорстштрассе.

Вспоминается... Петер был хорошим спортсменом, участвовал во всех соревнованиях, любил военизированные игры. Он был очень любознателен, чаще других заходил в библиотеку. Однажды Тиль увидел у Петера «Коммунистический манифест».

- Прочел?
- Да.
- И все понял?
- Нет, не все.

Антон увел Петера в свой кабинет, и они начали читать «Коммунистический манифест» заново. Антон удивился: «До чего же не по возрасту толковый парень».

Однако изучать «Коммунистический манифест» для него все же было рановато, и Тиль принес мальчишке из своей

боевом посту выстрелом с той стороны — из Западного Берлина. Петеру шел двадцать второй год.

Вскоре после того, как телеграф принес трагическую весть, Тиль прислал мне номер дрезденской окружной газеты «Зекшише цайтунг». В ней я нашел письмо Хильдегард Рюдигер из городка Лухау: пожилая женщина проклинает убийцу Петера и тех, кто стоит за его спиной. В газете напечатаны стихи курсанта офицерской школы Даниэля Линца «Клятва»: «Мы клеймим позором трусливых убийц, посылающих пулю из-за угла, мы защитим наши границы, наш мир». И еще я увидел в газете снимок: восемь парней сидят на траве с футбольным мячом. Крайний слева, в белой майке — Петер.

Таким я и встретил тебя, мой юный, незабываемый друг, в последний раз...

Под снимком — письмо Антона Тили. Вот его текст:

«Передо мной лежит фотоальбом. На этой маленькой фотографии — группа мальчишек, которые отдыхают после спортивной игры. Слева улыбается мне маленький Петер. Он горд вдвойне: во-первых, его команда выиграла, во-вторых, сегодня получен значок юного спортсмена, сверкающий на его майке. Этот жизнерадостный Петер, ставший впоследствии храбрым унтер-офицером, этот Петер Геринг убит.

Храбрый Петер! Я хорошо помню день, когда твоему классу задал вопрос: «Есть ли у вас человек, жизнь и дела которого служат для вас примером, образцом? Человек, которому вы хотели бы подражать?»

Ты, дорогой Петер, поднялся первым и сказал:

«Мой пример для подражания — Карл Маркс».

На вопрос: «Почему?» — ты ответил: «Я хочу быть одним из тех, кто защищает интересы рабочих и борется против капиталистов. Богачи приносят трудящимся горе, они виноваты в том, что мой отец погиб на войне. Коммунисты — самые стойкие борцы за счастье людей».

Рисунок Романа ВЛАДИМИРОВА

МА ГОРЬКОГО

библиотеки книгу о жизни Карла Маркса.

После колонии Петер работал слесарем-монтажником. Он добровольно пошел служить в Национальную народную армию ГДР. Был зачислен в пограничные войска. Это было неожиданно и радостно: такое доверие, такая честь!

И вот он в казарме на Шарнхорстштрассе. Возле койки — тумбочка, над нею две фотографии: матери Доры и невесты, дрезденской девушки Урсулы. Петер приезжал в Дрезден в отпуск обычно в мае или июне, привозил подарки. А мать пекла сыну его любимый пирог из слив домашнего консервирования. Покупала черное пиво. Петер врывался в квартиру как ветер, брал на руки мать, потом Урсулу и вертел девушку так, что ее длинные светлые волосы обвивались вокруг лица, шеи. Девушка все-таки успевала запустить свои пальцы в черную шевелюру Петера, и тогда он останавливался. Волосы у Петера вились и были так густы, что о них ломались расчески.

Втроем — мать, Урсула и Петер — уловились: на следующий год в мае свадьба. Урсула и Петер хотели поженившись обязательно весной, обязательно в мае, когда цветут каштаны.

Минул год. Через неделю Петер будет в Дрездене! 23 мая у него последнее дежурство на границе, а затем — отпуск, поезд, счастливые встречи.

23 мая Петер Геринг был убит на

Класс поддержал твои слова аплодисментами. В те дни детская группа, в которую входил Петер Геринг, была удостоена чести носить имя Карла Маркса.

Ты, дорогой Петер, оказался верен высокому примеру, ты вырос настоящим коммунистом, ты своей жизнью защитил наше рабоче-крестьянское государство, фундамент которому заложил великий Карл Маркс. Ты отдал свою жизнь за то, чтобы мы, граждане республики, чтобы дети республики жили под мирным небом. И ты сам для всех нас стал примером. И я обещаю тебе, дорогой Петер: мы будем стойкими в борьбе против всех вылазок реакции, против происков реваншистов и империалистов. Мы верим: настанет время, когда во всем мире матери не будут оплакивать своих сыновей. Это будет время торжества социализма, это будет свершение того, чему учит Карл Маркс».

...Шарнхорстштрассе. Четырех-пятиэтажные дома. Вдоль тротуаров липы, клены. Ребятишки возвращаются из школы. Женщина развешивает на веревке белье. Обыкновенная городская улица. Нет, не обыкновенная! Слева, всего в нескольких метрах от дома, граница. Один конец бельевой веревки привязан к столбу — всего в нескольких метрах от границы, от черты, из-за которой могут рвануться пули. По наволочкам, пеленкам, по сердцам.

Во дворе дома, где полощется на ветру белье, небольшая зеленая лужайка. Клен. Рядом с ним два гранитных куба. На большом — металлическая доска с коротким текстом: на этом месте был вероломно убит пограничник Петер Геринг. Букеты цветов. На маленьком кубе — чаша для огня.

К нам подходит женщина, развешивавшая белье.

— Мы каждый день, даже зимой, кладем сюда свежие цветы...

На улице появились два пограничника и внимательно за нами наблюдают. Да, рубеж есть рубеж, и здесь нужен зоркий глаз!

Подходим к патрулю. Хочется задать несколько вопросов, поговорить.

Мои собеседники — унтер-офицер Карл и сержант Вольфганг. Первый, сын крестьянина, был до армии шофером, второй — сын маляра, был каменщиком. Они служат в том же подразделении, что и Петер. Вон там, за теми домами, их казарма. Казарма имени Петера Геринга. И смотровая вышка тоже имени Петера Геринга.

В казарме есть стенд, посвященный герою, — его портрет, его биография, его награды: Почетный знак народной полиции, Золотая медаль имени Артура Беккера — высшее отличие Союза свободной немецкой молодежи, медали «За образцовую пограничную службу» и имени Юлиуса Фучика.

- Как служится, друзья?
- Как положено.

...В Управлении погранвойск ГДР мне передали портрет унтер-офицера Петера Геринга и копию грамоты, подписанной заместителем министра Национальной обороны (он же командующий погранвойсками ГДР). Грамота свидетельствует о том, что лагерю военно-политической подготовки Дрезденского технического университета присваивается имя унтер-офицера Петера Геринга, достойно и с честью, до последнего дыхания выполнявшего свой долг по защите государственной границы ГДР. Что за этим отличием? В Техническом университете хорошо готовят молодежь к вступлению в армию, там на высоте военной-спортивной подготовки, у них крепкая дружба с солдатами Национальной народной армии ГДР и Советской Армии, выпускники университета, которые уже несут воинскую службу, являются примером для других.

Почетная грамота с именем Петера Геринга висит на видном месте не только в Дрездене. Такие грамоты — на фабрике искусственного шелка в Эльстерберге, на верфи Эльбгаль в Хейденау, у организаций Союза свободной немецкой молодежи Франкфурта-на-Одере, Зуля, в Политехнической школе района Гюстров, в молодежном клубе «Юный новатор» района Шварценберг и еще в еще в бригадах, школах, на заводах.

Ты в боевом строю, Петер Геринг.

Валерий БЫКОВСКИЙ,
летчик-космонавт СССР,
дважды Герой Советского Союза,
Герой Германской Демократи-
ческой Республики

КОСМИЧЕСКАЯ ПР ЗИГМУНДА

«Космические полеты международных социалистических экипажей в рамках программы «Интеркосмос» в немалой мере демонстрируют собой прогресс, достигнутый нашим социалистическим сотрудничеством в ведущих отраслях науки и техники. Они добывают знания, идущие на пользу всему человечеству.

И сегодня, когда вслед за гражданами Польши и Чехословакии в космос побывал гражданин Германской Демократической Республики, хотелось бы подчеркнуть существенный вклад социалистического государства немецких трудящихся в совместную работу братских стран по изучению и освоению космоса.

Словом, можно сказать, что и в космических делах социализм верен своим коренным принципам. И здесь он ставит во главу угла сотрудничество, взаимопомощь, интернационализм!»

Из выступления Генерального секретаря ЦК КПСС,
Председателя Президиума Верховного Совета СССР
товарища Л. И. БРЕЖНЕВА 12 сентября 1978 года в Кремле.

О настоящей дружбе рассказывать всегда непросто. Слова, которые кажутся приемлемыми, когда говоришь просто о добрых знакомых, теряют смысл, когда надо рассказать о человеке,

ставшем для тебя истинным другом. Слишком многое вас объединяет с ним, слишком близко, рядом вы стоите в жизни.

Уже после того, как позади осталось самое трудное, когда нас с забываемой теплотой встретила Земля, кто-то назвал чувства, связавшие нас с Зигмундом, космическим братством. Еще тогда я подумал о том, что это верно лишь отчасти. Наше братство родилось на Земле, в космосе оно окрепло. Нашему братству суждено жить бесконечно долго, так же, как великому братству наших народов, объединенных общей целью, народов, у которых одна Земля и один космос.

Итак, о Зигмунде. Если бы мне предложили отозваться о нем как о человеке с максимальной краткостью, я бы сказал: «Он человек поступка». И этим было бы сказано все. Почти два года, что мы были рядом, убедили меня в том, что в его отношении к работе, товарищам, семье на первом месте поступок. Впрочем, на втором тоже. Для тех, кто имеет хотя бы приблизительное представление о работе космонавтов, понятно, насколько это важно.

Но прежде я должен вернуться к событиям, предшествовавшим нашему знакомству с Зигмундом.

Вскоре после полета на «Союзе-22» мы с Владимиром Аксеновым дважды побывали в ГДР, где встречались с руководством республики, рабочими и инженерами многих предприятий, с учеными, с представителями общественности. Вторая поездка была чисто деловой: в полете мы работали с аппаратурой, я говорю об уникальном фотокомплексе МКФ-6, изготовленном на народных предприятиях ГДР, коллективом завода «Карл-Цейс-Йена». Многозональная фотокамера позволяет получать фотоснимки одного и того же участка в шести спектральных зонах, то есть, образно говоря, увидеть прежде невидимое. Например, распознать отмыли и песчаные наносы, скрытые под водой, определить влажность почвы, разглядеть разрез прибрежного шельфа, границы

зон растительности в горах и еще очень многое. Мы первые с Аксеновым опробовали МКФ-6 в космосе и должны были высказать создателям фотокомплекса свое мнение о нем, словом, помочь довести аппаратуру до уровня требований, которые предъявляет космос к любому прибору.

На предприятии отнеслись к нашим рекомендациям с предельным вниманием. Все наши предложения были учтены. Заглядывая вперед, скажу: мы с Зигмундом работали в космосе уже с новой модификацией МКФ-6М, совершенной для того времени во всех отношениях. Впрочем, наши коллеги из ГДР в этом плане были всегда на высоте положения, более чем за 10 лет сотрудничества наших стран в рамках программы «Интеркосмос» они разработали и «поставили» в космос уже больше 100 приборов и приборных комплексов, которые прочно заняли свое место в космических исследованиях.

Так вот, во время встреч с нашими друзьями из ГДР, особенно в неофициальной обстановке, нас довольно часто спрашивали: имеем ли мы что-нибудь против того, чтобы поработать в космосе в составе международного экипажа, и почему бы нам не взять в очередной полет гражданина ГДР? Мы, естественно, ничего против этого не имели и сами готовы были с Владимиром Аксеновым стартовать в космос в такой компании хоть завтра. Но разговоры эти были не очень конкретные, мы к тому же не считали себя уполномоченными их вести, так что после возвращения домой это вскоре забылось.

Но вдруг, спустя несколько месяцев, всех космонавтов, находившихся в то время в Звездном, приглашают познакомиться с летчиками из ЧССР, ПНР и ГДР, которые должны вскоре приступить к космической подготовке. Они шестеро стояли в зале радостные и смущенные одновременно, хорошие, симпатичные ребята, с которыми кому-то из нас предстояло пойти в космос. И мы разделяли если не их волнение, то их радость: нашего «космического полку» прибыло. Мы тогда мало знали о своих новых товарищах, знали лишь, что они военные летчики высокого класса, что летали на истребителях, знакомы с перегрузками. Мы тоже в тот первый раз смотрели на них глазами летчиков, и первые разговоры касались летной работы.

Тогда экипажи еще не составлялись, не было известно, кто с кем полетит, и наше знакомство с Зигмундом носило самый общий характер. К тому же я был почти убежден, что меня в состав международного экипажа не включат, слишком мало времени прошло после нашего полета с Аксеновым. Словом, я занимался своими проблемами. Но кто бы знал, как мне снова хотелось в космос! Впрочем, это страсть всех, хоть однажды побывавших там.

А пока наши иностранные коллеги изучали курс общекосмической подготовки. Им, летчикам-истребителям, это было нелегко, предстояло фактически с нуля овладеть космической техникой последнего поколения, сложнейшей аппаратурой. Немало времени уходило у них на физическую подготовку, тренировку вестибулярного аппарата. Мне в этом смысле повезло, от природы досталась хорошая вестибулярная система. Еще будучи летчиком, в строевом полку неоднократно подвергал себя значительным перегрузкам и потом, уже готовясь к космическим полетам, легко переносил все перегрузки.

Но вот спустя несколько месяцев я был вызван к начальнику Центра подготовки космонавтов, и мне сообщили, что принято решение назначить меня командиром международного экипажа. Со мной полетит подполковник ВВС Национальной народной армии ГДР Зигмунд Йен! А нашими дублерами назначены Виктор Горбатко и Эберхард Кельнер. Признаюсь, обрадовался отчаянно, везение было редким — предстоял третий космический старт. Почти тогда же узнал и причины этого везения: руководство посчитало необходимым послать командирами международных экипажей тех, кто уже был «обкатан» космосом. К тому же значительную часть работы на орбитальном комплексе предстояло производить при помощи уже хорошо известной мне многозональной фотоаппаратуры МКФ-6М.

Вполне понятно, что с того момента резко повысился мой интерес к Зигмунду Йену. Это было не простое любопытство, ведь космический полет — дело не только трудное, но и в какой-то степени опасное, сопряженное с немалым риском. И очень важно, кто окажется рядом, в какой степени ты можешь положиться на этого человека. Ведь для каждого полета вырабатывается сложная программа экспериментов и исследований, проводимая экипажами в космосе. Программа весьма насыщенная, которую космонавты обязаны выполнить в интересах науки, техники, народного хозяйства. Так что не менее важно и то, кого судьба тебе дарит партнером, каковы его деловые качества. В космосе дорога каждая рабочая минута и то, что не сделает один член экипажа, ложится на второго, который, увы, совсем не двужильный.

В связи с этим я не могу лишний раз не подчеркнуть необоснованность высказываний некоторых западных органов печати, утверждавших, что СССР принаем на борт космических кораблей иностранных граждан только в качестве пассажиров. Если бы журналистам, подписывающим подобные байки, довелось хоть раз понаблюдать за тем, как насыщен на борту орбитального комплекса рабочий день наших друзей из братских стран, они

прикусили бы язык. Словом, в космосе пассажиров нет (пока нет), есть командиры и члены экипажей, все нагрузки между которыми разделены поровну.

Надо отдать должное нашим женам, они познакомились и подружились, еще не зная, что их мужья станут экипажем «Союза-31». Когда я сказал Валентине, что буду готовиться к полету с Зигмундом, который с семьей жил двумя этажами выше нас, она с полной убежденностью заявила: «Прекрасно. Я очень рада. Эрика рассказывала мне о своем муже очень много хорошего. Он замечательный отец, дома многое делает сам, и его любят товарищи». Вот такая характеристика была выдана моему будущему коллеге по космосу. Как показала жизнь, все ее пункты соответствовали истине.

И еще одна характеристика Зигмунда, не менее важная, с моей точки зрения, которую я услышал вскоре после того, как начались тренировки. В это время Зигмунд, как и другие будущие космонавты, регулярно летал на истребителях. Однажды на аэродроме я заинтересовался у летчика-инструктора, как Йен ведет себя в небе.

Инструктор поднял большой палец: — Во! Классный летчик, таких посылать надо, чисто работает.

Мнение опытного офицера стоило немало.

Уже позже, когда я познакомился с людьми, знавшими Зигмунда по службе в авиации, они рассказали о моем друге много такого, за что нельзя было не уважать его. Он, например, никогда не требовал от подчиненных того, что не мог сделать сам. Если он в воздухе допускал малейшую ошибку, то садился за тренажер и не покидал его до тех пор, пока не доводил неудавшийся элемент до безукоризненной чистоты. Еще тогда, в своей пилотской молодости, Йен отличался необычайным трудолюбием, целеустремленностью, напором. Ну, и очень много летал, что потом пригодились уже здесь, в Центре подготовки космонавтов.

Начались наши совместные тренировки на комплексном тренажере. Помню, когда Зигмунд впервые увидел всю аппаратуру и технику, собранную в зале, где установлен тренажер, он, обычно невозмутимый, воскликнул:

— Неужели я когда-нибудь буду знать все это?!

— Ты должен знать это, — сказал я.

— Должен... — повторил он.

По многу часов в день мы проводили в кабине тренажера, отрабатывая под руководством опытного инструктора все элементы управления пилотируемым космическим кораблем. В программу подготовки входили предстартовый осмотр корабля, проверка герметичности отсеков, контроль за состоянием всех систем, имитация сближения корабля с орбитальной станцией, стыковка, расстыковка, работа на борту станции. Кроме штатных ситуаций (то есть нормальных), нам задавались нештатные, непредвиденные, из которых мы тем не менее обязаны были выходить с честью. Как-то инструктор вывел меня из строя (условно, конечно) в самый напряженный момент.

— Зигмунд, полностью принимай управление системами на себя, командир выключен, — получил он приказ инструктора.

СМЕНА ИМЕНА

На какое-то время Зигмунд растерялся, это было видно по его лицу. Впрочем, попробуй не растеряться, если тебя об этом не предупреждают заранее. А корабль «движется», в иллюминаторах звездное небо, внизу голубеет Земля, короче, полная иллюзия космического полета. Времени терять нельзя. И Зигмунд спустя несколько мгновений взял себя в руки.

— Есть принять управление на себя!

С каждым днем он чувствовал себя на тренировках все увереннее. Давалось это непросто. Но с самого первого дня нашей совместной работы меня поражали его стремление к познанию, упорство, с которым он осваивал одну науку за другой, высочайшая ответственность за каждый прожитый день. После шестичасовой тренировки, а потом повторения с инструктором пройденных заданий он садился за книги, изучал материалы предыдущих полетов, специальную литературу. Просиживал в кабинете до 10—11 часов вечера, не уходил до тех пор, пока не находил ответа на волнующий вопрос. Ученые, консультанты, с которыми он встречался, готовясь к полету, расставались с ним, мягко выражаясь, в состоянии изумления. Зигмунд интересовался буквально всем, что имело отношение к его будущей космической работе, один лишь предусмотрительный программист материал его не удовлетворял, и усердие его никакой меры не знало.

Застав его как-то поздно вечером в рабочем кабинете за конспектами, я посоветовал Зигмунду соблюдать режим хотя бы приблизительно. Он улыбнулся, задумался.

— Я все понимаю, командир. Но у меня так мало времени, а сделать надо так много... Ведь в меня верят мои товарищи там, дома, верят, что я не подведу их. Я очень дорожу этим доверием.

Вообще-то он не часто произносил высокие слова. Да и повода особенного не было. Мы готовились к полету — работали, тренировались, много говорили о космосе. Зигмунда очень интересовали мои два предыдущих полета, впечатления, наблюдения. Он жадно ловил каждое слово. И ничего не забывал. Достаточно было ему услышать что-то один раз, и он уже никогда больше на этом не спотыкался. Я это понял — и во время тренировок на комплексном тренажере и потом, в ходе работы на орбитальной станции. Так вот, не произнося высоких слов, он постоянно хранил их высокое содержание в себе, когда неуклонно шел к главной цели — стать космонавтом. Он отдавал этому всего себя, всю свою волю, убежденность, всю свою партийность. Это единственно верный путь в космос. И пусть не заблуждается тот, кто считает, что космонавтом становятся автоматически через какое-то время после зачисления в отряд. Нет, в космос можно идти только так, как шел Юрий Гагарин, шла Валентина Терешкова, как шли после них многие мои товарищи, как шел Зигмунд, — через труд, через самоотверженность, высочайшие нагрузки, железную дисциплину. Еще задолго до старта я понял, что Зигмунд будет космонавтом. Он оказался из породы тех людей, кто не умеет отступать и в своем движении к цели никогда не ищет компромисса.

Конечно, у нас была не только рабо-

**ЗДРАВСТВУЙ, ЗЕМЛЯ!
ПЕРВОЕ ИНТЕРВЬЮ ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ ПОЛЕТА.**

та и не только одни тренировки. Дружили наши жены, наши дети. Когда представлялась возможность, вместе выбирались в лес, на выставки, в театры. Это было необходимо, чтобы снять психологические нагрузки, перенестись в другую среду. Но, невзирая на протесты жен, мы, рассуждая о поэзии Пушкина (которого Зигмунд очень любил), с полоборота могли перейти к разговорам о СОУД, что на человеческом языке означает «система ориентации управления движением корабля». Наверное, стремление к полету слишком прочно сидело в нас, и мы не могли хоть сколько-нибудь надолго забыть о космосе.

Тренировки и учеба закончены. Мы сдали экзамены по космическому кораблеводению, тепло попрощались с близкими и отправились к месту старта, на Байконур. Ведь там, в космосе, нас ждали на орбитальном комплексе «Фотон» — Владимир Коваленок и Александр Иванченков. Они уже работали вовсю, передавали на Землю ценнейшую информацию. Уже вернулись «Кавказы», второй международный экипаж — Петр Климух и гражданин ПНР Мирослав Гермашевский, привезли привет от хозяев орбитального, результаты первых опытов, массу впечатлений. Близился наш старт, мгновение, к которому мы шли так долго. Я взял свой старый позывной «Ястреб».

На космодроме дни были заполнены до предела: мы вновь и вновь проигрывали все ситуации штатные и нештатные, которые могли возникнуть в полете, усиленно занимались физподготовкой, изучали последние данные, полученные с борта орбитального комплекса, повторяли один за другим опыты и эксперименты, заложенные в нашу программу.

В последний вечер перед стартом я зашел за Зигмундом и пригласил его на прогулку. Такова традиция Байко-

нура. Врачи, обычно неуступчивые во всем, что хоть как-то выходило за рамки режима, в этот раз не возражали. Мы пошли на берег реки, потом к Домику космонавтов. Остановились, невольно залюбовавшись багряным огромным солнцем, уже коснувшимся горизонта.

— Красиво, Зиг? — спросил я его.

— Очень.

— Постарайся запомнить земной закат, чтобы сравнить его потом с космическим. Это совсем разные вещи.

— Разве бывает что-нибудь красивее восходящего и заходящего солнца, какое оно здесь, на земле?

— Сам увидишь.

— Скорей бы!

Какое-то время мы шли молча. Потом Зигмунд остановился, посмотрел на меня:

— Невозможно представить, как я счастлив... Я так благодарен тебе, твоим товарищам за все... Благодарен от своего имени, от имени моей страны.

— Не слезь, мы еще не взлетели.

— Взлетим, командир, теперь уже взлетим.

Он был переполнен чувствами в тот вечер, я понимал это, и я сам волновался не меньше его. Завтра. Каким оно будет? Убежден, что старт пройдет благополучно. И все же волновался.

И вот настало. Ракета с кораблем «Союз-31» была еще накрепко прикована к земле: пристыкована заправочная кабель-мачта, сведены фермы обслуживания. Но вот в динамиках командного пункта прозвучал доклад о завершении всех операций по заправке ракеты топливом.

15 часов 19 минут. Впереди наших автобусов идет машина с мигалкой, в одном автобусе мы, в другом дублиеры. Последние слова напутствия. Мы идем к лифту. Идем в космос. Сколько людей прошло по этой дороге до нас с Зигмундом, сколько еще пройдут! Я не

знаю, какая дорога сплавивает людей так же прочно, как эта. И в том, что по ней в третий раз шли представители братских стран, была своя глубокая символика и своя историческая логика.

За несколько секунд до старта я посмотрел на Зигмунда. Он был спокоен. Я еще мысленно позавидовал его спокойствию, но, зная своего друга, не удивился этому. Зигмунд всегда умел подавлять эмоции, собираясь в пуск перед каким-то важным шагом.

Раздался рокот «предварительной». Старт... А следом «Фотон» передал, что «Ястребы» стартовали благополучно и чтобы те готовились к приему гостей.

Мы приближались к «Фотону». Предстояла стыковка. Все шло по графику. Все как положено, но у нас с Зигмундом не было ни одной секунды времени, чтобы обменяться впечатлениями, да и слишком ответственная работа была впереди. Потом он признался, что вплоть до самой последней стадии стыковки был на нервах. Но вот до орбитального комплекса остается 50 метров, 20... 3... Есть касание! Есть мехзахват... Какими прозаическими выглядят эти слова, произносимые в обиходе. Какими поэтичными, высокими они звучали в наших сердцах! Только тут я позволил себе улыбнуться, и Зигмунд расцвел от радости прямо на глазах.

А потом была необыкновенно теплая, трогательная встреча на борту орбитального комплекса с нашими товарищами Владимиром Коваленком и Александром Иванченковым. Как они ждали нас! Даже генеральную уборку провели, не говоря уж о прямо-таки королевском ужине, который приготовили. Зигмунду по традиции вручают подарок — матрешку Машу. Мы раздаем почту с Земли, самый ценный дар. Для начала в порядке эксперимента я

предложил поужинать вниз головой... И остался в этом положении в одиночестве. Хозяева успели «наплаваться», а Зигмунд признался, что пока еще не привык.

Время нашего полета строго регламентировано, на учете каждая минута, нас ждала работа.

О том, чем мы занимались на борту орбитальной станции, немало писалось, к тому же мы вели телерепортажи из космоса, рассказывая об основных экспериментах. Коротко напомню: мы много занимались геофизическими исследованиями, которые проводили с помощью МКФ-6М, космической металлургии. На установках «Сплав-01» и «Кристалл» ставили опыты под общим названием «Беролина», занимались медико-биологическими исследованиями и еще очень многим. Есть задания, которые выполняются в нашу программу в обязательном порядке, а есть те, что сверх программы, но тоже очень важные. Их выполняешь, если справишься с основными.

Так вот, я и мои коллеги поразились ярости, с какой Зигмунд набросился на работу. Едва только он научился видеть Землю, что приходит не сразу, как тут же прилип к МКФ-6М, и оторвать его от комплекса могли лишь какие-то чрезвычайные события. Заканчивая один эксперимент, он брался за другой. Если видел, что кто-то из нас занят чем-то трудоемким, Зигмунд немедленно приходил на помощь. Его работоспособность была необычайной. Но дело делом, а не обходилось и без шуток.

Как-то Зигмунд работал с «Пентаконом» по обычаю сосредоточенно и серьезно. Вдруг его окликнул Коваленок:

— Зиг, иди сюда, посмотри, какие необычные вихревые потоки в районе Австралии.

Зигмунд прилип к иллюминатору и... не увидел ничего, кроме облачности.

— Где они?
— Да вон там, над островами... Немедленно выходи на связь с «Зарей», пусть направят в этот район научные корабли... Это же сенсация.

Иен все еще в нерешительности. Мы обступаем его:

— Зиг, медлить нельзя.
Наконец Иванченков не выдерживает, улыбается. До Зигмунда доходит, что его разыгрывают, он не в обиде — время еще есть, скитаемся.

— Зигмунд, пора спать, «Заря» сердится за нарушение режима.

— Сейчас, вот только закончу записи.

Через несколько минут Иванченков напоминает, что все сроки вышли, если Зиг не ляжет (вернее, не повиснет), придется принять меры физического воздействия.

— Сейчас, пройдет это полярное сияние, уж очень оно красиво.

Жадность к познанию, ко всему новому, еще не изученному в нем так велика, что Зигмунд готов был экспериментировать и наблюдать, забыв про сон, про еду, про все на свете, что не имело отношения к его работе космонавта-исследователя.

Вполне понятно, что деловые качества человека еще не определяют его характер. Там, на орбите, нам особенно дороги товарищество, дружеское взаимопонимание, особый мужской такт. Говоря о Зигмунде как о человеке, шедом на дружбу, я мог бы рассказать немало эпизодов. Он часто старался взять на себя самое трудное, умел радоваться победам друзей и переживать их неудачи. Но для того, чтобы понять всю степень его деликатности и душевной щедрости, достаточно вспомнить лишь об одном.

Наш рацион на борту орбитального комплекса был составлен с учетом

того, чтобы каждый, как говорится, мог есть вволю, выбирая из всего ассортимента блюд то, что ему хочется. Сам процесс приготовления еды был чрезвычайно прост: кто-нибудь из нас разогревал пищу в печке и развозил ее каждому. Так вот, однажды Коваленок заметил, что Зигмунд самые вкусные и питательные блюда оставляет нетронутыми. Надо сказать, что и я, повинаясь какому-то безотчетному чувству беспокойства за товарищей, старался, мягко выражаясь, не передать. Все-таки им предстояло работать в космосе очень долго. Хотя, повторяю, продуктов было предостаточно.

— Зиг, почему ты не ешь? — спросил у него Коваленок.

— Не хочется.

— А ты, Валера, почему?

— Нет аппетита.

— На эту вкуснятину нет аппетита! Ну, вы это бросьте. Бойтесь нас есть, да?

— Да нет, правда, ребята, не хочется. К тому же нам всего неделю летать, мы вообще можем не есть. И так дотянем. Сейчас, кстати, худые мужчины в моде.

Коваленок и Иванченков сердятся на нас шутку:

— Чтобы все умяли! Иначе Земле пожалуемся, что вы голодовку устраиваете.

Наша работа на орбитальном комплексе подходила к концу. Уже были сложены ампулы с результатами экспериментов, оформлены записи наблюдений, отснята последняя кассета. Зигмунд был грустен.

— Тебе что, домой не хочется, Зиг?

— Почему не хочется? Хочется. Но ведь мы так мало успели сделать. Вот если бы нам продлили полет. Может быть, попросить «Зарю»?

— Попросить, конечно, можно, но...
— Я понимаю, программа.

Мы тепло простились с нашими товарищами и по команде с Земли расстыковались с орбитальным комплексом, к которому уже успели привыкнуть, как привыкают люди к своему дому, к месту, с которым связаны самые не самые легкие, но самые радостные дни жизни. Уже на Земле, в объятиях друзей, под стрекот кинокамер, я спросил Зигмунда, что бы он ответил, если бы вот сейчас, сию минуту нам предложили вновь отправиться в космос. Он улыбнулся:

— И ты еще спрашиваешь, командир!

Потом у нас были волнующие минуты в Джезказгане, на Байконуре, в Москве, в Звездном. И в ГДР. Это могла бы быть отдельная, пожалуй, самая трогательная страница моего рассказа. Думаю, что дни нашей поездки по ГДР, до отказа заполненной встречами с десятками тысяч людей, Зигмунд Иен никогда не забудет. Он назвал это главным испытанием в своей жизни и сказал, что сам полет был намного легче. При всем том Зигмунд оставался простым, необыкновенно дружелюбным, скромным.

Помню его выступление на одной из встреч:

— Всем, что сделано нами в космосе, всем, что еще будет сделано, мы обязаны нашей дружбе с Советским Союзом, нашему единству взглядов с советскими людьми, неустанной заботе правительств социалистических стран о научном прогрессе, о мире, о счастливым будущем грядущих поколений.

Провожая меня в аэропорту, Зигмунд сказал, что обязательно придет встретиться «Фотон». Честно говоря, я тогда усомнился: Иен был в тот период, как говорится, нарастают. А он все-таки приехал, объяснил, что не мог не приехать, слишком многое его связывает с нами...

В доме Романа Кармена, кинодокументалиста и солдата, висела уличная табличка-указатель с надписью «Унтер ден Линден». Белая эмалированная дощечка, черная готика шрифта, щербатинки от пуль... Военный трофей. Кармен взял эту дощечку с собой в Москву из разрушенного войной Берлина сорок пятого года.

А спустя два с лишним десятилетия на Унтер ден Линден, под цветущими липами, Кармен снимал выступление знаменитого «Октябрь-клуба». Объектив его камеры всегда как-то особенно пристально всматривался в лица молодых...

Вот строчки, написанные замечательным человеком и мастером в 1970 году. Он был в тот год почетным гостем Фестиваля дружбы молодежи СССР и ГДР.

Роман КАРМЕН, лауреат Ленинских и Государственных премий СССР, лауреат Государственной премии искусств ГДР

И снова я в Германской Демократической Республике, расцвеченной яркими флагами, цветами, улыбками молодежи.

Юные хозяйки немецкой земли приветливо встречают гостей из Советского Союза. И меня не покидает чувство

радости, что я присутствую на этом светлом празднике юности.

Следуя за нитью воспоминаний, уходящей в далекие годы, я нахожу истоки того чувства, которое связывает меня с Германской Демократической Республикой. Я вглядываюсь в лица молодых

РАЗДУМЬЕ

Через девять лет киноленты «Великая Отечественная» пришла на экраны мира. В ГДР фильму этого поразительного произведения кинодокументалистики, последней работы Романа Кармена, идет под названием «Решающий фронт». Они вызвали дискуссию, в которой самое активное участие принимает молодежь.

Вот отрывки из писем, опубликованных газетой Центрального совета Союза свободной немецкой молодежи «Юнге вельт». Итак, разговор о «Решающем фронте» — о «Великой Отечественной»...

«Страдания советского народа и его огромное мужество, проявленное при защите своей Родины... Все это, запечатленное в документах фильма и рассказанное просто и без прикрас, поразило меня. Ведь многие из мужчин, женщин, детей, которые показаны, например, в «Битве за Москву», наверное, не пережили войну — если вспомнить, что только Советскому Союзу война стоила 20 миллионов жизней.

Хольгер ХОМБАХ, школьник, Мальхов».

«Чувствую глубокую потребность написать вам. С большим интересом смотрю «Решающий фронт». Особое впечатление на меня произвел фильм «Блокада Ленинграда». Как эти люди выстояли, как они сопротивлялись врагу 900 дней! Это был настоящий героизм. Огромное впечатление произвели на меня дневниковые записи Тани. Я сам был в Ленинграде в музее, где хранятся эти документы. Этим письмом я хотел бы выразить мою благодарность создателям фильма.

Фолькер МАЙЕР, унтер-офицер, Вальтерсдорф».

«Я только что посмотрел еще один фильм эпопеи «Решающий фронт», и он

произвел на меня огромное впечатление. Особенно потряс корабль с детьми, которых должны были эвакуировать и который попал под бомбежку. Когда женщина потом рассказывала о шапочках, пльвищих по воде, меня охватили глубокое сочувствие советскому народу и ненависть к захватчикам. Я хочу стать офицером и буду делать все, что в моих силах, чтобы такое больше не повторилось.

Штефен КЮНЕ, школьник, Цвербен».

«Многих из нас, учеников 46-й школы имени Зои Космодемьянской, особенно взволновал фильм «Партизаны», где были показаны фотографии казни партизанки Зои. Эта эпопея представляет для нас особую ценность, поскольку наше поколение знает об этом зловещем времени лишь из уроков истории и по рассказам старших.

А. БЛАНКЕНБУРГ, средняя школа имени Зои Космодемьянской, Дрезден».

«Я считаю, что именно сейчас эта эпопея важна и необходима. Ее появление вдвойне оправдано, если учесть усиливающиеся бесчинства неонацистских групп в капиталистических странах. С одной стороны, она показывает молодым людям, которые не испытали войны, на какие варварские преступления способен фашизм, не гнушавшийся ничем, чтобы добиться своих целей. С другой стороны, фильм рассказывает о не поддающемся описанию героизме советских людей, не щадивших своей жизни.

Я думаю, что этот фильм должен побудить миллионы и миллионы людей еще активнее выступать за мир.

Франк ЗАУЭР, Зангерхаузен».

А вот как проходила дискуссия в берлинской профтехшколе имени

немцев, а перед глазами — образы, вошедшие неизгладимыми вехами в мою биографию, благородные образы других поколений немцев — борцов за социалистическую Германию. Вот они...

1926 год. Будучи молодым фотокорреспондентом, я снимал на московском вокзале проезд в Москву первой немецкой рабочей делегации. Помню радостные лица, поднятые в приветствии «Рот фронт!» сжатые кулаки, пламенные речи, восторженные приветствия москвичей, встречавших своих братьев по классу...

Тогда же, в двадцатые годы, в Кремле я снимал Клару Цеткин в группе немецких делегатов. Помню я и Красную площадь, траурные марши — я снимал скорбные лица немецких товарищей, провожавших к Кремлевской стене урну с прахом Клары Цеткин.

Август 1936 года. Барселона. Сегодня перед моими глазами отчетливо встает картина — широкий двор казармы Карла Маркса, где выстроился перед отправки на фронт батальон Тельмана — первый вооруженный отряд антифашистов, который составил впоследствии ядро интернациональных бригад.

Немецкие антифашисты в те годы на испанской земле вступили в вооруженную схватку с полчищами Гитлера, с легионом «Кондор». Прошло три десятилетия, но я отчетливо вижу лица парней, которым я пожимал руки в тот солнечный день в Барселоне. Через сколько границ, через сколько огней и

смертей прошли эти люди, чтобы в открытом бою против полчищ Гитлера, брошенных на удушение Испанской республики, продолжать борьбу, которая шла в глубоком подполье в Германии, в концентрационных лагерях. И в Испании немецкие бойцы-антифашисты шли в бой за свою социалистическую Германию.

В те далекие годы я подружился с Эрнстом Бушем, с писателем Людвигом Ренном — командиром 11-й интербригады, со многими немецкими парнями, которые сражались рядом с нашими советскими добровольцами у стен Мадрида, в предгорьях Гвадаррамы, под Уэской.

Весной 45-го, придя в Берлин с войсками Советской Армии, я снимал лежащий в руинах город, который в годы войны был для миллионов людей символом зла, ужаса. Нас не покидала мысль, что здесь, в Берлине, окутанном дымом пожаров, в эти исторические часы решается судьба немецкой нации. В освобожденной от фашизма столице Германии я смотрел на мальшей, которых из полевых кухонь кормили советские солдаты, и думал: им суждено строить новую Германию, новое немецкое государство, которое никогда больше в истории не посягнет на жизнь других народов.

Прошли годы. Я много раз бывал в ГДР, приобрел много новых друзей, встретил старых товарищей, тех, с кем побратался на испанской земле, выслу-

шал суровую повесть о годах испытаний и борьбы, через которые каждый прошел, чудом оставшись в живых, чтобы стать гражданином социалистической Германии.

Поднимались из руин города. Росло новое поколение строителей первого в истории социалистического государства немецкой нации. Меня радовали эти молодые люди, их гражданственная мудрость, их чувство интернационализма, их уважение к революционным традициям немецких коммунистов, немецкого рабочего класса.

Вглядываясь в их лица, я невольно обращался мыслями к весне 45-го года: не они ли это — те крохотные существа, с которыми я встретился в горящем Берлине?

Выросло новое поколение немцев, воспитанное Социалистической единой партией Германии. Родившиеся в огне войны и после ее окончания, ныне они уверенной походкой идут в цехи заводов, поднимаются на строительные леса, заполняют аудитории университетов, стоят с оружием в руках на границе, зорко, бдительно глядя во враждебный мир.

Да, они неотделимы друг от друга — образы двух поколений, те, чей боевой клич «Рот фронт!» стал символом революционной борьбы пролетариата всего мира, те, кто дрался на испанской земле в батальоне Тельмана, те, кто продолжал борьбу в нацистских лагерях смерти, и те, кто родился в годы

войны и вошел в сознательную жизнь как юный гражданин первого в истории социалистического государства немецкой нации. Они сегодня в едином строю — и закаленные во многих битвах коммунисты и устремленные в завтрашний день, смелые, полные замыслов, неутомимые в труде и в познании мира юные граждане республики, в полном смысле этого слова Мастера завтрашнего дня.

Я снимал их для фильма «Товарищ Берлин» в цехах заводов, на стройках, в колоннах бойцов камфгрупп, в аудиториях университетов...

Немцам, которые создали социалистическое государство, которые воспитали новое поколение — смелое, энергичное, продолжающее благородные революционные традиции германского рабочего класса, посвятили мы, советские кинематографисты, свой фильм «Товарищ Берлин». В название фильма мы вложили те чувства дружбы, которые советские люди питают к Германской Демократической Республике — стране, стоящей на переднем крае нашего лагеря социализма.

Вот почему я, не задумавшись, оторвался в эти дни от своей работы, от повседневных забот и прилетел в Дрезден, расцветивший улыбками цветущей юности. Меня переполняет чувство радости от новой встречи с веселой, прекрасной молодостью социалистической Германии — страны добрых надежд и светлых горизонтов.

ГОДАХ БЕДЫ И ПОДВИГА

Павла Беляева. Разговор записали репортеры журнала «Фрайе вельт». Мнения ребят, родившихся через годы после войны...

«Несмотря на голод и холод, людей нельзя было заставить покинуть библиотеки, они читали и учились...»

«Их вера в победу была непоколебима. Рабочие из последних сил давали продукцию для фронта...»

«...Эти кадры с симфоническим оркестром... Столько пустых стульев! Лишь немногие из тех, кто был тогда на первом исполнении Седьмой симфонии Шостаковича, остались в живых...»

«А дневник этой школьницы, куда она записывала день, когда умирал от голода еще один член ее семьи, а потом и она сама умерла?..»

«Я знаком с некоторыми ленинградцами. Они могли бы быть переполнены ненавистью к нам, немцам, но нас всегда принимали дружелюбно. Ненависть они испытывают к фашизму. Они всегда понимали разницу между немцами и фашистами...»

«Этот фильм показывает истинное, ужасающее лицо войны. Для нас, кто не пережил всего этого, это необычайно важно...»

«Службу в Национальной народной армии кое-кто у нас еще воспринимает как неизбежное зло. Я думаю, таким стоило бы поразмыслить, насколько необходимо беречь мир...»

«А Чили, Вьетнам? Красоту городов можно воссоздать, это видно по тому же Ленинграду, — но дети, которые умерли? Фашисты посылали им гранаты «в подарок», во Вьетнаме американцы сбрасывали им с неба отравленные конфеты. Интересно, о чем думает средний американец, который так любит иногда попусту разевать рот, когда он смотрит такой фильм?»

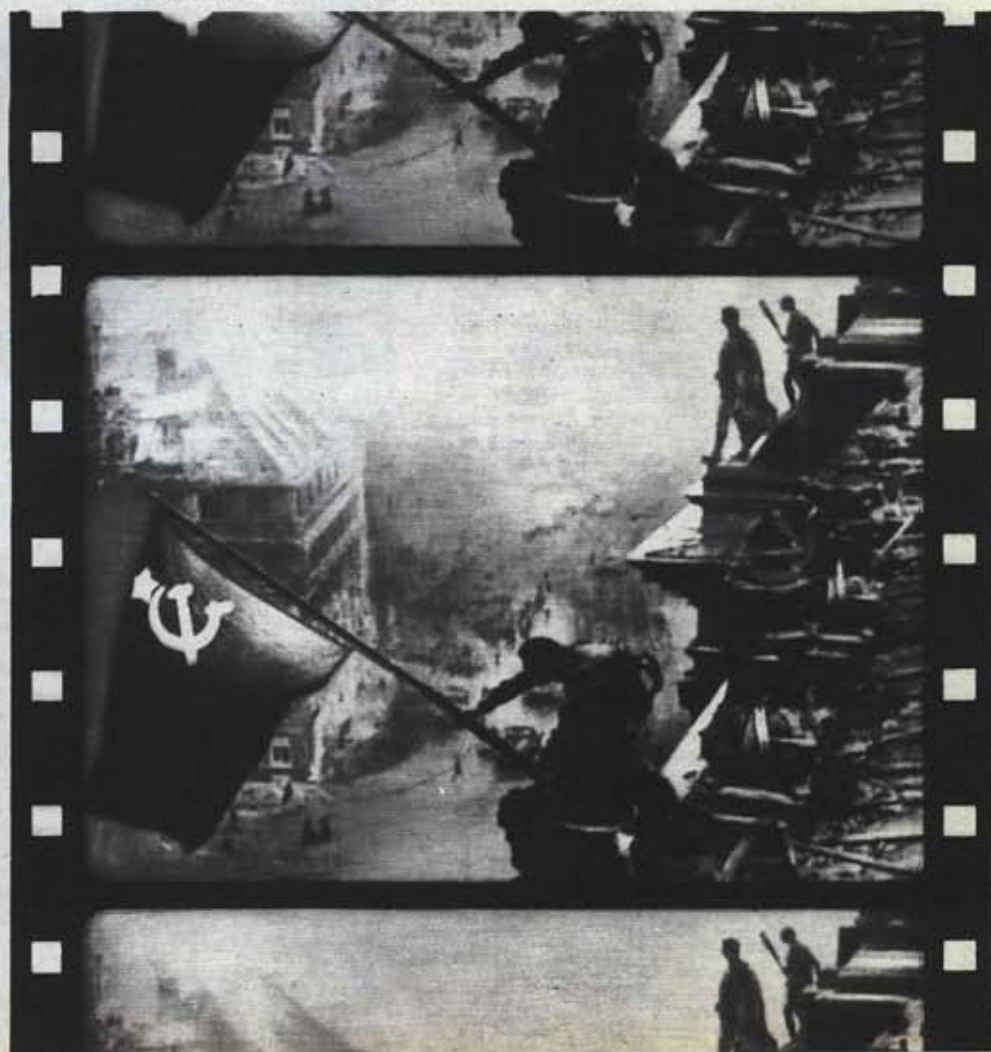
«Такие фильмы актуальны. Солидарность приобретает иную окраску. В Советском Союзе исключительно развито чув-

ство солидарности, и это имеет свою историю. После первой мировой войны Советский Союз послал зерно в голодающую Германию, хотя сам нуждался в нем...»

«У нас в гостях была молодежная делегация из ФРГ. Они говорили, что опять появляются люди, зывающие к сильной личности, второму фюреру. Штраус как-то сказал, вторая мировая война, мол, еще не закончилась. Такие слова просто не укладываются в голове...»

«ЭТА КИНОЭПОПЕЯ ДОЛЖНА СТАТЬ У НАС ПРОЧНОЙ СОСТАВНОЙ ЧАСТЬЮ УРОКОВ ИСТОРИИ...» — ГОВОРЯТ УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ.

СИНИЕ ФЛАГИ С ЗОЛОТЫМ

Рейнхард КВЕРЕНГЭССЕР,
Лутц ЛАНГЕ,
Вера ЛАНДБЕРГ,
Альберт ЛИХАНОВ,
Валерий ОРЛОВ,
Олег СЕВЕРГИН,
Николай СЕМИЛЕТНИКОВ

Синий—традиционный цвет Союза свободной немецкой молодежи. Цвет надежды и уверенности в будущем. Цвет чистого мирного неба, под которым родилось послевоенное поколение Германской Демократической Республики. То поколение, которое носит сейчас синие рубашки членов ССНМ. 2 миллиона 300 тысяч парней и девушек объединяет Союз молодежи—школьников и студентов, учащихся профучилищ, молодых рабочих и крестьян, представителей технической и творческой интеллигенции... Повсюду в республике реют синие флаги, на которых эмблема Союза молодежи—восходящее золотое солнце.

Как же живет молодежь ГДР, как она работает, учится, как мыслит? Ответить—хотя бы в какой-то степени—на эти вопросы своей документальной повестью и попытались ее авторы: журналисты из газеты «Юнге вельт», сотрудник Советского посольства в Берлине, собственный корреспондент «Комсомольской правды» в ГДР и специальные корреспонденты «Смены».

Эту повесть о первом поколении немцев, родившемся в социалистическом государстве, можно было бы начать в студенческой аудитории и в светлом цехе промышленного комбината, на полях сельскохозяйственного кооператива, в конструкторском бюро или даже в веселом молодежном клубе. Каждое из этих начал было бы символичным.

Но память сердца не может обойти то, что всегда будет мучить человечество страшными воспоминаниями...

«НА ЭТОМ МЕСТЕ, НА ОБАГРЕННОЙ КРОВЬЮ ЗЕМЛЕ, В СЕРДЦЕ ГЕРМАНИИ, МЫ ВОЗДВИГЛИ ВЕЧНЫЙ ПАМЯТНИК ВСЕМ ТЕМ, КТО ОТДАЛ САМОЕ ЦЕННОЕ И ДОРОГОЕ, ЧТО ОН ИМЕЛ,—СВОЮ ЖИЗНЬ».

Отто ГРОТЕВОЛЬ.

...В Бухенвальде всегда дует ветер.

Когда-то этот ветер, бодрящий воздух диких бук-овых лесов на вершине горы Эттерсберг манили сюда великого Гете. Здесь он любил гулять, любоваться открывающимся на десятки километров вокруг живописным видом милой сердцу Тюрингии. Золотистые поля, зеленые дубравы, красные черепичные крыши, островерхие купола церквей—все врачевало душу от мелких житейских невзгод, наполняло ее верой в вечное, доброе. Каждый порыв ветра будто сдувал шелуху мелких затершихся слов, оставляя только самые яркие, самые главные. Здесь, по преданию, родились строки его стихов: «Будь благороден, человек, будь готов к помощи и к добру»...

Но полтора века спустя сюда поднялись те, кто решил растоптать духовное завещание великого немца, опутать колючей проволокой и вытравить дымом труб крематория все человеческое, что было до них создано в Германии, во всем мире. Не светлые чувства, а холодный расчет убийц рождали у них порывы ветра на горе Эттерсберг. И этот ветер, и постоянная шестиградусная разница температуры на вершине горы и в окрестностях, и идиллический пейзаж—все было скрупулезно и цинично учтено проектировщиками фабрики смерти, этого «ада с видом на рай», концентрационного лагеря Бухенвальд, созданного здесь нацистами в июле 1937 года, за два года до начала развязанной ими второй мировой войны.

Первыми узниками лагеря стали немецкие антифашисты. А потом в такт кованым сапогам солдат вермахта, оккупировавших Европу, застучали по рельсам составы с пленными. Молодые, старики, дети... Рабочие, ученые, писатели, священники всех вероисповеданий, деятели искусств из 32 стран... 238980 человек. Наверное, многие из них мечтали любоваться в Веймаре, городе, где творили великие гуманисты Гете и Шиллер, Бах и Лист, городе, который считается родиной немецкой классики... Их привозили сюда в товарных вагонах, чтобы затем, как скот, по десятикилометровой дороге, названной кро-

НА НАЦИОНАЛЬНОМ ФЕСТИВАЛЕ МОЛОДЕЖИ ГДР 2000 ПЕРВИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ССНМ—ЛУЧШИЕ ИЗ ЛУЧШИХ—ПОЛУЧИЛИ ЗНАМЕНА ПАРТИИ. ПЕРВЫЕ СЯГИ ВРУЧАЛ ТОВАРИЩ ЭРИХ ХОНЕККЕР.

вавой, перебраться в Бухенвальд. 56 545 человек преодолели этот путь только в одну сторону, разделив участь 11 миллионов узников, замученных в фашистских концлагерях, которыми гитлеровцы нашпиговали всю Европу.

...Национальный памятник Бухенвальд, созданный правительством ГДР на месте бывшего концлагеря, посещают тысячи людей. К каждому из них обращен этот призыв: «Люди, приходящие со стороны Веймара и бывавшие на горе Эттерсберг, никогда не забывайте, что произошло здесь».

...На горе Эттерсберг мы встретились с группой молодежи, работающей на часовом заводе в Веймаре. В музее Бухенвальда парни и девушки в синих рубашках приехали на заключительное занятие учебного года в системе политпросвещения ССНМ. Почему это занятие проводится именно здесь?

Рассказывает заместитель секретаря комитета ССНМ завода Хорст Дитц:

—Наша заводская организация Союза молодежи, объединяющая 300 человек, носит имя Эрнста Тельмана. Это вообще одна из традиций союза—присваивать имена выдающихся коммунистов, борцов за правое дело лучшим производственным коллективам. У нас на заводе есть молодежные бригады имени Карла Маркса, Карла Либкнехта, Эрнста Тельмана, Виктора Хары. Когда мы решили бороться за то, чтобы имя легендарного Тельмана было присвоено всей первичной организации в целом, и обратились с этой просьбой в райком ССНМ, нам прежде всего поручили серьезно заняться исследованием жизни Тельмана. Специальное задание получила каждая группа. Мы изучили всю литературу о вожде немецких коммунистов, встречались с дочерью Тельмана и записали ее рассказ об отце. Одним из важнейших моментов в нашем исследовании была работа в Бухенвальдском архиве.

Нацисты почти двенадцать лет держали председателя Коммунистической партии Германии в самом строгом одиночном заключении, бросив его в тюрьму

**СЕГОДНЯ—ПИОНЕРЫ,
ЗАВТРА—ЧЛЕНЫ ССНМ.**

СОЛНЦЕМ

Документальная повесть
о жизни молодежи ГДР,
написанная немецкими
и советскими
журналистами

**ОСУЩЕСТВЛЯЯ
«ИНИЦИАТИВУ ССНМ—БЕРЛИН»,
МОЛОДЕЖЬ ВЗЯЛА ШЕФСТВО
НАД СТРОИТЕЛЬСТВОМ
И БЛАГОУСТРОЙСТВОМ
СТОЛИЦЫ ГДР.**

**КАЖДЫЙ ТРЕТИЙ, РАБОТАЮЩИЙ
НА СТАНКООБРАТНОМ КОМБИНАТЕ
ИМЕНИ ФРИЦА ГЕККЕРТА
В КАРЛ-МАРКС-ШТАДТЕ,—
ЧЛЕН СОЮЗА МОЛОДЕЖИ.
НА ЗАСЕДАНИЯХ КОМИТЕТА ССНМ
РЕШАЮТСЯ МНОГИЕ ВАЖНЫЕ
ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ.**

**ПРИМЕТЫ
МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ ГДР—
УВЕРЕННОСТЬ, ЖИЗНЕРАДОСТНОСТЬ,
ОПТИМИЗМ.**

**НА ЭТОМ МЕСТЕ, В БУХЕНВАЛЬДЕ,
НАЦИСТЫ УБИЛИ ЭРНСТА ТЕЛЬМАНА.
ЕГО ИМЯ НОСИТ ПЕРВИЧНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ССНМ ВЕЙМАРСКОГО
ЧАСОВОГО ЗАВОДА.
ЕГО ИМЯ ПРИСВАИВАЕТСЯ
ЛУЧШИМ.**

без судебного приговора. А 18 августа 1944 года эсэсовцы убили его в крематории Бухенвальда. Когда узники концлагеря, антифашисты, узнали об этом, они провели в подвале дезинфекционного барака нелегальный траурный митинг, на котором поклялись продолжать дело Эрнста Тельмана. Эсэсовцы проникли об этом митинге и арестовали некоторых его участников. Но, стойко выдержав пытки, они проявили верность клятве и не выдали своих товарищей, тем самым спасли от разгрома подпольную организацию борцов Сопротивления в Бухенвальде.

— Девять месяцев,—продолжает Хорст Дитц,—изучали мы архивные документы Бухенвальда, по крупицам выискивая сведения о Тельмане, дру-

гих политических заключенных, членах Интернационального комитета лагеря. И полученный нами материал, ярко и страстно повествующий о сохранении революционных традиций в самых страшных условиях бесчеловечного режима нацистов, мы стараемся довести до каждого члена ССНМ. Вот и сегодня я провожу занятие на эту тему с группой ССНМ отдела фотоэкспонетров нашего завода.

Мы знаем, что на Западе сейчас делают все, чтобы молодежь не знала правды о последней войне, о зверствах и преступлениях фашистов. Как-то я прочитал об одном мюнхенском рабочем парне, который не смог ответить на вопрос журналиста, что находилось во времена «третьего рейха» в Дахау. А ведь концлагерь Дахау всего в нескольких километрах от Мюнхена.

Посеять «траву забвения» буржуазная пропаганда пытается и в умах нашей молодежи. Три программы телевидения, двадцать радиопрограмм ФРГ вещают в

надежде, что молодежь ГДР прислушается к их голосам. Прибавьте к этому миллионы туристов и транзитных пассажиров из Западного Берлина и ФРГ, многие из которых в качестве «дорожного багажа» везут с собой буржуазную идеологию. В этих условиях ССНМ особое внимание уделяет марксистско-ленинскому воспитанию молодежи. На политехничках, регулярно проводящихся в каждой первичной организации, изучаются, в зависимости от возраста членов союза, биографии Маркса и Энгельса, история ГДР и ее революционные традиции, программа СЕПГ, политэкономия. Более 80 тысяч кружков политпросвещения работают в первичных организациях ССНМ. После окончания учебного года успешно сдавшие зачет получают золотой, серебряный или бронзовый значок «За хорошие знания» с изображением Маркса, Энгельса, Ленина. На нашем заводе такие значки получили все члены ССНМ, причем 20 человек — золотые, 200 — серебряные. Мы вручаем эти значки в Бухенвальде, на месте, где нацисты зверски убили Эрнста Тельмана. Тем самым мы даем клятву всегда и во всем следовать его заветам.

...Над воротами Бухенвальда стрелки часов навсегда замерли в одном положении. 15 часов 15 минут — время, которое показывали они 11 апреля 1945 года, когда в условиях победоносного наступления Советской Армии Интернациональный комитет лагеря, организовавший вооруженное восстание узников, взял лагерь под свой контроль.

По этим часам сверяют свою жизнь Хорст Дитц и его товарищи, выпускающие на Веймарском заводе современные хронометры, отсчитывающие новое время новой Германии.

Пожалуй, самое главное, что объединяет всех четырнадцатилетних, — стремление по-новому использовать время. Быстрее стать взрослыми. Этого дня всегда с нетерпением ждут немецкие школьники. Мы не оговорились — именно «дня». В ГДР существует обычай: учащиеся восьмых классов на торжественном вечере в их честь дают обет верности обществу. Называется это «югендвайе» — Праздник посвящения в юность. А «югендштунден» — молодежные уроки — это занятия, предшествующие югендвайе, на которых подростков знакомят с основами «взрослой жизни».

Конечно, у восьмиклассников, «самых молодых взрослых», и после югендвайе остается еще много детского, но главное — стремление стать достойными членами социалистического общества — решающим образом определяет их поступки и рассуждения. Это видно и из дневника Гритт Ландграф, ученицы 8-го «Б» класса 30-й берлинской школы, отрывки из которого мы с разрешения Гритт предлагаем читателям.

«НЕ ТЕРПЛЮ НЕЧЕСТНОСТИ, В ЧЕМ БЫ ОНА НИ ВЫРАЖАЛАСЬ И КАКОВЫ БЫ НИ БЫЛИ ЕЕ МОТИВЫ. ОНА ОТВРАТИТЕЛЬНА И В ЛИЧНЫХ ДЕЛАХ, И НА РАБОТЕ, И В ШКОЛЕ».

Гритт ЛАНДГРАФ.

8-й класс. В этом году очень много важных дел. Наш класс принимают в ССНМ, решится вопрос о моем дальнейшем образовании. (В ГДР в 10-летнюю школу принимаются те, кто успешно окончил восьмилетку. Тем, кто хочет учиться в вузе, необходимо закончить 12 классов. — *Здесь и далее примечание авторов.*) Наконец, в этом году — югендвайе. Это еще, правда, не скоро, но мы уже часто говорим о праздновании 8 апреля. Мы, девочки, мечтаем о длинных платьях и юбках. Ребята хотят быть в костюмах. Отмечать торжество будем вместе с родителями и другими членами семьи. Родительский актив хлопочет насчет помещения.

В октябре тем, кто хочет учиться в старших классах, надо подать заявления. Я бы очень хотела потом серьезно заняться графикой или живописью. И фрау Бишофф, которая ведет кружок рисования в Доме пионеров, тоже это советует. Я много рисую, пробую писать портреты. Трудно. Мне легче дается, например, восход солнца. Для такой картины я уже умею удачно подобрать краски... Только бы меня приняли в девятый класс! Но средний балл у меня пока 1,5 (в ГДР при пятибалльной системе оценок высшей является «единица» — «отлично», низшей «пятерка» — «плохо»). Надо обязательно подтянуть математику.

Один югендштунде прошел у нас на народном предприятии «Штернрадио». Мы видели, как работают на конвейере. На одном конце производят самую начальную операцию, на другом — заворачивают по-

следнюю гайку. Брак, допущенный на любом участке сборки, неизбежно сказывается на работе всей линии и на результатах соревнования. Бригада, в которой мы побывали, работает хорошо. Нам это понравилось. Мы тоже хотим хорошо работать и учиться. Успешно делать свое дело и доставлять радость другим людям — это, по-моему, главное в жизни.

Другой молодежный урок проходил в зале суда. 34-летнюю женщину судили за кражу и мошенничество. Не терплю нечестности, в чем бы она ни выражалась и каковы бы ни были ее мотивы. Она отвратительна и в личных делах, и на работе, и в школе. Поэтому мне было очень больно, когда учитель физики решил недавно, будто я списала контрольную. Я никогда не лгу и не жульничаю.

Отношение к учебе в нашем классе не всегда серьезное. Мы, актив ССНМ, еще никак не собрались по-настоящему этим заняться. Пора кончать с таким положением. Приближается югендвайе, мы официально становимся взрослыми, а это значит, что и на нас ложится определенная частица ответственности.

Забот у меня сейчас хватает. Как члену ССНМ, мне поручили вместе с Клаудией Ауктун руководить пионерским отрядом первоклассников. Кроме того, с начала восьмого класса я помогаю Хольгеру Руммелю по математике, русскому и химии. Он сам этого хотел. А теперь стал пропускать занятия. Если не желает учиться, я за ним бегать не намерена. Но, с другой стороны, не хочется, чтобы он опять отстал. Надо будет все-таки поговорить с ним.

Сегодня счастливый день. Единицы так и посыпались: по грамматике, биологии, химии и рисованию. Я была так рада, что понеслась домой как на крыльях.

Война во Вьетнаме. Я прямо окаменела, когда услышала по радио о зверствах китайских агрессоров. Вначале я не могла этому поверить. Еще недавно мы собирали деньги, чтобы помочь строить школы для вьетнамских детей. Сразу же после рождественских каникул мы принялись обсуждать, чем мы можем выразить свою солидарность. Все подписались под заявлением протеста, и мы собрали 80 марок в помощь Вьетнаму.

Итак, я собрала с духом и выступила на заседании актива ССНМ, потребовав серьезного отношения к домашним заданиям. Конечно, я была вся красная. Но все-таки я высказалась.

Хольгер сегодня спросил, можно ли ему 2 апреля снова начать заниматься со мной. Я сказала, что, конечно, можно. Первый успех!

Праздник югендвайе. Утром я первая из всей семьи была уже на ногах. А между тем накануне я долго не могла уснуть, все думала, как я буду публично давать обет. И смогу ли я потом во всех делах ему следовать? Я постараюсь.

И разве, коль уж речь зашла о школе, можно не сказать об учителях? О наших первых наставниках. О людях, которые учат нас не только азбуке наук, но и закладывают основы нравственного фундамента. А каким высоким требованиям должен отвечать сам учитель? Ну, а если ему только двадцать пять, и он, как и старшеклассники, носит синюю рубашку ССНМ, а в свободное время готов играть со своими учениками в мяч? Не мешает ли это воспитательному процессу, не отражается ли на авторитете учителя?

Впрочем, вот что думаю по этому поводу девятиклассница средней школы из Лаубсдорфа, в которой мы побывали:

«УЧИТЕЛЬ, КОТОРЫЙ ДОСТУПЕН ДЛЯ НАС И В СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ, ВПРАВЕ ТРЕБОВАТЬ ОТ НАС БОЛЬШЕГО НА УРОКЕ».

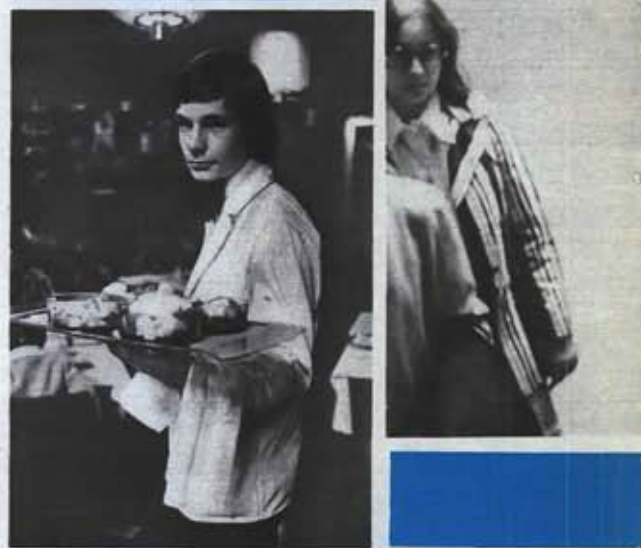
Керстин ПРОЙС.

...Что это за учителя, которые в годовщину ССНМ на глазах своих учеников выходят на сцену, поют, танцуют танго и чарльстон, разыгрывают пародии, участвуют во всяких развлечениях, вместе со школьниками слушают их любимые диски, разрешают на полную громкость крутить эту музыку по школьному радио, регулярно собираются по вечерам, вместе совершают дальние поездки на велосипедах, вместе встречают Новый год и часто приходят на уроки в форменных рубашках ССНМ?

В эту веселую компанию средней школы имени Вильгельма Пика в Лаубсдорфе, что под Котбусом,

**ПЕРВОКУРСНИК ПТУ
БАРНЕЛЬМ РАЙНЕР
ПРОФЕССИЮ ОФИЦИАНТА
ВЫБРАЛ ЕЩЕ В ШКОЛЕ.**

ФАНФАРЫ СПАРТАКНАДЫ

**УЧАЩИЕСЯ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЙ
ШКОЛЫ В ПОДЕЛЬЦИНГЕ,
НОСЯЩЕЙ ИМЯ
МАРШАЛА ЖУКОВА,
ИЗУЧАЮТ БИОГРАФИЮ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ
ПОЛКОВОДЦА.**

**ВСЕЙ СЕМЬЕЙ
НА ПРОГУЛКУ.**

**МОЛОДЫМ КВАЛИФИЦИРОВАННЫМ РАБОЧИМ
ДОВЕРЯЮТ САМОЕ
СОВРЕМЕННОЕ ОБОРУДОВАНИЕ.**

попадет в сентябре новая пионервожатая. Только недавно сама закончившая школу, молодая, неопытная Сильвия Ортман полна нетерпения, любопытства и вместе с тем тревоги. Что ее ждет?

Из писем товарищей она знает уже, что в школе 407 учащихся и 32 учителя, из которых 14—члены ССНМ. Первым встретит ее, конечно, пионервожатый Хельмут Кюхнер, преемницей которого она станет. Ей расскажут, что незадолго до X Всемирного фестиваля молодежи и студентов, который состоялся в Берлине, он создал здесь первичную организацию ССНМ, объединившую учителей, и что он оставляет ей, Сильвии, славное наследство.

Теперь ему, учителю музыки, автору многих песен, поручено организовать в Котбусе пионерский ансамбль, о чем он давно мечтал. Школа теряет в его лице силача и весельчака, заводилу всех мероприятий. Как молодой девушке заменить его? По силам ли ей эта задача?

Прежде всего Сильвия представится директору, в свои 58 лет сохранившему молодой задор и с легкой руки дерзкого пионервожатого прозванному «десятиборцем в педагогике». 33 года назад Георг Кифель начал свой трудовой путь в соседнем городке как учитель и секретарь местной организации ССНМ. В тот год Союз молодежи только организовался, страна лишь становилась на ноги. Тогда Георг радовался первым полученным учебникам, первой возможности досыта накормить каждого ребенка. И все-таки уже в тот первый послевоенный год он сумел сделать так, что учеба для детей стала настоящим праздником. С тех давних пор и навсегда этот пользующийся всеобщим уважением, доброжелательный человек сохранил любовь к молодежи. «ССНМ—моя опора»,—говорит он. И не он один. Новая пионервожатая может рассчитывать также на Дитлинду Шульц, секретаря ССНМ учительской группы и преподавательницу немецкого и английского языков. Дитлинда еще очень молода, ей 26 лет, и она всего лишь четвертый год учителствует. В прошлом году она выступала на VIII конгрессе учителей, и по возвращении из Берлина школьники устроили ей торжественную встречу с цветами и магнитофонной пленкой, на которую они записали переданное по телевидению ее выступление.

Зигфрид Рамот, как хорошо воспитанный человек, несомненно, лично представится новой сотруднице. Он принадлежит к самому младшему поколению здешних учителей. Два года назад он приехал сюда по распределению, хотя ему и хотелось работать поближе к родному Котбусу. Но его наставницей стала Дитлинда Шульц, и очень скоро он почувствовал себя здесь, как дома. Отработав положенный год, Зигфрид мог уехать, но он теперь отсюда не уедет. Кроме преподавания немецкого, он отвечает за работу школьного радиоузла, и это ему тоже нравится. Здесь каждому подберут дело по душе, помогут.

Вот и Барбаре Тёпфер с ее двумя малышами было поначалу трудно, и в работе она не находила удовлетворения—дело вроде бы не спорилось. Но молодые друзья пришли ей на помощь, и вот теперь ее 6-й класс так отличился, что его премировали поездкой в Советский Союз.

Многие предложат свою помощь и Сильвии. Конечно, не все будет легко. Увлечь, заинтересовать ребят—первейшее и очень непростое требование к педагогу всегда и везде. А в Лаубсдорфе привыкли уже к самому высокому эталону. И потому молодые учителя вместе работают, вместе преодолевают неуверенность, ходят друг к другу на уроки, вместе готовятся к ним. А кроме того, они затевают так много веселого, что порой переворачивают школу вверх ногами. Они считают, что товарищеские отношения с учениками и такое вот общее веселье—лучшая основа для хорошей дисциплины и увлеченной совместной работы.

Что ж, как поется в песне, «школьные годы чудесные». Это известно всем. Впрочем, как и то, что летят они быстро. А что же после школы?

В ГДР окончившие десятилетку имеют возможность пройти двух- или трехгодичное профобучение, получить как профессию, так и аттестат зрелости, дающий право поступления в вуз. Успешно окончив десятилетку, можно посещать и расширенную среднюю школу (11-е и 12-е классы), после которой получить аттестат зрелости. Те же, кто ушел из школы после 8-го класса, приступают к трехгодичному профобучению, которое одновременно включает в себя программу 9—11-х классов общеобразовательной школы.

99 процентов вчерашних школьников в ГДР приходят на производство через ПТУ. Но прежде им предстоит выбрать профессию. Дело это нелегкое. И многим на помощь приходят специальные центры профориентации,

которые в стране около двухсот. Именно здесь для тысяч ребят начинается новая жизнь.

«НАЧИНАТЬ ВСЕГДА НЕИМОВЕРНО ТРУДНО: СКОЛЬКО ВСЯКИХ ПОДХОДОВ НУЖНО ПЕРЕПРОБОВАТЬ, СКОЛЬКО ВЛОЖИТЬ ТРУДА, КАК ДОЛГО НАДО СВЫКАТЬСЯ С ПРЕДМЕТОМ И ВЖИВАТЬСЯ В НЕГО, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПОЧУВСТВУЕШЬ, ЧТО ТЫ ИМ ОВЛАДЕЛ, УСВОИЛ ЕГО ЯЗЫК И САМ МОЖЕШЬ ГОВОРИТЬ НА НЕМ».

Томас МАНН.

Исахим Шрёдер, заместитель директора центра профориентации Карл-Маркс-штадта, пригласил нас в большую комнату, затем, широким жестом указывая на отдельную кабину, сказал:

— Прошу вас, проходите. Садитесь, пожалуйста.

Удобные кресла, маленький столик с придающей уют лампой располагали к неспешной доверительной беседе.

— Расскажите о себе—когда заканчиваете школу, какую профессию хотите выбрать...

Переглянувшись, мы с удовольствием включились в игру, предложенную нам. Один из нас взял на себя роль абитуриента, остальные превратились в «заботливых родственников».

— Десятилетку я заканчиваю в следующем году...

Шрёдер укоризненно покачал головой—дескать, что же так поздно задумались о будущей профессии. Мы же, посоветовавшись, решили смоделировать сложнейшую, на наш взгляд, ситуацию:

— Понимаете, наш мальчик уже не раз был с экскурсиями на многих предприятиях, встречался с людьми самых разных специальностей, прочитал уйму рекомендательной литературы, но ни одна из предлагаемых профессий ему не нравится. Видите ли, он хочет стать... мы замялись, подыскивая наиболее неожиданную для большого индустриального города работу,—хочет стать... провизором.

Наше заявление отнюдь не обескуражило собеседника. Приветливой улыбкой будто одобряв наш выбор, он мягко спросил:

— Что же привлекает вашего мальчика в этой профессии?

Признаться, к этому вопросу мы не были готовы. Словно не заметив нашего замешательства, Шрёдер из веера лежащих под рукой рекламных проспектов и брошюрок в ярких обложках выбрал одну, самую невзрачную на вид, открыл на странице, где был длинный перечень различных профессий и столбики непонятных для нас цифр:

— Вам, можно считать, повезло. Как раз в 80-м году городская аптека планирует взять на обучение одного юношу,—он перелистнул несколько страниц,—можете записать адрес профучилища при окружной больнице: Карл-Маркс-штадт, Инзельштрассе, 1.

Мы были буквально смяты таким быстрым и конкретным решением нашей «сложной проблемы». Однако, оправившись, перешли «в наступление»:

— А если бы аптеке именно в этом году не требовался юноша, или же это место уже было занято, что бы вы предложили?

— Прежде всего я бы не оставил без внимания неотвеченный вопрос о том, что привлекает человека в данной профессии, и когда бы выяснил это, предложил бы другие профессии, отвечающие вашим устремлениям, например, лаборант химии...

— Ну, а допустим, ваш посетитель все-таки стоит на своем и хочет получить профессию, потребности в которой в вашем округе в данный момент нет...

— Мы располагаем информацией о потребностях и возможностях в этом вопросе по всем округам страны и практически всегда можем удовлетворить желания самого настойчивого абитуриента, дав ему направление на обучение в любой город ГДР. Однако на практике такие случаи бывают редко. Да и вообще разыгранная нами ситуация во многом надуманна и нетипична. Прежде всего потому, что работа по профориентации ведется нами не спонтанно, а планомерно. Уже с шестого класса мы начинаем знакомить школьников с различными профессиями, в которых нуждается город и округ. Надо сказать, что выбор у нас велик: из 300 профессий, которым обучают профтехучилища ГДР, 180 можно приобрести в нашем округе. В 7, 8 и 9-м классах учителя предлагают каждому школьнику написать одно-два своих желания, касающихся выбора профессии. Эти «заявки» поступают к нам в центр. Таким образом мы получаем возможность судить о «палитре желаний» будущих выпускников. С другой стороны, мы получаем заявки всех предприятий города и округа на квалифицированную рабочую силу. Та книжка, в которой я нашел ответ на вашу просьбу, и есть сводный список потребностей всех предприятий в тех или иных профессиях. Сейчас такое прогнозирование вакантных рабочих мест ведется на два года вперед, но мы

рицами из бригады, коротко обсуждает предстоящие дела. Теперь они идут нормально...

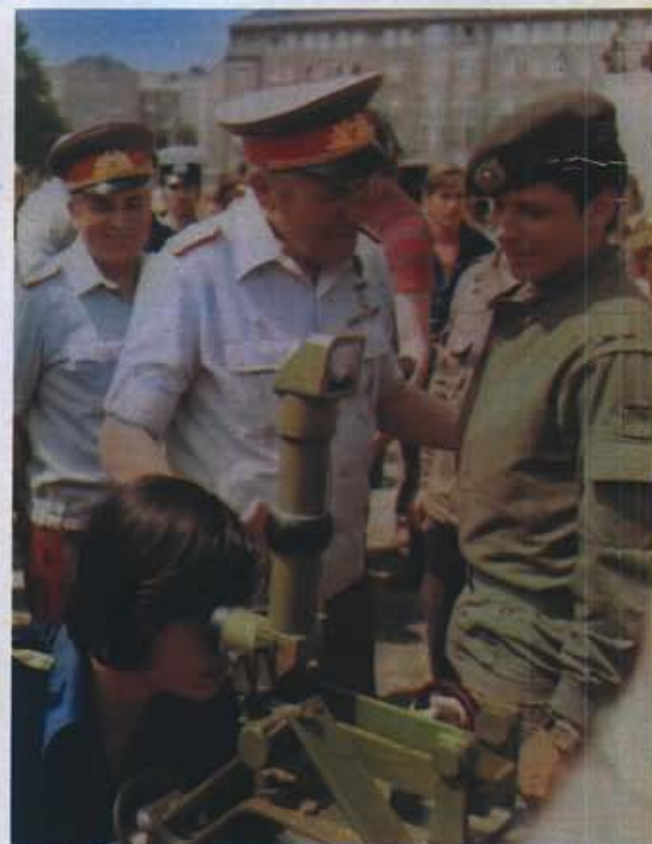
А каких-нибудь два года назад бородатый экс-матрос готов был жалеть, что сменял рыболовство на возню с железом. Бетонные плиты—это вам не макрель.

У строителей только и было разговоров, что о заводе: из-за того, что он не выполнял план, все дело стопорилось. На собраниях Герхард стеснялся называть место своей работы. В конце концов речь шла ведь не только о том, что они недодали строителям каких-то необходимых для монтажа элементов. Речь шла еще и о том, что сколько-то квартир недостроено, сколько-то молодых людей никак не дождутся собственного жилья.

Это и занимало мысли Герхарда. С новой техникой он освоился довольно быстро. Теперь у него было время подумать не только о своей норме и о своем рабочем месте. Его раздражало, что порой нет нужных деталей или материалов.

Мастер только пожимал плечами: тут ничего не поделаешь, так заведено, это зависит не от нас. Подобных рассуждений Струк терпеть не мог. Он пошел к секретарю партийной организации. Почему

**МИНИСТР НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ ГДР
ХАЙНЦ ГОФМАН В ГОСТЯХ
У МОЛОДЫХ ВОЙНОВ.**

**МОЛОДЕЖЬ ГДР
ЧТИТ ПАМЯТЬ СОВЕТСКИХ
ВОЙНОВ-ОСВОБОДИТЕЛЕЙ.**

**ПЕТРА ШРЕММЕР—
ПРОДАВЩИЦА МАГАЗИНА
«МОЛОДЕЖНЯЯ МОДА»
В ЭРФУРТЕ.**

ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ.

уже работаем над составлением таких списков на пятилетнюю перспективу. В 9-м классе эти списки получает каждый школьник и его родители. Разумеется, желания выбирающих профессию и потребности предприятий зачастую расходятся. Например, у юношей в последние годы наиболее престижны профессии, связанные с электроникой, техникой связи, многие хотят стать автослесарями. Девушки же чаще мечтают быть дизайнерами или косметологами. Но Карл-Маркс-штадт в основном город машиностроения, больше всего нам требуется рабочих по металлообработке. Суметь совместить личные интересы каждого выпускника школы и общественные потребности—вот та нелегкая задача, решать которую призваны центры профориентации.

В кабинеты для индивидуального собеседования чаще всего мы приглашаем именно тех, чьи желания в выборе профессии не имеют возможности удовлетворить. Беседуем и с самими школьниками и с их родителями. Пытаемся выяснить склонности ученика, заинтересовать его другими, необходимыми производству специальностями. Конечно, для такого разговора надо быть хорошо подготовленным по всем вопросам, касающимся содержания и условий той или иной работы. Именно поэтому все десять сотрудников нашего центра—высококвалифицированные специалисты, в основном преподаватели ПТУ с инженерным образованием. А с будущего года в центре будет и специалист-психолог.

Наш центр работает уже одиннадцать лет. И самым

главным показателем нашей деятельности мы считаем данные статистики, говорящие, что с каждым годом желания выпускников школ и потребности общества в различных профессиях все больше и больше совпадают.

Уже поступая в ПТУ, учащийся знает, на каком предприятии он будет работать, а во второй половине срока обучения знакомится с участком, с бригадой, куда попадет после окончания учебы, когда получит звание квалифицированного рабочего.

И почти все выпускники ПТУ мечтают попасть в молодежные бригады, хотя, как говорят они сами, быть членом такой бригады—«малоудобное удовольствие»: ведь эти трудовые коллективы сами предъявляют к себе повышенные требования.

«Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ВЫ ПОНЯЛИ: ОТ НАС ЗАВИСИТ, КАКИМ БУДЕТ ЗАВОД, И НИКТО НЕ ДАЛ НАМ ПРАВА ПЛЕСТИСЬ ШАГОМ, КОГДА НАРОДНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ СПОСОБНО РАЗВИТЬ ПОЛНЫЙ ХОД».

Герхард СТРУК.

Незадолго до начала смены бригадир молодежной бригады Герхард Струк пробегает по просторному цеху берлинского завода железобетонных конструкций, обменивается крепкими рукопожатиями с това-

вечно приходится ждать материалов? Неужели нельзя завести небольшой собственный склад?

Приходит вот такой матрос и хочет перевернуть вверх дном все производство... Но Струка поняли. Этот не просто брюзжит, этот пытается что-то исправить. И Струка... назначили бригадиром молодежной бригады.

Так образовалась новая молодежная бригада из десяти человек.

«Бомба» взорвалась, когда Струк самым серьезным образом завел речь о пересмотре норм.

«Тебя, парень, бригада во всем поддерживала, но это уж слишком! Мы добросовестно работаем. Чего тебе еще?»

Струк сказал, чего еще хочет. «Я хочу, чтобы вы поняли: от нас зависит, каким будет завод. И никто не дал нам права плестись шагом, когда народное предприятие способно развить полный ход!»

Этот спор ничего еще не решил. Но Струк стоял на своем. И постепенно перетягивал на свою сторону все больше людей. В конце концов молодежная бригада обратилась к технологам. Новые нормы устанавливали сообща.

Еще на судне Струк убедился, что молодежная бригада должна иметь крепкий костяк из членов ССНМ. Но на судне все ведь было иначе. Когда там собиралась группа ССНМ, улизнуть никто не мог. В этом отношении на заводе труднее. После смены кто-нибудь непременно сбежит в кино. Вот попробуй Эггerta затащить на политзанятия! Но Струк, как уже говорилось, парень настойчивый. А постепенно в бригаде таких настойчивых парней стало шестеро. На следующее занятие явился и Петер Эггерт.

Когда Герхард Струк два года назад приехал в Берлин, для него началось трудное время. И для семьи его тоже. До этого он пять лет плавал. А когда распрощался с флотом, его Аннемари думала: ну, наконец-то он дома. Но вскоре Герхард откликнулся на призыв ССНМ принять участие в строительстве Берлина. Аннемари и слышать об этом не хотела. Что будет с ней и с детьми? Что это за семейная жизнь в разных местах? Но Аннемари знала своего мужа. Когда он что-то задумает, его не остановишь. Вместе с тысячами других добровольцев Герхард отправился в Берлин строить дома для рабочих. Прошлой осенью Аннемари вместе с тремя ребятами тоже приехала сюда. Семья Струка получила квартиру в новостройке, совсем близко от завода железобетонных изделий.

...И вот теперь бригадир молодежной бригады Герхард Струк незадолго до начала смены пробегает по просторному цеху берлинского завода железобетонных изделий на Фалькенбергер-штрассе и обменивается крепкими рукопожатиями с товарищами. Молодежная бригада выполняет план.

Сейчас число молодежных бригад в ГДР превысило 31 тысячу. А кроме того, почти миллион человек трудятся на так называемых молодежных объектах, где решаются важные народнохозяйственные задания, которые партия и правительство доверили молодежи, ее энтузиазму, поиску, инициативе.

«МЫ УВЕРЕНЫ В ТОМ, ЧТО МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ НАШЕЙ РЕСПУБЛИКИ ВОСПРИМЕТ ВЫДВИНУТЫЕ IX СЪЕЗДОМ ЗАДАЧИ КАК СВОЕ КРОВНОЕ ДЕЛО И С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНИТ ИХ».

Эрих ХОНЕККЕР.

Национальный фестиваль молодежи ГДР был увенчан знаменной гвоздикой: 2000 первичных организа-

ндаром слово «проект» входит в название комбината.

Итак, проектирует — и производит. А это значит, тут содружество инженеров, техников, словом, технической интеллигенции и рабочих. И вот во что это выливается.

В республике строится ядерная электростанция — дело рук советских специалистов. Однако многое делают предприятия республики. Электрооборудование — этот комбинат. Дело новое как для проектировщиков, так и для монтажников. И вот там создана бригада, куда входят рабочие и инженеры. Идет скользящее, непрерывное проектирование, тут же реализуемое рабочими. Это новое дело, придуманное молодежью, организацией ССНМ.

Но на комбинате есть нечто и более удивительное. Не имеющее аналога даже в ГДР.

Это удивительное — комплексный молодежный объект.

Идея состоит в том, что комбинат — проектировщик и производитель — должен быть в лидерах на мировом рынке, его продукция должна быть конкурентоспособной, на уровне лучших стандартов.

Исходя из этой общей концепции, здесь создается новое производство. Полностью доверенное молодым.

Что это означает — новое производство?

Цех. Точнее, новое заводское здание. Короче говоря, производственная площадь. А вот организация этой площади — в руках молодых. Организация ССНМ, естественно, с партийной помощью, выдвинула лозунг «Молодежь завода сегодняшнего дня будет хозяином нового завода завтрашнего дня».

Тщательно разработан особый план, в котором 64 позиции. Над каждой позицией трудится особая группа — из инженеров и рабочих. Пример. Бернд Берке занимается схемой внутрицехового транспорта. На помощь привлечены студенты технического института. Другая группа разрабатывает схему образцового рабочего места, причем группе выдано объективное условие — рабочее место должно занимать 7,2 квадратных метра (имеется в виду рабочее место монтаж-

ников, работающих над установками управления — объемная продукция).

Одним словом, молодежь создает на своем объекте современную организацию производства, современную технологию (уже сейчас разрабатывается продукция завтрашнего дня).

Дитер Гросс — член партбюро комбината, ответственный за работу с молодежью, сказал: год потребовался только на то, чтобы объяснить всем — хозяевам, администраторам, партийным, профсоюзным комитетам, — что речь идет не только о строительстве здания, что речь идет о создании производственной модели будущего. И что эта работа — творчество в широком смысле и масштабе — и есть та среда, те условия, в которых единственно возможно воспитывать молодежь. Воспитывать в конкретном деле. В деле, нужном комбинату. Всей стране.

Так что знамя получено из рук Эриха Хонеккера Лутцем Аппелем не случайно.

Счастье... Вероятно, число толкований этого желанного для каждого человека состояния равно количеству людей, живущих на земле. Что ж, счастье всегда индивидуально. Однако существуют непрелюбимые, общие для всех условия, без которых истинно счастливая жизнь невозможна, — свободный выбор собственной судьбы, развитие своих способностей и склонностей, уверенность в завтрашнем дне... Социалистическое государство гарантирует это каждому гражданину.

Продолжая эту повесть, мы хотим познакомить вас с тремя счастливыми людьми, тремя девушками, судьбы которых типичны для многих их сверстниц в ГДР.

«НЕОБХОДИМО ОСОБЕННО ПОощРЯТЬ ПОВЫШЕНИЕ СВОЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕВУШКАМИ И МОЛОДЫМИ ЖЕНЩИНАМИ».

Из Закона о молодежи ГДР.

ГАРМОНИЧНО ВПИСАЛСЯ В ОБЛИК СТАРОЙ ЯЕНЫ НОВЫЙ УЧЕБНЫЙ КОРПУС, ХОЗЯЕВА КОТОРОГО — СТУДЕНТЫ.

ций — лучшие из лучших — получили знамена партии. Первые сто стягов вручал товарищ Эрих Хонеккер. Один из этих стягов получил Лутц Аппель, секретарь организации ССНМ электротехнического проектно-промышленного комбината в Берлине.

А знамя, врученное организации руководителем партии, — признание ее заслуг. Скажем прямо — особых заслуг.

Чем же заслужили его ребята с этого комбината? ГДР славится своей электротехникой, это всем известно. Славится и электротехническими установками, оборудованием для промышленности — разных ее отраслей. Один лишь факт из тысячи: сейчас комбинат поставляет оборудование для 25 советских цементных заводов. Однако особенность именно этого комбината в том, что он не только делает и монтирует свои установки, но и проектирует их.

МОЛОДЕЖНАЯ БРИГАДА, В КОТОРОЙ РАБОТАЮТ ЭТИ ДЕВУШКИ С ТРИКОТАЖНОГО КОМБИНАТА «ФАЙНВЕШЕ» В ГОРОДЕ ЛИМБАХ-ОБЕРФРОНА, В ЭТОМ ГОДУ ОТМЕЧАЕТ СВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ. ПОБЕДИТ СИЛЬНЕЙШИЙ.

ЦВИНГЕР — ЖЕМЧУЖИНА ДРЕЗДЕНА.

«Дочка,— писали ей из деревни родители,— дочка, ты ведь не станешь возвращаться в село?! У тебя квартира со всеми удобствами, прекрасная работа... Нет, конечно же, ты не поедешь снова в село...»

Но Марианна Петерс поехала, оставив «теплофицированную квартиру» и должность инспектора цен в городе. Ее всегда привлекала деревня, приволье родного мекленбургского севера, свежий воздух и... желание проявить себя.

После большого Шверина в маленьком Крамонсхагене с низенькими, построенными еще в незапамятные времена домиками под красными черепичными крышами, в которых и живет-то всего 422 человека, могло показаться скучно. Да и на работу теперь Марианне приходилось порой пробираться в сапогах. Но ни на скуку, ни на тоску по модным туфелькам у нее просто не оставалось времени.

Студентка-заочница Марианна Петерс — председатель общинного совета Крамонсхагена. Надо сказать, что с функциями бургомистра Марианна уже была знакома — два года до этого она исполняла обязанности заместителя председателя совета в Брюзевитце. И все же начало деятельности в Крамонсхагене оказалось для нее необычайно сложным.

Суровой выдалась прошлая зима. Разбушевавшаяся стихия отрезала Крамонсхаген от внешнего мира — на то, чтобы расчистить от небывалого снега лишь полкилометра пути, ушло 18 часов. В этих условиях молодому бургомистру пришлось проявить немало энергии, изобретательности и мужества, чтобы наладить нормальную жизнь общины. Вот тогда пригласили Марианну двенадцатилетний опыт организаторской работы в ССНМ.

Впрочем, и в обычное время забот у бургомистра хватает. Под началом у Марианны не только Крамонсхаген, но и восьмисотлетний Крамон и возникшие уже в послевоенное время Ниенмарк и Нойес Дорф. Председатель общинного совета обязан заниматься всем — от производственных проблем до семейных конфликтов, он должен быть экономистом и психологом, разбираться в законах и в людях, объективно решать и по-партийному действовать во всех ситуациях, быть оперативным и дальновидным, настойчивым и умеющим пойти на уступки, обсуждать все вопросы коллективно, а ответственность нести персональную. Марианне Петерс все это по душе.

...Анка Кромей тоже работает в селе, в народном имении Левитце. В «крупнейшем в ГДР аграрном районе», как любит подчеркнуть она сама. 23-летняя Анка — заместитель директора крупного животноводческого комплекса. Эту должность она заняла прошлой осенью, когда приехала сюда дипломированным инженером из Берлина после окончания университета имени Гумбольдта. Большая ответственность сразу легла на ее плечи — ей надо организовать работу так, чтобы 4 тысячи телок ежедневно получали 25 тонн кормов и к назначенному сроку могли быть проданы, набрав положенный вес.

Избрать эту профессию Анка решила потому, что с детства любила животных. Нынешние ее подопечные для Анки не просто черно-пегие молочные телки определенной классификации и генотипа, но милые, ласковые существа, к которым надо относиться с любовью и ответственностью.

Нравится Анке Кромей ее работа, нравятся окружающие люди, их здоровая крестьянская гордость за свое дело. Ей импонирует накал страстей, которые разгораются здесь в соцсоревновании. «Борьба идет буквально за каждый пункт, от чистоты в хлевах до расхода кормовых. Быть победителем в соревновании у нас много значит!» Сама Анка готовит сейчас к показу на сельскохозяйственной выставке в Лейпциге пять телок-рекордисток. И очень надеется на успех.

...А у Биргит Мюллер главное событие этого года — свадьба. Биргит вышла замуж за вернувшегося из армии парня, с которым еще в школе сидела на одной парте в родном Магдебурге.

Биргит красивая девушка. С точки зрения ее бабушки, этого да еще кулинарных способностей было бы достаточно, чтобы сделать «хорошую партию». Биргит же не хочет «довольствоваться прежними шаблонами». Быть «просто красивой женщиной» ее явно не устраивает.

В 20 лет перед ней открывается вся жизнь с такими широкими возможностями! И Биргит не собирается от них отказываться. Молодая пара знает, чего хочет. Он мечтает изучать медицину в Ростоке, она — работать по любимой профессии. Биргит — студентка экономического института, будущий специалист народного хозяйства и, быть может, будущий распорядитель финансов целого комбината. Во всяком случае, такая перспектива ее отнюдь не смущает. «Мне предстоит участвовать в решении вопросов расходов средств предприятия. Я нахожу это дело очень важным и увлекательным. И я не хотела бы при этом просто поддакивать, мне хочется иметь право на собственное мнение. Это право обеспечивается знаниями».

Уже сейчас Биргит вместе с другими студентами

работает в рационализаторском бюро института над разработкой точных методов расчета экономических показателей для завода «Кабель» в Кёпенике.

На вопрос о счастье Биргит Мюллер ответила так: «Когда я получу профессию и мой муж тоже, когда мы почувствуем, что работа наша нужна людям, мы не сможем не чувствовать себя счастливыми. Мне страшно подумать, что было бы, если бы мне закрыли возможность иметь духовные интересы, развиваться как человеку»...

Да, безвозвратно ушли в прошлое времена, когда сферу деятельности немецкой женщины определяла горькая поговорка: Кирхе, Киндер, Кюхе — три «К» — церковь, дети, кухня.

Но, разумеется, не сняты с повестки дня вопросы воспитания детей, ведения домашнего хозяйства. Тем более, что статистика показывает: количество вступающих в брак в ГДР ежегодно увеличивается, а возраст молодоженов неуклонно снижается.

В начале этого, юбилейного для республики года, газеты ГДР сообщили, что в 1978 году в стране родилось 232 136 новых граждан. Это известие широко комментировалось в местной и зарубежной печати. Даже шпрингеровский журнал «Штерн» вынужден был признать, что в 1977 году в ГДР, насчитывающей 17 миллионов жителей, родилось на 27 600 детей больше по сравнению с 1976 годом. В то же время в Федеративной Республике, где 61 миллион граждан, родилось только на 24 тысячи детей больше». Западные газеты вопрошали: «Должна ли Федеративная Республика поучиться у ГДР?» В своих статьях они вынуждены были констатировать: «Деторождаемость в ГДР растет. Появляется много семей с двумя и более детьми. Сокращается смертность среди новорожденных», «Каждая семья в ГДР получает поддержку от государства». Тот же «Штерн» писал: «То, что для трудящихся женщин ФРГ является плодом мечтаний, в ГДР уже стало законом».

Как же живет молодая семья в ГДР, как справляется со своими заботами?

Чтобы получить ответ на этот вопрос, мы зашли в гости в одну из квартир нового рабочего микрорайона в Карл-Маркс-штадте.

«КОГДА Я РАБОТАЮ В ПЕРВУЮ СМЕНУ, ПРИХОДИТСЯ В ПЯТЬ УТРА УЖЕ ВЫХОДИТЬ ИЗ ДОМА, НО О ТОМ, ЧТОБЫ ОСТАВИТЬ РАБОТУ, ДАЖЕ НЕ ДУМАЮ. Я ЛЮБЛЮ СВОЮ ПРОФЕССИЮ И НЕ ХОЧУ БЫТЬ ТОЛЬКО ДОМОХОЗЯЙКОЙ».

Сусанне ФРИДРИХ.

Когда у подъезда дома мы нажали кнопку с номером квартиры, голос в динамике ответил нам приглушенно: «Проходите». Наверное, ребенка спать укладывают, догадались мы. Но на пороге квартиры нас встретили оба родителя: «Ничего, Торстен у нас спокойный, сам заснет».

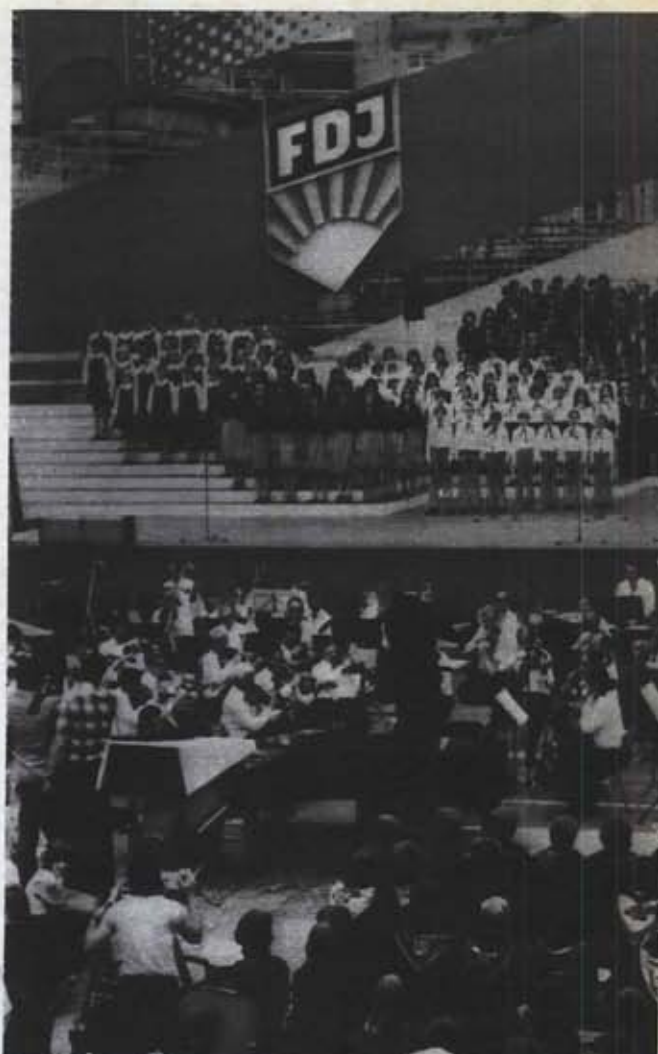
Полторагодовалый Торстен действительно оказался человеком самостоятельным, хотя спать при гостях не хотел. Позировать перед фотоаппаратом ему явно нравилось больше, чем находиться одному в спальне.

Хозяйка этой двухкомнатной квартиры Сусанне и Карстен Фридрих получили ее три года назад от станкостроительного комбината имени Фрица Геккерта, на котором Карстен трудится слесарем больше пяти лет. До этого жили в однокомнатной в Штольберге, в шестнадцати километрах отсюда, где Сусанне работает в больнице. Штольбергская больница и предоставила им тогда жилье.

— Когда мы поженились в 75-м году, государство нам, как и всем, впервые вступающим в брак (чей возраст не больше 26 лет, а совместный заработок не превышает 1400 марок в месяц), предоставило беспроцентный кредит на обустройство хозяйства. Сумму кредита надо вернуть в течение восьми лет равными взносами. Но после рождения ребенка сумма выплаты уменьшается. Для семьи, в которой появился второй ребенок, общая сумма еще уменьшается. Когда Сусанне была в декретном отпуске, ей полностью сохранялась заработная плата. После этого она могла не работать целый год, но мы решили по-другому: она взяла очередной отпуск, а когда Торстену исполнилось полгода, вернулась на работу. Сынишку мы отдали в ясли, они у нас рядом — пять минут ходу.

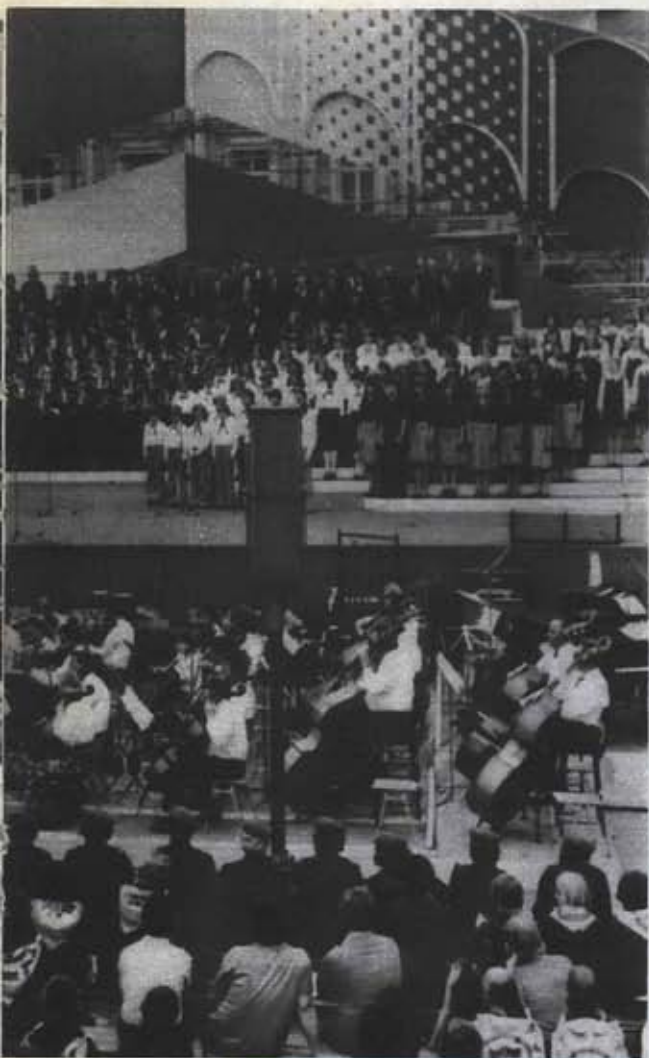
— А вот когда у нас появится второй ребенок, — улыбнувшись, перебивает мужа Сусанне, — я буду иметь сокращенный рабочий день.

— А как сейчас строится ваш день? Первой слово берет Сусанне:

В МЕЖДУНАРОДНОМ СТУДЕНЧЕСКОМ ЛАГЕРЕ «ДРУЖБА» В ОКРУТЕ ГЕРА РАБОТАЮТ СТУДЕНТЫ ИЗ ГДР, ЧЕХОСЛОВАКИИ, СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

**ПРАЗДНИК ПЕСНИ.
МОЛОДОСТЬ.**
НА УЧЕБНОМ ПАРУСНИКЕ
«ВИЛЬГЕЛЬМ ПИК»
ПОЛУЧАЮТ ПЕРВЫЕ НАВЫКИ
БУДУЩИЕ МОРЯКИ.

— Если я работаю в первую смену...
— Но разве матерям не предоставляется право работать в одну смену?

— Да, конечно. Но у меня особая профессия—я ведь работаю акушеркой, а дети рождаются, невзирая на расписания и смены... Но работу свою я люблю и оставлять ее не собираюсь. Так что в данном случае функции матери пришлось взять на себя Карстену—раньше он ходил на комбинат в три смены, теперь его перевели на односменную работу... Так вот, когда я работаю с утра, вставать приходится в половине пятого, потому что мне полчаса добираться до больницы, а первая смена начинается в 5.30. Сына к шести часам в ясли отводит Карстен—у него рабочий день начинается на час позже моего. Зато я в два часа дня уже кончаю работу и в половине третьего могу забрать сына. Так я чаще всего и делаю, хотя он может быть в яслях до шести вечера. Вместе с ним мы идем за покупками, гуляем и ожидаем нашего папу, который приходит домой в половине пятого. Домашних дел, конечно, хватает—стирка, уборка, занятия с ребенком... Но Карстен мне помогает во всем. Обедаем мы с мужем на работе, в столовой, а ужинаем все вместе дома. После ужина укладываем Торстена, а сами успеваем еще послушать пластинки, посмотреть телевизор. Спать ложимся в девять, половине десятого—утром рано вставать. По четвергам ходим играть в волейбол в соседнюю школу—там хороший спортивный комплекс...

— Простите, а с кем же остается Торстен?
Сделав решительный жест рукой, в разговор вступает папа:

— Я считаю... Нет, мы считаем, что ребенка не надо излишне нежить. Когда он заснул, он будет спать крепко, и мы вполне можем на часок отлучиться. Зато по субботам и воскресеньям мы всегда с ним вместе, чаще всего ездим в гости к родителям жены, они живут недалеко от Ауз, там у них хороший сад. А в этот отпуск мы вместе с ними поедим в Карпаты. Правда, Торстену придется остаться с сестрой Сусанне, он еще маловат для такого путешествия.

— Молодой семье приходится приобретать не только педагогические навыки, но и экономические... Расскажите, пожалуйста, как вы планируете свой семейный бюджет.

— Карстен приносит в семейную кассу 800—850 марок ежемесячно, а я зарабатываю около 650 марок. 100 с лишним марок мы тратим еженедельно на питание, 52 марки—месячная квартплата, около 25—ясли... Надо сказать, что содержание ребенка дома обходилось бы гораздо дороже. 37 марок выплачиваем в счет нашего свадебного кредита и, еще 130 марок за купленный в двухгодичную рассрочку цветной телевизор... Еще, конечно, всякие мелкие расходы—иногда кино, разные поездки, развлечения... По мере необходимости покупаем крупные вещи, откладываем на отпуск...

Мы благодарим Сусанне и Карстена за откровенную беседу, желаем спокойной ночи маленькому Торстену и спускаемся вниз. Уже смеркается. Зажигаются окна многоэтажных корпусов. За каждым окном люди. Семьи. Такие разные. Но в чем-то, конечно, похожие на наших новых знакомых.

Любая повесть о ГДР, тем более повесть о ее молодости, была бы неполной без слова о Берлине—политическом, экономическом и культурном центре страны, о старом и много-страдальном Берлине, в сегодняшнем дне которого видится его вновь обретенная юность, ставшая возможной во многом благодаря энтузиазму и энергии самого юного поколения республики.

«ТЕБЕ НЕ НАДО ЖИТЬ В БЕРЛИНЕ, ТЕБЕ ДОСТАТОЧНО ЗНАТЬ, ГДЕ НАХОДИТСЯ НАША СТОЛИЦА».

Из молодежной песни.

...Панорама, которая открывалась отсюда, как бы с высоты птичьего полета, была и впрямь впечатляющей. Вытянувшись с юга на север, перед нами простирался огромный жилой массив, равный по величине целому городу. Несколько крупных магистралей рассекали его на отдельные части, каждая из которых представляла собой законченное целое. Пятиэтажные дома мирно и уютно соседствовали с высотными зданиями, оттеняя их устремленность ввысь. В узлах переплетения дорог жилые корпуса словно расступались, уступая место общественным учреждениям—домам культуры, школам, детским комбинатам, магазинам. Вплотную к массиву подходила линия С-бана—городской электрички, вдали виднелись трамвайные пути. И всюду—во

дворах, на улицах, около домов—зелень, зелень, зелень...

— Вот это и есть Марцан.—Вильфрид отступил в сторону и сделал широкий взмах указкой в сторону макета.—Таким, каким вы видите его здесь, он станет к 1985 году.

Здесь, в новый район столицы ГДР, нас привело желание встретиться с участниками массового движения молодежи—«Инициатива ССНМ—Берлин». Именно здесь она нашла свое наиболее зримое воплощение.

...В мае 1976 года, на своем IX съезде, Социалистическая единая партия Германии наметила обширную социально-политическую программу дальнейшего продвижения страны по пути к коммунизму. В частности, было предусмотрено в основном решить до 1990 года жилищную проблему в республике. Особое внимание уделялось реконструкции и строительству Берлина. Союз свободной немецкой молодежи воспринял эту задачу как свое кровное дело. Тогда и родилось патриотическое движение, получившее название «берлинской инициативы».

Молодежь страны взяла шефство не только над сооружением новых домов и реконструкцией старого жилого фонда, но и над дальнейшим развитием таких отраслей городского хозяйства, как строительство, энергетика, транспорт, водоснабжение, связь... X съезд ССНМ обратился к молодежи с призывом своим трудом в Берлине или в другом месте отдать все свои силы преобразению столицы. Тогда и родилась песня, в которой были такие строки: «Тебе не надо жить в Берлине, чтобы называться берлинцем, тебе достаточно знать, где находится наша столица».

Сейчас в Берлине по путевкам окружных и районных комитетов ССНМ постоянно работают около десяти тысяч молодых монтажников, бетонщиков, отделочников и более пяти тысяч—командированных сюда на время. Всего же более чем на ста ударных объектах трудятся около 350 молодежных коллективов, созданных в ходе осуществления «берлинской инициативы».

...А теперь вместе с нашим сопровождающим, заместителем заведующего отделом «Инициатива ССНМ—Берлин» в Центральном Совете Вильфридом Фогелем вернемся снова в Марцан, знакомство с которым у нас началось с установленного в информационном центре огромного макета этого жилого массива.

В Марцане нашли воплощение новейшие принципы градостроительства. Особое внимание уделяется преодолению монотонности и стандартности внешнего облика района. Немало выдумки проявили и сами молодые строители. Над входом в детский комбинат мы вдруг заметили свешивающиеся вниз рогатые головы огромных зеленых добродушных гусениц («Это нам студенты Берлинского художественного училища сделали»), у подъездов некоторых домов были изображены разные фигурки и символы («Чтобы дети не путали, да и взрослые иной раз тоже»,—улыбнулся наш спутник), во дворах, засаженных зеленью, не видно было ни одной автомашины—все стоянки вынесены на окраины микрорайона.

На участке, где шла прокладка теплотрассы, мы познакомились с молодежной бригадой Отто Райсига.

— Сейчас мы уже настоящие берлинцы.—Отто, само воплощение оптимизма и дружелюбия, широко улыбнулся, сдвинув на затылок каску с гербом его родного города Зуля—города традиционных оружейников.—Трое даже решили здесь остаться навсегда: столичных невест нашли. Всего-то нас десять человек, мы так в полном составе и приехали сюда три года назад. Считаю, что долг свой перед столицей выполнили честно. Ребята и я сам, как бригадир, в целом довольны—условия для нас с самого начала были созданы хорошие. И работать можно в полную силу, и в свободное время есть чем заняться. Между прочим, с советскими товарищами часто встречаемся—ведь наша бригада носит имя коллектива германо-советской дружбы. В общем, к юбилею республики идем и с хорошим настроением и с хорошими успехами.

...С хорошим настроением идут к 30-летию ГДР тысячи молодых строителей столицы, девиз работы которых: «Каждому дню—отличный итог!», тысячи рабочих и специалистов, создавших так называемую «молодежную магистраль»—от поставщика до строительной площадки, тысячи студентов и учащихся, посвятивших свои каникулы стройке.

И конечно, многие из тех квартир и культурно-бытовых учреждений, которые возводятся руками молодых, предназначены для них же—как для берлинцев, так и для тех, кто практически таковыми уже стали. Значит, меняя старый покрыв свой плащ на современный, столица молодеет сама, значит, еще жизнерадостней станет ее взгляд, еще быстрее и легче трудовая поступь, еще уверенней и тверже рабочие руки.

после Пирны, совсем маленького городка в тридцати километрах к югу от Дрездена, дорога заплеталась узкой ленточкой среди утопающих в зелени аккуратных сельских домиков, полей, зарослей кустарника. Был тихий летний субботний день. Люди собирали малину. Услышав шум машины, они поднимали головы и долго смотрели нам вслед.

Дорога нырнула вниз и снова вынесла нас к горизонту у указателя «Гросс-Кота — 2 км». В деревушке мы остановились, чтобы уточнить, как ехать дальше. Шофер выключил двигатель «Волги», и сразу же всех окутала звенящая мириадами кузнечиков атмосфера сельской идиллии. Холмы и перелески Саксонии, подернутые ипольской полуденной дымкой, околдовывали красотой и безмятежностью.

Но наш путь продолжался — по проселку через уже наливающуюся тугими колосьями пшеницу, через деревья, сомкнувшие свои кроны так, что они хлестали по лобовому стеклу автомобиля... Все — дальше дороги нет. Пешком по сглаженным временем откосам заброшенной каменоломни спускаемся вниз. Под ногами в густой траве чавкает вода. С трудом нащупываем заросшие рельсы, ведущие в черное чрево туннеля, перед входом в который предупреждающий деревянный заборчик...

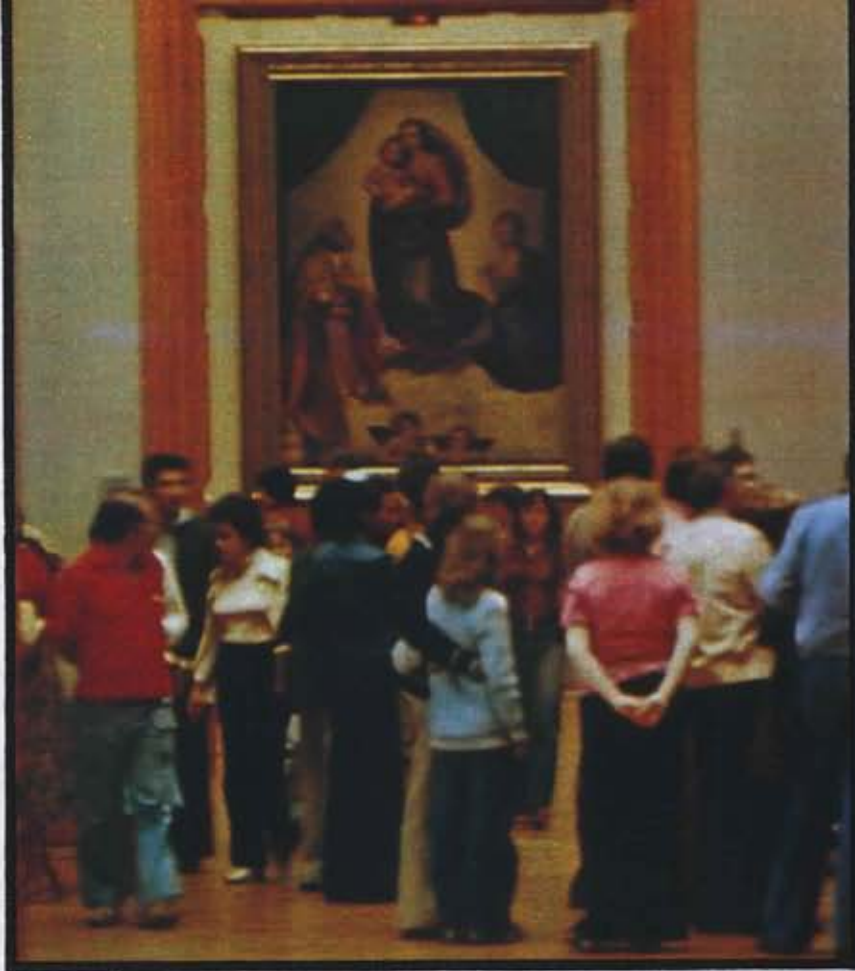
В каменном логове мрачно и сыро даже в летний день. Повсюду куски обвалившегося песчаника... Впереди сплошная темнота... Возвращаемся к свету, осматриваемся.

Отвесная стена скалы тянется к оставшемуся высоко вверх солнцу деревьями рябины с пламенеющими на них гроздьями ягод. Кажется невероятным, что деревья растут прямо из камня... Вспоминается старая фотография — так же они росли здесь и тогда...

Слева на каменной стене — черная мемориальная доска с золотыми буквами.

Здесь, именно здесь три с лишним десятилетия назад разыгрались события, которые потом мюнхенская газета «Зюддейче Цайтунг» назвала «самым захватывающим детективом двадцатого века».

9 мая 1945 года, в день, когда мысль о смерти была просто неестественной, когда, казалось, саму ее вероятность уже перечеркнули победные трассы салютных выстрелов их боевых соратников, в этот день несколько бойцов из батальона Виктора Перевозчикова склонились над миной натяжного действия, присоединенной к двери, ведущей в этот туннель. И потом они бежали в темноту, спотыкаясь об уже тогда полусгнившие шпалы, бежали.

состязаясь со своим нетерпением, к стоящему на поржавевших рельсах в глубине штольни обыкновенному товарному вагону.

Сержант Олег Кузнецов, чудом выживший после того боя на Курской дуге, когда он, радист-корректировщик, окруженный фашистскими танками и самоходками, вызвал огонь на себя, подбежал первым и, забыв о всякой предосторожности, резко отодвинул дверь вагона.

В луче фонаря они увидели установленный вертикально большой и плоский серый ящик. У стен вагона, прислоненные один к одному, стояли покрытые толстым слоем пыли прямоугольники.

Младший лейтенант Леонид Рабинович, присев на корточки, наугад, в первом попавшемся месте смахнул пыль рукавом гимнастерки. Увиденное потрясло не только его, художника по профессии, помнящего эту жизнерадостную, добрую улыбку и этот высоко поднятый бокал золотого вина по сотни раз изученным репродукциям, но и тех, кто, возможно, впервые встретился лицом к лицу с Рембрандтом Харменсом ван Рейном.

Да, это был его знаменитый «Автопортрет с Саскией».

...Нынешним летом в центре Москвы, в комнате, заставленной книгами, член-корреспондент Академии художеств СССР, искусствовед Наталья Ивановна Соколова, глядя на репродукцию рембрандтовского

то Рембр

«Автопортрета», рассказала мне, как в том памятном мае, в туннеле под Гросс-Котой, куда она прибыла первой из специалистов, солдаты, выносящие картины, шутя спросили ее: «За что же пьют этот человек?»

Много лет спустя этот же вопрос ей задали еще раз, уже на родине Рембрандта, историки живописи, которые всегда и всюду пытаются найти ответы на «вечные вопросы» — чему улыбается Мона Лиза, что выражает взгляд Сикстинской мадонны, за что поднимает свой кубок Рембрандт... Наталья Ивановна повторила тогда то, что вполне серьезно сказала в туннеле.

Наутро нидерландские газеты вышли с «сенсационным открытием»: «Известный советский искусствовед Наталья Соколова считает, что Рембрандт поднимает свой кубок за советских солдат, которые спасли его».

...А в центре Дрездена, в директорском кабинете давно уже восстановленной галереи, где выставлена одна из ценнейших художественных коллекций мира, мы услышим рассказ доктора Аннелизе Мейер-Мейнтцель о том, что в Вашингтоне многие американские любители живописи впервые

ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ ПОСЕЩАЮТ СЕГОДНЯ ДРЕЗДЕНСКУЮ ГАЛЕРЕЮ — ОДНУ ИЗ САМЫХ ЗНАЧИТЕЛЬНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОЛЛЕКЦИЙ МИРА. И КАЖДЫЙ НЕПРЕРЕННО ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ ПЕРЕД «СИКСТИНСКОЙ МАДОННОЙ». ТРУДНО ПРЕДСТАВИТЬ, ЧТО ЭТОТ РАФАЭЛЕВСКИЙ ШЕДЕВР ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ КАРТИНАМИ МОГ ПОГИБНУТЬ В МРАЧНОМ ТУННЕЛЕ ПОД ГРОСС-КОТОЙ.

от нее узнали, как были спасены шедевры Дрездена.

В Голландии удивлены, в Америке не помнят...

Директору Дрезденской галереи трудно понять, как можно, интересуясь искусством, не знать одной из самых волнующих страниц его истории. Но, может быть, это потому, что доктор Мейер-Мейнтцель, специалист по голландской и фламандской живописи, навсегда сохранила то волнение, с каким она в 1955 году, тогда научный сотрудник галереи, сама распаковывала вернувшиеся на родину после реставрации в Москве картины

Рембрандта, Рубенса, Вермеера Дельфтского, Ван Дейка...

Но часом раньше нашей беседы в одном из залов галереи я подошел к долго стоящим у «Сикстинской мадонны» совсем молодым людям и задал один вопрос: что они знают об истории этого рафаэлевского шедевра? Молодожены из Веймара, будущие педагог и технолог, студенты Христине и Эрхард Арнольд помнили и темный туннель Гросс-Коты и светлый день возвращения картины в Дрезден...

Это был действительно светлый и радостный день для немецкого народа. Глава правительственной делегации ГДР, прибывшей на торжественный акт передачи картин Дрезденской галереи, заместитель премьер-министра и министр иностранных дел Лотар Больц в августе 1955 года сказал: «Быть может, не немцу даже трудно представить себе все, что означает это событие для немцев. ...В последние месяцы войны многие немцы потеряли надежду, что картины Дрезденской галереи удастся спасти, считая, что они пропали во время бомбардировки Дрездена американской авиацией. Тем больше была радость при вести, что

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА СОКОЛОВА
ОДНОЙ ИЗ ПЕРВЫХ
УВИДЕЛА ВЫЗВОЛЕННЫЕ
ИЗ ЗАТОЧЕНИЯ ШЕДЕВРЫ.

РОЗАЛЬБА КАРЬЕРА.
ПОРТРЕТ ТАНЦОВЩИЦЫ
БАРБАРИНЫ КАМПАНИ.

ДЖОРДЖОНЕ.
СПЯЩАЯ
ВЕНЕРА.
В МАЕ 1945 ГОДА КАПИТАН
ЧУРАКОВ БЫЛ КОМАНДИРОВАН
В ДРЕЗДЕН ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ
СПЕЦИАЛЬНОГО ЗАДАНИЯ.

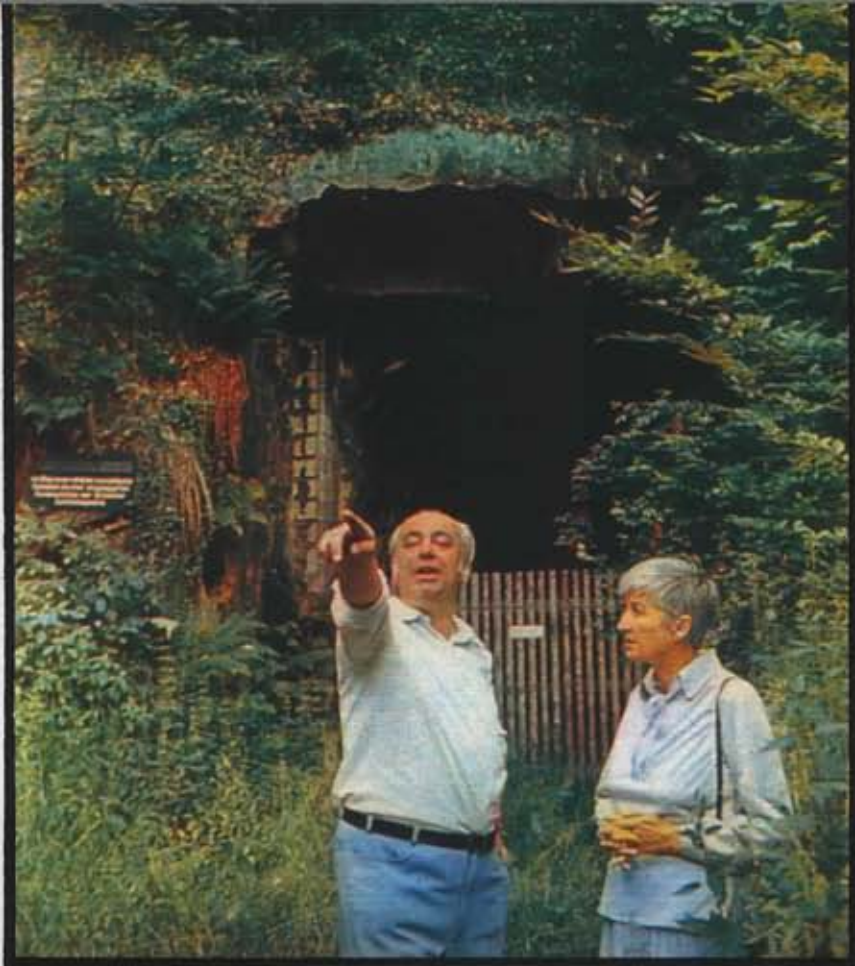

ПИНТУРИККЬО.
ПОРТРЕТ
МАЛЬЧИКА.

ДИРЕКТОР ДРЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЕРЕИ ДОКТОР АННЕЛИЗЕ МЕЙЕР-МЕЙНТШЕЛЬ СВОИМИ РУКАМИ РАСПАКОВЫВАЛА ВЕРНУВШИЕСЯ ИЗ МОСКВЫ СОКРОВИЩА, КОТОРЫЕ НАЦИСТЫ УПРЯТАЛИ В ЭТОМ ТУННЕЛЕ. РОЛЬФ ШМИДТ, БУДУЧИ МАЛЬЧИШКОЙ, ИГРАЛ ЗДЕСЬ СО СВОИМИ ОДНОЛЕТКАМИ, НЕ ВЕДАЯ, КОНЕЧНО, КАКУЮ РОЛЬ СУЖДЕНО БЫЛО СЫГРАТЬ ЭТОМУ МЕСТУ В ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ...

картины спасены Советской Армией от гибели, что они вывезены из штоттен, где им угрожало разрушение от сырости, что им обеспечена надежная охрана от всяких случайностей. ...Когда было опубликовано сообщение, что Советское правительство решило передать картины Дрезденской галереи ГДР, воодушевление охватило немцев при этой весте, тем более что сокровища возвращаются на родину после большой работы, проделанной советскими специалистами по их реставрации, возвращаются в великолепном состоянии».

Великолепное состояние картин, ре-

ст анжута

ставированных в Москве, были вынуждены признать искусствоведы многих стран мира. Я пишу «были вынуждены» потому, что далеко не всем было по душе это признание.

...В подмосковный Солнечногорск мы приехали, чтобы встретиться с человеком, имя которого, пожалуй, чаще других слышали в рассказах сотрудников Дрезденской галереи, с кавалером серебряного ордена ГДР «За заслуги перед Отечеством», почетным гражданином Дрездена, известным советским художником-реставратором Степаном Сергеевичем Чураковым.

В мае 1945 года капитан Чураков на старом, потрепанном «дугласе» вылетел из Москвы в столицу только что поверженного «третьего рейха» с документом, в котором указывалось, что он «командируется в г. Дрезден для выполнения специального задания». Груз с собой капитан вез достаточно странный для того времени — рыбий клей, маленький утюжок, воскосмоляную мастику, папиросную бумагу, кальку, скальпели, кисти, флейц, бинты и марлю... Все это было необходимо ему, вылетающему в составе специ-

альной бригады Комитета по делам искусств при СНК СССР, для оказания первой, экстренной помощи картинам Дрезденской галереи, которые, как уже было понятно, в этом крайне нуждались.

В пасмурный день нещедрого на солнце нынешнего лета мы вместе с хозяином просматриваем его «дрезденский архив». Документы, записки, фотографии... Одну из них Степан Сергеевич откладывает в сторону — обычный снимок мирно беседующих за чашкой кофе людей. Судя по одежде, снимок послевоенный.

— Да, это нас сфотографировали в ГДР уже после возвращения дрезденских картин на родину, — подтверждает Степан Сергеевич и с внезапной, не залеченной годами обидой в голосе продолжает: — И вот этот господин, как он назвался, западногерманский искусствовед, — Чураков показывает на благообразного, пожилого человека на снимке, — усомнился тогда, что мы смогли справиться с перевозкой и хранением самой драгоценной картины Дрездена — «Сикстинской мадонны». «Она была вами разрезана на несколько кусков, а потом склеена», — стал утверждать он. Не выдержал я тогда,

заставил его отставить кофе и пойти со мной в зал, где была выставлена «Мадонна». Достал лупу — смотрите, говорю, ищите, где швы от склейки, где следы порезов... Крыть-то ему нечем. Ухмыльнулся он, даже по плечу меня попытался похлопать: «Не горячитесь, мол, это ведь политика».

...Большой серый ящик, в котором по предположению могла быть «Сикстинская мадонна» Рафаэля, везли из каменоломни поставленным на ребро в кузове грузовика. Стоящие по трое с обеих сторон солдаты всю дорогу придерживали его руками. В батальоне Перевозчикова, куда он вначале был доставлен, около ящика тут же встали часовые, держа к ноге винтовки с примкнутыми штыками. Ящик не вскрывали до прибытия из Москвы специалистов. И когда наступила эта торжественная минута, Наталья Ивановна Соколова переписала всех присутствующих там.

Не могу сейчас не привести имена простых советских солдат 164-го батальона 5-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта, снявших пилотки перед Красотой, когда из ящика была извлечена «Сикстинская мадонна»: Конон Захарович Черныш, Иван Васильевич Бегун, Николай Никифорович Шифцов, Никита Максимович Пашко, Иван Васильевич Остафчук, Федор Тихонович Семенов, Иван Мефодиевич Синепос, Порфирий Яковлевич Мудрейко; на часах в тот миг, 27 мая в 12 часов 30 минут по московско-

му времени, стояли Василий Дмитриевич Ливанов и Даниил Иванович Морозов.

Затем картину обернули в белую чистую бумагу и мягкую фланель, потом в клеенку, а ящик внутри также обили клеенкой. Снаружи ящик был снова обит клеенкой, а чтобы она не порвалась, сверху еще обшили фанерой. На ящике были сделаны амортизаторы, предохраняющие картину от толчков. На специально оборудованной платформе с покрытым несколькими слоями толя навесом драгоценный груз в сопровождении охраны и специалистов был благополучно доставлен в Москву.

И когда грузовик с «Мадонной» въехал во двор Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина, сын и внук потомственных палехских «богомазов», которые полтора века назад отправляли по просьбе великого Гете образцы своих икон в Германию, знаменитый художник Павел Корин первым вышел навстречу и снял шляпу. Все последовали его примеру — стоя, торжественно встретили прибывшие издалека картины, нуждающиеся в их помощи.

...Вот такой была «политика» советских воинов и специалистов по отношению ко всем картинам Дрезденской галереи, обнаруженным в многочисленных тайниках. Хочется пересказать один эпизод, записанный очевидцем, младшим лейтенантом Леонидом Рабиновичем, впоследствии известным под писательским псевдонимом Вольнский.

...Чтобы поднять найденные картины наверх из заброшенной известняковой шахты Покау-Ленгефельд, еще одного мрачного каземата, в котором они были погребены, саперы батальона Перевозчикова привели в порядок ветхий, полуразвалившийся примитивный подъемник. Придирчиво проследив, как прикрепленная к тросу тележка — квадратный цинк с невысокими бортами — медленно сползает вниз под равномерное поскрипывание лебедки, комбат остался доволен. Там, на дне провала, тележку, в свою очередь, стал осматривать Чураков. Не удовлетворившись, как видно, осмотром, он влез в нее и махнул пилоткой — поднимай! — решив на себе проверить надежность сооружения, прежде чем доверить ему картины.

— Ну что, Фома неверующий? — встретил его несколько обиженный недоверием комбат.

— Что поделаешь... Семь раз проверь, — смущенно ответил реставратор. — Дело такое...

И это тоже «политика». Политика отношения к своему долгу.

Но известна и другая политика, в силу которой многие на Западе до сих пор не знают об эпопее спасения дрезденских шедевров. Та же политика, которая чуть не привела к безвозвратной утрате жемчужин общечеловеческой культуры.

Я долго не мог понять, почему главные сокровища дрезденских музеев были эвакуированы из них в 1939 году, еще до начала войны. Ведь гитлеров-

**ТИНТОРЕТТО.
СПАСЕНИЕ
АРСИНОИ.**

**ТИЦИАН.
ДИНАРИЙ
КЕСАРЯ.**

**ФРИДА МЮЛЛЕР ПОМНИТ,
КАК С КАЖДЫМ ДНЕМ МРАЧНЕЛ
РЕСТАВРАТОР ГАЛЕРЕИ,
ЖИВШИЙ ТОГДА В ЕЕ ДОМЕ.**

**КАЖДУЮ КРУПИНКУ АВТОРСКОЙ,
ТИЦИАНОВСКОЙ КРАСКИ УКРЕПЛЯЛА
НА КАРТИНЕ ПРАСКОВЬЯ
ТИХОНОВНА КОРИНА**

ские стратеги, планируя блицкриги, отнюдь не думали вести военные действия на территории Германии, и маршал авиации Геринг надменно хвастался, что ни одному вражескому летчику не удастся сбросить хоть одну-единственную бомбу на немецкий город. Откуда же такая «сверхосторожность» по отношению к произведениям искусства, так не ввязываясь с последующими действиями нацистской верхушки?

И только после многих бесед, изучения документов и воспоминаний понял для себя: гитлеровцы тревожились не о судьбе творений великих мастеров прошлого, они беспокоились за «благонадежность» тех, кто мог соприкоснуться к подлинным, высоким искусством народов мира, которые они объявляли неполноценными.

Они просто боялись взгляда «Сикстинской мадонны», вместившего огромный мир глубоких человеческих переживаний, тот «молитвенный ужас», который был отмечен Гете и который русский художник Крамской назвал «портретом того, что думали народы»; они боялись той благородной искры, которую веками высекает в душах людей столкновение добра со злом, доверия с лицемерием, правды с ложью, столкновение, так красноречиво переданное Тицианом в его «Динарии кесаря»: они боялись и «Спящей Венеры» Джорджоне, каждой линией прекрасного тела поющей о мире, покое, душевной чистоте; боялись они и жизнерадостного тоста Рембрандта...

И как неудобные фашизму люди были перед войной упрятаны в концлагеря, так и шедеры Дрезденской галереи были сосланы в ссылку. Пока еще в ссылку...

А в обители муз — Цвингере, великолепном архитектурном ансамбле, созданном блистательными зодчими нескольких поколений, появились люди в коричневых френчах и блестящих сапогах. Мало что понимающие в искусстве, они учили сотрудников музеев говорить «хайль Гитлер» вместо привычного «гутен морген» и доносить на «неблагонадежных». Всеми делами культуры лично заправлял гаулейтер Саксонии Мучман, одна из зловещих фигур гитлеровского окружения.

Это он в начале 1945 года, взволнованный советским наступлением, отдал приказ о проведении секретной «операции «М» — вывозе всех художественных произведений, находящихся в хранилищах восточнее Эльбы, в тайники, расположенные к западу от нее. Приказ надлежало выполнять, несмотря на предостережение референта по вопросам искусства в министерстве народного просвещения земли Саксония профессора Фихтиера, тоже ярого нациста, но больше смыслающего в музейных делах. «Каждая перемена места хранения вредит произведениям искусства», — писал он в «строгом секретном докладе». — Многие из них вообще не переносят перевозок. Два раза перевезти такую картину — это все равно что один раз сжечь ее».

Но гаулейтера больше всего мучила «опасность» того, что картины могут попасть в руки советских людей.

Если бы гаулейтер интересовался историей опекаемой им галереи, он бы знал, что однажды русские уже были в Цвингере. После победы союзных войск над Наполеоном, освободившей Дрезден от французов, генерал-губернатором Саксонии был назначен русский генерал-майор Репнин.

Этому также предшествовала эвакуация картин из дрезденских музеев. Репнин же упорно добивался их возврата в Дрезден, во-первых, потому, что «вообще порядок требует, чтобы вещи, принадлежащие здешним собраниям, были сюда возвращены и поставлены под надзор сведущих хранителей», а во-вторых, желая сокровища искусства как можно быстрее выставить для обозрения возможно боль-

шей части населения, «так как это способствует распространению полезных знаний, успехам науки и искусства и воспитанию хорошего вкуса».

Однако, думается мне, знай гаулейтер и эти слова и схожие с ними, которые будут сказаны другим русским генералом в мае 1945 года, здравый смысл вряд ли взял бы верх над нацистским рвением.

А начальник советской военной администрации земли Саксония генерал Дубровский сразу после Победы скажет следующее: «Советская Армия сделала своими трофеями много пушек, танков и самолетов и другие военные материальные ценности. Но художественные сокровища, принадлежащие другому народу, она не рассматривает как трофей. Мы спасли бесценные художественные произведения от гибели, мы приведем их в порядок, сохраним и передадим немецкому народу, когда будет заключен мирный договор».

Мучман же, всегда пугавший работников музеев «варварством» русских, в январе 1945 года во всеуслышание заявил, что они «получат здесь смерть, голод и крысы».

«Операция «М» шла полным ходом. Ссылка картин заменялась концлагерями — холодными, сырыми, совершенно не приспособленными для хранения произведений искусства, спешно найденными тайными убежищами.

Заявление гаулейтера Саксонии удивительно совпало с приказом Черчилля — стремительно наступающая Советская Армия должна была войти в мертвый город.

В ночь с 13 на 14 февраля 1945 года английские и американские летчики при свете сброшенных с парашютами осветительных ракет увидели под крыльями своих «летающих крепостей» спящий Дрезден. Дворцы, театры, церкви, знаменитые памятники «Флоренция на Эльбе», четко очерченный прямоугольник зданий Цвингера... Вниз полетели бомбы. Создававшаяся в течение многих столетий было превращено в руины за 56 минут. В результате жестокой, не оправданной никакой военной необходимостью бомбардировки погибло около 300 тысяч человек.

И только на репродукциях можно теперь увидеть знаменитых «Каменщиков» Курбе. Никто никогда уже не посмотрит их в подлиннике. И никто не сможет сделать лучшую репродукцию. Картина погибла в ту ночь в огне дрезденской бомбежки, разделив участь почти двухсот других полотен галереи.

Такая же судьба была уготована всем остальным шедеврам. Артур Грефе, который в нацистские времена в качестве руководителя отдела «Искусство и культура» в правительстве земли Саксония был ответственным за дрезденские художественные сокровища, 13 января 1954 года в западногерманской «Штуттгартен цайтунг» признал: «Если бы во время немецкой катастрофы в мае 1945 года секретный приказ Мартина Мучмана, тогдашнего государственного наместника Саксонии, был приведен в исполнение, то известная всему миру «Сикстинская мадонна» Рафаэля и многие художественные творения Рембрандта, Рубенса и других не существовали бы больше. Осознание краха в те дни нашло свое выражение в приказе взорвать эти неповторимые произведения искусства, чтобы они не попали в руки приближающихся русских».

Что ж, это вполне соответствовало «духовному завещанию» Геббельса, который в одной из своих последних статей писал: «Если мы принуждены будем уйти, мы хлопнем дверью с таким треском, который потрясет человечество до конца его дней».

..Как-то в одном из московских музеев, воспользовавшись присутствием в кабинете его директора всех заведующих отделами, я попросил их пред-

ставить ситуацию, в которой они могли бы спасти лишь по одному произведению из своих фондов. «Что бы вы стали спасать?» — я хотел получить ответ на вопрос о «самых-самых» ценностях этого собрания.

Хранящаяся у меня магнитофонная запись того «совещания» напоминает гвалт первоклассников во время перемены. Перебивая друг друга, возмущаясь и негодуя «чудовищным экспериментом», кандидаты и доктора искусствоведения отстаивали «право на спасение» чуть ли не каждого экспоната.

Я вспомнил об этом, стоя перед туннелем у Гросс-Коты, который в документах «операции «М» обозначался как место «Т».

Узнав о приезде советских журналистов, сюда пришел шлифовальщик алюминиевого комбината Рольф Шмидт, который мальчишкой бежал по этим местам, не ведая, конечно, какую роль им суждено будет сыграть в последние месяцы войны. Рабочий возмущенно говорил о преступных действиях нацистов, поставивших на грань жизни и смерти судьбу бесценных творений искусства... А я подумал еще об одной искалеченной фашизмом судьбе — о судьбе тех немцев, отравленных фашистской идеологией, запуганных и запутавшихся, но все же где-то в глубине души оставшихся рыцарями или хотя бы подлинными ценителями искусства... Каково было им не в шутку, а с ужасающей реальностью видеть приближающуюся гибель их любимых произведений... Что могли они сделать?

Рольф Шмидт провел нас к домику фрау Мюллер. Здесь у нее в те дни останавливался реставратор картинной галереи Унгер, рядом квартировал его помощник Хеезе, которые наблюдали за сохранностью картин в хранилище «Т».

Несмотря на секретность операции, Фрида Мюллер, ее дочь Урзула, которой тогда было пятнадцать лет, как и многие жители деревни, догадывались, что в старой каменоломне прячут какие-то картины. Женщины не давали, как сотрудники музеев, письменных обязательств о сохранении в тайне всего, связанного с эвакуацией экспонатов, но, зная существовавшие порядки, предпочитали молчать. Фрау Мюллер не разговаривала со своим постояльцем о его деятельности и, разумеется, не догадывалась, что ежедневно ему с помощником приходится выполнять работу, которая больно отдается в сердце реставратора. — удалять с картин проникающую из туннеля влагу, чтобы хоть как-то помешать образованию плесени, трещин и отставанию красочного слоя. Фрау Мюллер лишь замечала, что с каждым возвращением из каменоломни Унгер становился все грустнее и грустнее. Совсем подавленным увидела она его в день, когда отступающие эсэсовцы взорвали электростанцию в Пирне.

С этого момента, после прекращения подачи электроэнергии, отопительное и вентиляционное устройства, кое-как поддерживавшие минимально приемлемые условия в туннеле, перестали работать. Для картин, среди которых была и «Сикстинская мадонна», начался неумолимый отсчет времени до их неминуемой гибели. «Что теперь делать?» — спрашивали реставраторы себя...

В книге немецких искусствоведов Рут и Макса Зейдевитц «Дрезденская галерея» приводится докладная записка помощника реставратора Хеезе. В ней говорится: «Для неоценимых сокровищ искусства, хранившихся здесь, сложилось, таким образом, по моему мнению, нетерпимое положение. Нужно было считаться с актами саботажа остатков соединений СС, находившихся в непосредственной близости от хранилища. Иностранцы рабочие в окрестных деревнях также могли представлять угрозу для хранилища, так как эвакуация картин, как я мог

установить, не удалось сохранить в тайне. Я понимал свою задачу так: охранять объект «Т» в эти критические дни и часы и при любых условиях уберечь картины от всяческих повреждений. Поэтому я решил как можно скорее уведомить обо всем расположенные вблизи части Красной Армии и просить их взять под свою охрану бесценные сокровища»...

По воспоминаниям Н. И. Соколовой, в хранилище «Т» советских специалистов провожал Альфред Унгер.

История обнаружения тайников, в которых были упрятаны сокровища Дрезденской галереи, имеет несколько вариантов. Это естественно. По 1-му Украинскому фронту был отдан приказ — при нахождении картин немедленно сообщать об этом. По распоряжению маршала Конева была создана специальная группа, ведущая поиски. С заявлениями о находках обращались в советское командование и отдельные немецкие граждане, пытавшиеся предотвратить гибель художественных ценностей. В этих условиях разноречивость сведений была неизбежна.

Но, пожалуй, сейчас не главное — устанавливать, кто был первым. Главное то, что общими усилиями советских воинов и помогавших им немецких патриотов творения гениев человечества были вызволены из мест заточения — туннелей, пещер, шахт.

К сожалению, многие из полотен находились в весьма плачевном состоянии. Приблизительно треть картин, прибывших в Москву, нуждалась в специальном уходе.

Особенно сложной была работа над шедевром Тициана «Динарий кесаря», написанным по тополиному дереву.

Дерево для картин просушивали годами, шлифовали, пропитывали маслом и снова сушили, чтобы не осталось в нем ни капельки влаги, этого главного врага живописи.

Когда «Динарий» был вытасен из известковой шахты, картина была настолько влажной, что руки прилипали к раме.

Необычность положения заключалась и в том, что нельзя было немедленно приступить к реставрации, так как доска еще не просохла, хотя многие вздутия краски уже грозили осыпями. Специалисты Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина решили хранить «Динарий кесаря» не в запаснике вместе с другими картинами, а в горизонтальном положении в реставрационной мастерской под непрерывным наблюдением.

Только в 1947 году можно было приступить к ответственной реставрации. Ею непосредственно руководил Павел Дмитриевич Корин. На художнике лежала громадная ответственность, и он понимал это.

..Вдова Павла Корина, Прасковья Тихоновна, приняла нас в одной из комнат дома-музея, где на стене, среди многочисленных картин, зарисовок, этюдов, выполненных Павлом Дмитриевичем, как вечная память о той напряженной работе, висят маленькие копии, сделанные им в Москве с «Сикстинской мадонны» и «Динария кесаря»...

— Когда мы приступали к «Динарию», — рассказывает Прасковья Тихоновна, вместе с мужем своими руками, сантиметр за сантиметром в течение четырех месяцев укреплявшая на картине каждую крупинку авторской, титанической краски. — Павел Дмитриевич сказал: «Человечество нам не простит, если мы сделаем что-то не так...»

..Сегодня у «Динария кесаря», находящегося в Дрезденской галерее в специальном стеклянном футляре, остаются тысячи посетителей. Говоря о творчестве великого венецианца, экскурсовод непременно рассказывает о подвиге советских воинов, искусствоведов, реставраторов.

Festival des politischen Liedes

ПОКОЛЕНИЯ «ОКТОБЕР-КЛУБА»

Астрид ВОЛЬПЕРТ

Припоминаю, название «Окtober-клуб» впервые, пожалуй, встретилось мне в одной из статей, напечатанных в «Юнге вельт». Это было где-то в начале 67-го, и в статье сообщалось о концерте, на который окружной комитет ССНМ Берлина приглашал молодежь. Спустя несколько недель я и сама увидела членов клуба на сцене — на фестивале ССНМ в Карл-Маркс-штадте. «Песня о мирном мире», программный «Окtober-зонг», «Скажи, на чем ты стоишь», веселая «Песенка о любопытстве» и «Красное войско на Эбро» — тогда я совсем не задумывалась, чем же взволновала меня каждая песня. Просто захватили воодушевленное пение, радостные мелодии и неожиданные тексты певцов «Окtober-клуба». Мне было шестнадцать, а те, кто пел, были немногим старше. Мои мысли и чувства, мои радости и проблемы, мой язык — вот что я узнавала в их песнях.

С тех пор я следила за развитием «Окtober-клуба» более пристально, собирала газетные вырезки и прочие материалы, которые доходили до меня в маленький городок на севере республики, где я ходила в школу. Однажды, сочинив уважительную причину, я даже прогуляла занятие, и в день, когда моя группа ССНМ работала на картошке, мы с подругой поехали в Берлин, где поселились у ее тетки. Повод: мы достали билеты на выступление «Окtober-клуба» в кинотеатре «Интернационал».

В защиту нашего не совсем достойного способа действий должна сказать, что, конечно, мы уже тогда были сознательными, активными членами ССНМ: моя подруга — секретарем группы нашего класса, я — секретарем в 12-летней школе, и потому нашу поездку в

ГИТАРА НА ПЛОЩАДИ

А месяц был октябрь,
Тревожный ветер дул
В России, в Петрограде,
В семнадцатом году...

Из песни,
которая дала название клубу.

БОРИТЕСЬ И ПОЙТЕ ВМЕСТЕ С НАМИ!

Хартмут КЕНИГ,
секретарь Центрального
Совета ССНМ

Одним из самых интересных пунктов культурной программы нашего Национального фестиваля молодежи в Берлине была работа певческого центра ССНМ. 120 000 делегатов и гостей в течение трех дней услышали политические песни, исполняемые группами и солистами; вместе под открытым небом пели старые и новые песни борьбы. Тот, кто был в Центре солидарности у Берлинской телевизионной башни, мог услышать импровизированные выступления певческих групп со всех концов республики. Тысячи сжатых кулаков поднялись для революционного приветствия. Повсюду песни солидарности с борьбой народов Вьетнама, Никарагуа, Чили, Палестины, Южной Африки...

В 1967 году в Берлине молодые авторы и певцы основали группу «Окtober-клуб», уже одно название которой было и является по сей день политической декларацией. Большое значение приобрело выступление, организованное группой «Окtober-клуб» и другими группами на сцене театра «Берлинер Фольксбюне». На него откликнулись все округа республики. Повсюду стали возникать певческие клубы ССНМ, которые смогли правильно понять и использовать такие присущие политической песне качества, как актуальность, воздействие на массы, возможность эмоционально выразить наше марксистско-ленинское мировоззрение и жизненную позицию. Певческое движение ССНМ становилось мощным оружием нашей политической аргументации средствами искусства, помогало мобилизовать молодежь на решение важных задач строительства социализма и укрепления антиимпериалистической солидарности.

Все прогрессивное и ценное, что есть в немецкой истории, нашло признание в нашей стране. Поэтому и политическая песня, ставшая историей, входит в репертуар певческих групп ССНМ — будь то песни Крестьянской войны в Германии, бессмертная «Песня Единого Фронта», написанная в концлагере «Песня болотных солдат», песня тельмановского батальона времен гражданской войны в Испании...

Певческое движение ССНМ поэтически рассказывает о сегодняшнем дне нашей страны: будни, мнения и вопросы, жизнь и труд людей социалистического общества находят отражение в песнях. Такие авторы, как Рейнгольд Андерт, Курт Деммлер, Вольфганг Пратце и Бернд Румп, знакомят нас в своих песнях с разными людьми в разных ситуациях. И какие бы то ни были темы — совместная жизнь молодых людей, выполнение плана, школа и университет, любовь и семья, сбывшиеся и несбывшиеся надежды, защита социализма — в центре песен размышление о месте юношества в жизни общества.

Много у нас и песен, сопровождавших наших союзников на различных фронтах международной классовой борьбы, песен о дружбе с Советским Союзом и Ленинским комсомолом. Такие песни, как «Дружба — Фройндшафт» и «Пусть всегда будет солнце», известные повсюду. Есть у нас и песни о русском языке: «Это язык космонавтов, язык наших братьев по классу. И его мы никогда не забудем». Как призыв, как сирена звучала песня: «Все на улицу, пришел красный май. Все на улицу, над Сайгоном реет знамя победы». Гневом дышат песни солидарности, созданные во время китайской агрессии против братского народа Вьетнама. Твердо и неумолимо звучат песни наших чилийских друзей. Просты и ясны строки поэта-песенника Курта Деммлера: «Укрепляй свое государство. Это солидарность!»

Национальный фестиваль молодежи ГДР еще раз показал, что певческое движение ССНМ живет в молодежи. Оно было, есть и будет движением политической песни — многосторонним, охватывающим все слои молодого поколения, признающим свою приверженность социализму в нашей стране как в идейном, так и в художественном отношении. И, конечно, оно само движется и развивается: новые песни, новые темы, новые клубы, новые авторы и ритмы. Но девизом его были и останутся слова: «Боритесь и пойте вместе с нами!»

Берлин мы не собирались превращать в развлечение личного характера. В результате появилась моя первая статья в газете, а в нашей средней школе — певческий клуб ССНМ. Пост секретаря по вопросам культуры стал одним из главнейших в комитете, а в программе читательского актива рядом с докладами и диспутами объявились вдруг вечера песни и походы с гитарой под мышкой. Музыканты клуба организовывали наши первые танцевальные вечера, а позднее и дискотеки.

Читатели, возможно, немного удивлены, считая, что я отхожу от темы, не описывая биографию «Окtober-клуба» в узком ее понимании. Мне же, напротив, кажется оправданным и даже необходимым очертить вокруг нашего первого и старшего по возрасту песенного клуба ССНМ исторический круг как раз такой ширины. Если б тогда, в 60-х годах, когда, вдохновленные прогрессивными певцами, такими, как Пит Сигер (песни протеста) и Перри Фридман (фольклор), начинали основатели «Окtober-клуба» Хартмут Кениг, сейчас — секретарь ЦС ССНМ и, как прежде, автор и энтузиаст политической песни, Лютц Кирхенвитц, Йорн Фехнер, — если б тогда дело было только в пении, то пример «Окtober-клуба» наверняка не нашел бы столь широкого распространения во всей республике. Но для многих, кто познакомился тогда с «Окtober-клубом», этот коллектив и в самом деле являлся моделью деятельности союза молодежи вообще, моделью интересного, обогащающего личность досуга, моделью развивающегося, нового, социалистического образа жизни. И то, что сегодня определяет программы таких групп, как «Смена» из Дрездена и берлинской «Внуки Карла», тогда в первый раз многие открывали в песнях «Окtober-клуба». Они находили в них запросы собственного поколения и его ответственность перед этой жизнью, активную позицию — за развитие социалистического общества в смысле: взяться самим — предлагать — двигаться вперед. «Поразмысли, что стоит делать в жизни» (Эльке Биттерхоф), «Вне-си-ка разок рацпредложение» (Райнгольд Андерт), «Товарищи, прокрутите мне фильм, если рядом с вами есть еще одно место, дайте его мне» (Хартмут Кениг) — это строчки из популярных новых песен «Окtober-клуба», которые остались у меня в памяти.

То, что «Окtober-клуб» со своей программой не остался в одиночестве и что по его примеру повсеместно в нашей республике возникали группы, интересы которых были связаны с политической песней, — это

Окончание на 27-й стр.

Книги из Германской Демократической Республики... Они занимают достойное место в статистике международного культурного обмена, их удостаивают наград на международных ярмарках, их встретишь на книжных полках в самых разных уголках земного ша-

ра. По объему книжной продукции ГДР занимает одно из первых мест в мире.

В числе издательств, пользующихся особой популярностью в республике и за ее пределами, молодежное издательство «Нойес Лебен». Мы представляем слово его директору.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА «НОЙЕС ЛЕБЕН»

Руди
ХОВАНЕЦ

Издательство выпускает книги для молодежи разных возрастных групп (начиная с 13 лет). Они адресованы прежде всего учащимся средних и профессионально-технических школ, молодым рабочим, молодым представителям интеллигенции.

Издательство было основано в 1946 году нашим молодежным союзом. За тридцать три года своего существования оно стало одним из значительных беллетристических издательств ГДР. Здесь выходят в свет выдающиеся произведения нашей национальной и мировой литературы.

Первой книгой, выпущенной издательством, была «Как закалялась сталь» Николая Островского — книга, до сегодняшних дней сохранившая

свою удивительную притягательную силу. Вышло уже 37 изданий замечательного романа.

В этих заметках я хочу представить читателям «Смены» книжные серии издательства, которые охватывают 70 процентов всех выпускаемых книг (в год в издательстве выходит около 220 наименований). Выпуск книжных серий позволяет решить сразу несколько задач: удовлетворить интересы молодежи самых различных возрастов, согласовать интересы автора книги и издательства, выпустить и оформить книги рациональными методами, повышающими производительность труда. Публикацию первой серии мы начали в 1952 году, самой новой — в 1975 году.

Вот некоторые книжные серии, пользующиеся особой популярностью у молодежи:

«Новое издание для молодежи» представляет собой

самую значительную по важности и объему серию. Книги этой серии — художественные произведения, посвященные жизненным проблемам юных читателей, воспитанию социалистического поведения в молодежных бригадах, школе, в Национальной народной армии, влиянию семьи и родительского дома на развитие молодых людей, проблемам свободного времени и т.д. Ежегодно выходят 4—6 новых названий книг авторов ГДР и 3—4 — зарубежных авторов.

«Трибуна НЛ». В этой серии публикуется проблемная проза современных, еще неизвестных нашему читателю зарубежных авторов и писателей ГДР. Эта серия посвящена прежде всего вопросам социалистической этики и морали. В год выходит от 5 до 8 наименований.

«Увлекательные рассказы» — самая по возрасту «старая» серия издательства, в которой вышло уже более 140 книг. Увлекательные, остро сюжетные, прежде всего приключенческие романы отвечают, естественно, интересам самого широкого круга юных читателей. Ежегодно выходят 15—20 наименований этой серии. Это книги, различные по своему содержанию: от классической приключенческой литературы до книг, посвященных революционной борьбе немецкого и международного рабочего класса, Великой Отечественной войне, отпору силам контрреволюции, борьбе народов за свое освобождение.

«Карманные книги Ком-

пас». Эту серию, насчитывающую примерно 15 наименований в год, составляют рассказы, самые разные как по жанру, так и по тематике: современные проблемы молодежи, истории о любви, детективные и приключенческие рассказы, историческая тематика, научная фантастика.

«Новое приключение». Появилось уже 400 книжек этой серии с короткими приключенческими рассказами. Для нее характерно большое разнообразие тем: мировая классическая литература и новейшая литература исторического и фантастического характера, детективные рассказы и многое другое.

«Базар». Ежегодно выходит около 5 новинок серии. Это увлекательно написанные книги на значительные исторические или актуальные политические темы.

«Альбом поэзии». В марте 1980 года выйдет 150-й выпуск этой серии, представляющей ежемесячно одного лирика. Это дебютанты поэзии ГДР, неизвестные читателям республики поэты-лирики нашей страны и Советского Союза, поэты-революционеры, авторы из развивающихся стран и современные прогрессивные авторы капиталистических стран, а также поэты эпохи античности.

«Классика мировой литературы». Особенность этой книжной серии, выпускающей в год несколько произведений

мировой литературы, состоит в том, что тома снабжены иллюстрациями выдающихся художников. Так, недавно вышли «Трехгрошовый роман» Бертольта Брехта, «Рассказы» Льва Толстого, «Будденброки» Томаса Манна, «Дитя — дитя человеческое» Мартина Андерсена-Нексе и другие.

«Биографии». Эта серия насчитывает пока 10 наименований книг. Она имеет особенно большое значение в деле формирования подрастающей смены молодежи. Уже увидели свет книги о Че Геваре, Николае Островском, Джеке Лондоне, Вольтере, Отто Гане и Юри Гагарине. Скоро появятся биографии Хо Ши Мина, Эрнста Тельмана, Вильгельма Пика, Симона Боливар, Цезаря, Генриха Гейне.

«НЛ — конкрет». В этой серии опубликовано более 40 книг, задача которых состоит в том, чтобы популярно познакомить молодых людей с мировоззренческими проблемами, различными вопросами философии, этики, морали, Писатели ГДР и Советского Союза пишут, например, на такие темы, как «Новые пути поиска идей», «Творчество и мораль будущего», «Расы — происхождение и будущее», «Арабы, их освободительная борьба и Израиль», «Революции и революционеры сегодня».

«Полезные советы». Маленькие карманные книжечки этой серии дают юным читателям советы, касающиеся разных областей жизни. Как обставить квартиру? Как пользоваться косметикой? Как следить за своим телом? И так далее.

Выпуск серий будет продолжен в ближайшие годы — надеемся, на благо и удовольствие наших читателей.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТЬ И ВЫДУМКА. ВЫСОКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВКУС. ПРЕВОСХОДНОЕ ПОЛИГРАФИЧЕСКОЕ ИСПОЛНЕНИЕ — ТАКОВА «ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА» КНИЖНЫХ СЕРИЙ МОЛОДЕЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА «НОЙЕС ЛЕБЕН».

ПРИЙТИ И УЙТИ

Д а, я знаю, это будет нелегко: и для вас и для меня тоже. Для вас, потому что вы должны расстаться со своими ожиданиями и свыкнуться с новым положением вещей, смириться с другим лицом; а для меня это будет трудно, потому что я об этом знаю, потому что я знаю о вашем разочаровании и потому что я должна воспринимать себя как эрзац.

Мне надо заполнить место, на котором ждали Ханну Барлоу, а чтобы сделать это, потребовался бы весь мой опыт в тройном размере, и даже тогда все бы тотчас же начали снова звать Ханну Барлоу.

Нам долго пришлось бы звать; она больше не придет; Ханна Барлоу умерла; вчера, спустя два дня после своего семидесятилетия, за день до вашего посвящения в юность, когда вам на этом самом месте надо было ее слушать.

Или даже хотелось, ибо речи Ханны славились; кое-кто из вас еще услышит об этом, потому как я вижу среди ваших родителей некоторых, кого вместе со мной Ханна Барлоу легонько подталкивала по жизни.

Бессмертие, знаете ли, вовсе не безобидное слово, ибо оно оспаривает одну из важнейших данностей, которые определяют нашу жизнь: оно оспаривает то, что мы смертны, оно утешает нас, уводя от смерти прочь, и это не всегда хорошо, потому что слишком многое, что не подлежит отсрочке, мы откладываем, уверовав в нашу вечную жизнь.

О бессмертии следовало бы, наверное, говорить лишь по отношению к мертвым, и если искать масштаб, приемлемый для определения бессмертия, то надо бы, я считаю, интересоваться количеством истинного движения, движения в смысле продвижения вперед, прогресса, развития, которое один человек внес в жизнь других людей.

И все же — все же, все же — в этом смысле Ханна Барлоу бессмертна.

По возможности не будем воздвигать ей памятника; я, во всяком случае, не могу пока думать о ней, отлитой в бронзе или высеченной из камня; она действительно не была тем, кто нуждался в постаменте. чтобы быть замеченным, я знаю, это справедливо в отношении всех, кому мы сегодня ставим памятники. но Ханна Барлоу для меня отличается от них еще и тем, что Ханну Барлоу я знала, что многие здесь, на этой встрече, которая задумывалась как праздничная и праздничной должна остаться, что многие здесь знали товарища Барлоу, и что многое здесь, в этом местечке, было бы не таким, как есть, если бы Ханны Барлоу в этом местечке не было.

Я скажу теперь кое-что, что каждый знает, но я скажу это, поскольку так, может быть, будет понятно, почему я осмеливаюсь взойти вместо Ханны на трибуну: Ханна Барлоу была бургомистром нашего города, прежде чем им стала я, а я им стала, потому что она была им до меня.

Знаете, для вас это, надо полагать, звучит как весть из тех времен, когда нужно было идти охотиться на медведя, если понадобилась новая шуба, но и в этом местечке представление о женщине на руководящем месте в общинном совете тоже укладывалось лишь в немногие головы — Ханна своего места добила; все обошлось без мятежа, но и не без жутких усилий тут и там, а через пару лет, проведенных Ханной в кресле бургомистра, никто уже толком не понимал, вокруг чего поднимали весь шум, и я, когда иногда спрашивала себя, почему именно я сменила ее на посту, в свои ясные часы я нашла объяснение: стоило бы слишком больших усилий после ухода Ханны примирить город с мыслью, что теперь бургомистром снова должен стать мужчина.

Она ко всему прочему была еще и очень хитроумной особой, эта товарищ Барлоу: едва лишь освободив для меня свой стул, она стала хлопотать о председательстве в комитете по проведению Праздника посвящения в юность, и конечно, и это знает здесь каждый, ибо каждый ждал ее сегодня в этом качестве на этом месте, и по крайней мере те среди нас, кто постарше, радовались, предвкушая услышать в этот час одну из знаменитых речей товарища Ханны Барлоу на Празднике посвящения в юность, — конечно же, она получила желаемый пост, однако — и это я имела в виду, когда говорила о ней как о хитроумной особе, — однако Ханна Барлоу могла бы точно так же и наверняка с тем же успехом ходатайствовать о почетной должности в молоконадзоре, или в дренажной службе, или даже в отделе народного искусства — при условии, и

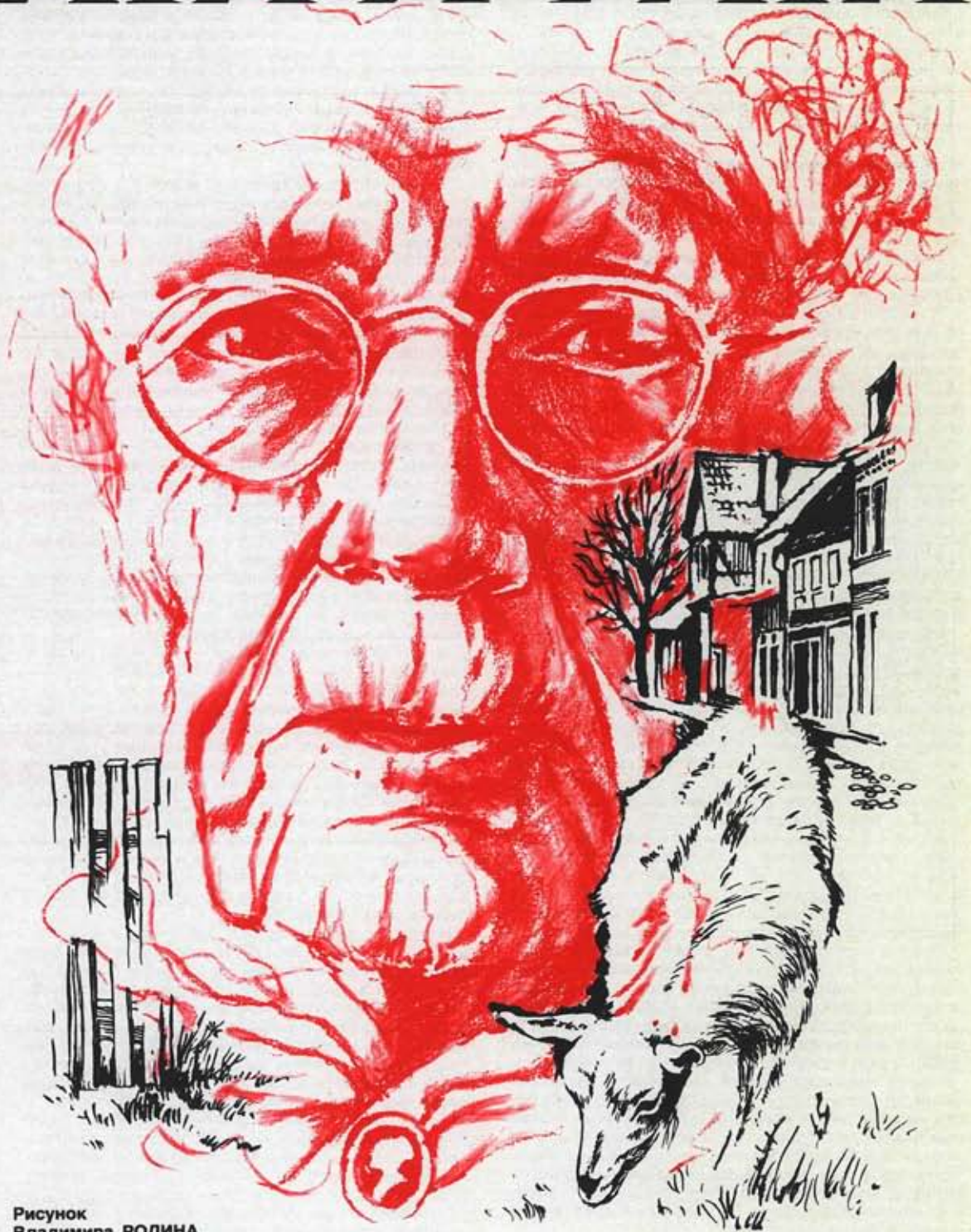

Рисунок
Владимира РОДИНА

здесь-то я возвращаюсь к ней как хитроумной особе, при условии, если бы комнаты этих почтенных учреждений были расположены так, как была расположена и расположена сейчас комната комиссии по проведению Праздника посвящения в юность, а именно через дверь напрямую соседствующая с комнатой бургомистра.

Немного, совсем немного наши отношения походили на отношения гнома и королевской дочки — вы не должны стесняться, если вы помните эту историю, ведь сказки рассчитаны на всю жизнь; когда я почти что была готова упасть в отчаяние перед горами соломы, которую мне до рассвета надо было перепрясть в золото, Ханна Барлоу появлялась из своего кабинета, и тогда взлетало веретено, и жужжала прялка, и в течение так вот проходящих лет я училась быть бургомистром.

Я, выходит, не могу относиться к посвящению в юность иначе, как хорошо, так что и не могло быть вопросов, кто здесь заменит ее, когда пришла весть: Ханна мертва; а в воскресенье сотня молодых людей ждет, чтобы им кто-то сказал: детство прошло, юность — великопепная штука — и жизнь тоже! И они ожидают, что им это скажут прекрасными словами.

Ах, не рассчитывайте на слишком многое, доро-

гие друзья, ибо потеря, которую представляет смерть Ханны Барлоу, имеет отношение ко многим и к вам тоже.

Правда, оставались по крайней мере записи, которые Ханна сделала, готовясь к сегодняшнему празднику, — большего ей не требовалось, а для меня этого слишком мало; и все же они будут мне подспорьем.

Это странные заметки, и, не общаясь я с нею столько лет, я едва ли сумела бы разобраться в них — вот так выглядят эти листки, и на них написано, на этом, к примеру: «Пусть носят защитные шлемы!», а на этом: «Быть единственным коммунистом в Барске было тяжело!»

Я знаю большинство историй, относящихся к этим заметкам, и я их, конечно, расскажу, однако мне хочется рассказать и кое-что из истории Ханны Барлоу, поскольку, мне кажется, делаешься сильнее, когда об этом знаешь.

А сила вам понадобится, потому что жизнь хоть и прекрасна, но вместе с тем и весьма напряжена.

Ваша же жизнь, и об этом я не могу умолчать именно на сегодняшнем празднике, ваша жизнь будет даже особенно напряженной, ибо вы будете участниками самого силопоглощающего поднимания тяжестей, какое только случилось в истории

человечества: вам предстоит поднять наше общество на новую ступень, ввысь, в коммунизм.

Конечно, их будет много, тех, кто возьмется за это вместе с вами, они уже взялись, но это все-таки весьма непростое: целое общество со всей утварью и всей живностью — средства производства, средства сообщения, средства поддержания жизни; жизненный уклад, склад мышления, стиль отношений и привычки — именно они составляют большую часть веса, привычка, например, различать (и судить! и оценивать!) людей по тому, на какую сторону они застегивают пиджаки; или привычка некоторых указывать свой размер, причисляя к нему толщину своего кошелька; или привычка пользоваться локтями как средством продвижения вперед.

Или привычки, которые зовутся завистью и равнодушием, и властолюбием, и лакейством — или ленью и так далее. Так что в вас, кто сидит здесь, мы должны видеть часть той команды, которой предстоит осуществить грандиозное силовое упражнение.

И я думаю, что в этом месте мне следует воспользоваться одним из листков Ханны, тем, на котором упоминается единственный коммунист в Барске, ибо товарищ Барлоу наверняка сказала бы, если б об этом зашла речь: да, вы, от вас многого ждут, но вы ведь не одиноки — в сегодняшнем празднике кроется еще и тот смысл, что мы хотим приветствовать вас в огромном союзе борцов за наконец-то и вправду человеческую жизнь; мы рады тому, что вы с нами, и вы тоже, должно быть, довольны, зная, что мы на вашей стороне.

Есть масса вещей, для которых нужно, чтоб пришло время постичь их, но я забегу вперед и скажу вам уже сегодня: общность — вот истинное счастье, и если вы меня спросите, что есть горькая, удушливая беда, то я скажу: это — одиночество.

Я знала одного человека, — сказала бы Ханна Барлоу, используя таким образом эту запись, — который двадцать пять лет был единственным в Барске коммунистом.

Он испытал все, что может испытать человек, принадлежащий к тем, кого ландрат зовет бандитами, и пастор — осквернителями церкви, и помещик — поджигателями, и местный староста — позором для деревни, и деревенский лавочник — риском для своего предприятия, и слегка свихнувшаяся вдова — холуем Москвы, а другая, вовсе не такая уж недотрога, зовет его бесстыжим чудиком, который хочет ввести многоженство, а соседская дочка говорит, они не могут больше встречаться, ежели он ходит с теми, и жандарм, который его забирает, говорит, это потому, что он ходил с теми, и караульный у ворот особенно старательно пинает его в живот, потому как он опять же один из тех. Единственному коммунисту в Барске все это досталось потому, что он был одним из тех, однако он выдержал все тоже потому, что был одним из тех.

Со всем мальчишкой, так, может, в вашем возрасте, он открыл в себе способность извлекать музыку с помощью пары палок, колотя ими по перевернутой лохани для стирки, крышке молочного бидона и даже по раскошелюму дереву скамьи для крынок, а потом в ярмарочный день в Велмсагене танцы на время прекращаются, перерыв, и музыканты у стойки принимают заявки на песни и здешнюю тминную водку внутрь — мальчишка из Барске берет на себя заботу о веселье в Велмсагене, выдав ошеломляющую дробь на оставленном без присмотра барабане; следуют оплеухи, это не первые и не последние, но они забыты, когда благодущный от тминной водки капельмейстер уговаривает своего барабанщика позволить парнишке и в следующий перерыв выбивать дробь.

Бродячий оркестр обрел подсобного барабанщика, а тот — новую жизнь, ибо теперь он в Барске единственный сведущий в искусстве; получи он много денег в наследство, он значил бы много больше, но, поскольку он может играть на барабане, он теперь в Барске нечто, а поскольку он водится с городским оркестром, то он в Барске нечто совсем особенное.

Но ведь каковы эти музыканты, судачат скоро в Барске и даже в Велмсагене, играют для всякого кошелька, и когда коммунисты Велмсагена приглашают их на летние танцы, то они пиликают, свистят и барабанят и для тех тоже, и ведь каковы эти коммунисты, судачат скоро в Велмсагене, а уж в Барске и подавно, — они втягивают барабанщика в разговор, примечают, что он вовсе не ягненок, и уж взяли над ним верх, волки.

Так в Барске заполучили коммуниста, красного, который хоть и был еще очень зелен, но все же слишком красен для Барске, которая лежит в камышовом уголке на озере Мюриц.

Да, дорогие друзья, Ханна Барлоу уж сумела бы рассказать вам о деревне Барске и ее единственном коммунисте, но я не могу тратить наше время на одну эту историю, так что буду краткой.

Когда в Барске проходят выборы, то националы,

а позднее наци получают почти все голоса; один лишь получают коммунисты, с того дня, когда единственному коммунисту Барске исполняется двадцать один, и редкий сторонник партии бывал так обложен хмельным крестьянским хохотом, когда подсчитывали голоса, и едва ли кого так колачивали на основании, что он испортил нам статистику.

Но когда потом наци пришли к власти, кое-кто позаботился о том, чтобы теперь и в Барске статистика была в порядке, ведь в заявлениях, касающихся событий тридцать третьего года, говорится, что победа национал-социалистов в рейхе была полной, — Барске внесла свою лепту в достоверность этого свидетельства; Барске одолела своего единственного коммуниста, и Барске почти что превратила его в мертвеца.

Это длилось двенадцать лет, девочки и мальчики, почти столько же, сколько ваша жизнь, и самым страшным, сказал единственный коммунист Барске Ханне Барлоу, самым страшным было одиночество.

А теперь я расскажу вам ту часть, о которой Ханна Барлоу не упоминала, когда говорила об общности и одиночестве и единственном коммунисте Барске, — она, впрочем, описывала, как он убежал из тюрьмы в конце войны и что кто-то прятал его больше месяца, спасая его жизнь, и на таких вот праздничных сборах, как этот, она даже дословно передавала, что прокричал коммунист Барске в ответ своим соседям, когда на собрании, уже спустя долгое время после войны, один хотел его высмеять: он, дескать, ведет себя так, будто Красная Армия пришла сюда, в деревню, исключительно ради него, — тогда он рывкнул, всплыл так, как может всплыть тот, что двадцать пять лет является единственным обладающим разумом, тогда он почти что заорал: ну да, что же еще могло привлечь Красную Армию в Барске? Семь ваших коз, восемь ваших зубов, девять ваших волосев? Или, догадаете, они спешили сюда просто потому, что молва о вашей тупости, от которой волосы встают дыбом, докатилась аж до Владивостока?

Из-за меня они пришли — да! Меня освободить — да! И так я намерен это всегда видеть, и чтобы вы заодно знали, почему я не допущу в Барске ни одного хамского слова против и ни одного враждебного взгляда на моих друзей; да, я восприняла Красную Армию всецело лично, и я представляю себе, что она послала своих солдат за мной, отвоевать меня у того, что в этой стране и на этой земле зовется Барске, и я представляю себе также, я вижу это в холодной плоти и горячей крови, сколько многие пали на пути к моей решетке, и этих, скажу я вам, вам придется тоже взять в расчет, если вы в будущем захотите приняться за меня и если вы и дальше будете ополчаться против доступа в Барске разума и человечности!

Извините, дорогие друзья, что я так расшумелась в этой части того, что, собственно, должно бы быть речью к вашему посвящению в юность, но я думаю, коммунист из Барске тоже тогда расшумелся, и про Ханну Барлоу я знаю, как она могла расшуметься, когда она об этом говорила; а она сказала: действительно, новое время настанет, когда достаточно будет говорить правду просто и спокойным тоном и лишь единожды — и никогда на публичных собраниях; как сама она не упомянула, что стояло за побегом из тюрьмы единственного коммуниста Барске и тем месцем, который он провел, скорчившись, на свободе до своего истинного освобождения.

А провел он его на сеновале у Ханны Барлоу.

Поскольку все мы видели эти истории в кино и по телевизору, то мы всегда представляем их как-то слишком красочными и волнующими и даже, пожалуй, слишком захватывающими.

Хлев же Ханны Барлоу был попросту хлевом для коз с навесом для сена сверху, с парой мотыг, и грабелем, и лопат, и ведер в углу, с козлами и начатым мешком цемента, с двумя козами, которые воняют, как двадцать, когда находишься с ними подольше, с крольчатником и курами, которые предательски орут в честь каждого яйца.

Могут сказать, мол, не очень-то мудро было сбежавшему из городской тюрьмы забраться в хлев неподалеку, только чтоб быть мудрым, требовалось немножко больше времени и немножко больше сил.

И в конце концов разве не было это в конце концов шагом высочайшей мудрости: из всех мыслимых укрытий выискать одно-единственное, подходящее для жилья, а среди всех этих боязливых, и жадных, и скудоумных, и падких до сплетен людишек — одну Ханну Барлоу?

Вы, наверно, спрашиваете себя, были ли Ханна и беглец знакомы прежде; я скажу: вряд ли.

И за этот месяц в хлеву Барлоу они друг друга тоже не видали.

Ханна однажды утром заметила, будто в хлеву что-то переменялось, но так, как если видишь что-то и отбрасываешь мысли на сей счет в сторону; эти мысли только тогда снова стали занимать ее,

когда в полдень соседка пришла сказать, будто ночью эти друг за дружкой сбежали из тюрьмы, и теперь, стало быть — вот еще на старости-то лет, — двери надо запирать покрепче.

Тогда еще существовал муж Ханны Барлоу; мокрый кашель, которым он страдал всю жизнь, скрючил и опустил его; если в хлеву что-то и было, ему не следовало ничего знать.

Соседка прочь, муж больной спиной на диван; тут Ханна в хлев и давай бранить коз: если они и дальше будут чинить здесь такой беспорядок и разбрасывать сено там, где ему не место, и муж это увидит, то в своей злой неспособности он способен привести мясника. Из всех правил, по каким в это время подобает жить, перво-наперво назовем порядок; тут ключьям сена нечего делать на лестнице, и все должно иметь определенное место: остатки пищи, к примеру, предназначаются кроликам на вечер, ставятся всегда в одно и то же место, сверху на загородку, в темный угол слева.

И не могли бы козы быть так любезны и привыкнуть то, от чего они хотели бы избавиться по нужде, сбрасывать в яму снаружи как можно ближе к перегородке?

Тихо вы, козы, хватит топтаться и бляеть; муж плохо дышит, но слух у него острый, и засыпает он только, когда пробьет десять в темноте, и самое позднее в двенадцать его снова будит первый кашель.

Да, ребята (ах, не обижайтесь на меня за это обращение), козы Ханны Барлоу поняли, видимо, все точно; они держались строгого порядка и привыкли даже к странным речам Ханны Барлоу, хотя те иной раз раздавались все же высокомерно для их голов; женщина к ним приходила даже с рифмами: «Увы, козочки мои, ведь те летчики, что над домом кружат, совсем не фюрера молодчики» или «Ах, жалость какая, козлятки, чего уж нам ждать, на Шпрее вон русских выдать!», и муж Ханны Барлоу сказал, ему не терпится поглядеть, что все-таки произойдет скорей: он ли выплнет с кашлем последний лоскут легкого или же старуха вконец спятит.

Но однажды — четыре недели это так продолжалось — муж зашел в хлев, когда Ханна убиралась у директора газовой конторы, и заговорил сам с собой: «У меня это в груди, но не в голове; я знаю, на сколько нам обычно хватает жареного кролика и хлебных картошек, и я знаю, как пахнет козья моча! Ежели один тут думает, я никого не пущу наверх из-за того, что в этом замешана моя жена, то пусть знает: я знаю, что мне никто не поверит, будто я ничего не знал. И уж лучше я через год захлебнусь собственной кровью, чем угожу завтра под мясничью топор. Давай сматывайся, ты, поганец, я хочу еще чуток пожить!»

Да, так вот получилось, что на другой день Ханна Барлоу нетронутым нашла хлеб, оставленный на утро в темном углу над крольчатником, и когда она дозналась, что значило это, а также узрела недужный триумф в глазах своего мужа, она уже больше не разговаривала с козами и долгое время после окончания войны и со своим мужем тоже.

Однако с той поры она беседовала почтительно с каждым в нашем местечке, сначала как депутат представительства, потом как член городского совета, потом как бургомистр и потом как председатель комитета по проведению Праздника посвящения в юность.

А на этой стезе, находясь на которой говорить приходится подолгу, она очутилась, потому что однажды вечером после войны у ней появился человек и сказал, что он тот, с которым в иные времена можно было общаться лишь окольным путем — через двух коз.

Он теперь здесь ландрат, сказал он, и он ищет людей, на которых можно положиться, а то, что на Ханну Барлоу можно положиться, даже господь бог не знает лучше, чем он.

Да, дорогие друзья, он вот уже несколько лет, как умер, этот человек, который четверть века был единственным коммунистом в Барске, и утешает лишь то, что и в Барске уже давно больше, нежели один коммунист.

Я понимаю, когда тебе четырнадцать или пятнадцать, то все это звучит будто из исторического далека, и, к нашему счастью, так ведь оно и есть: обстоятельство, при каких наш бывший бургомистр и наш бывший ландрат впервые встретились, пусть и не увидав друг друга, эти варварские обстоятельства принадлежат к отдаленному периоду нашей предьстории — они лежат далеко позади вас и уже позади меня, но всякий, кому жаль своего драгоценного времени, дабы помянуть при случае иные отодвинувшиеся времена, совершает ошибку. То, что существовало однажды, отодвинулось в той же огромной и в той же малой степени, что и леса, покрывавшие землю в каменноугольный период, — без них у нас не было бы ни угля, ни нефти.

Разумеется, нет нужды каждый раз, закивая

свет, растроганно бормотать: о великие леса каменноугольных времен! Однако, как что к чему пришлось, следовало бы все ж знать, хотя бы затем, чтоб не принимать все слишком само собой разумеющимся.

По этому поводу есть высказывание одного писателя, и листок, на котором оно записано, как исключение, не из числа заметок товарища Барлоу; он принадлежит мне, ибо я давно переняла у ней это: записывать, что мне понравилось или же нет—сам способ могу настоятельно рекомендовать!—писатель, его зовут Томас Манн, и я очень хочу пожелать вам, чтоб вы когда-нибудь познакомились с его книгами, так вот он сказал: «Некоторые считают все само собой разумеющимся. Но если этого не делать, то жизнь очень увлекательна!»

Абсолютно точно! Увлекательна в смысле...—ну да, именно увлекательна, радостна, прекрасна, ни чуточки не скучна, живительна, бодряща...

В самом деле, не принимайте просто все как само собой разумеющееся, доброе не принимайте, а уж дурное и совсем нет! Так уж оно все повелось... это ведь одна из фраз, рожденных временами, когда люди, коли они хотели сохранить жизнь себе и другим, должны были обращаться к козам, будто те были неким чудом.

Если кто-то из вас намерен оставить столь же заметный след, как... Маркс, или Ленин, или как Леонардо да Винчи, или Гете, или такой же, как Эйнштейн, или Вирхов, или Бертольд Брехт, то ему нельзя забывать: «Так уж оно все повелось...»—это было для них, наверное, самой отвратительной фразой, какую только можно выдумать.

А поскольку у большинства из нас не будет столь далеко идущих намерений, то пусть это останется обращенным ко всем нам: «Так уж оно все повелось...»—позиция, располагающая к быстрому ожирению, а мы ведь желаем друг другу еще долгих лет стройности!

Я перешла к пожеланиям, так уж положено для праздничных речей, и если моя была менее праздничной, чем того требует обычай, то в ней все-таки не должно быть недостатка в добрых пожеланиях.

Они исходят еще от Ханны Барлоу, а некоторые уже и от меня, но важно не столько, откуда они пришли, а скорее, куда они идут, к кому—и что они вызывают.

Мы желаем вам на изумительно огромный отрезок жизни, начало которого—в сегодняшнем дне: лишь изредка того ненавистного чувства, что зовется скукой.

И время от времени того счастливого мига, когда знаешь, что вот сейчас не нужно делать совсем ничего, вообще ничего, вовсе и совсем-совсем ничего, имеющего сколь-нибудь серьезное значение.

Мы желаем вам приключений, которые простираются до Луны и до берегов всех морей, и мы желаем вам работы, про которую вам никогда по-настоящему не захочется сказать, на какую бы другую, лучшую вы ее сменили бы.

И остатка школьной жизни мы желаем вам такого, чтобы о ее конце вы не думали, как об избавлении.

Мы желаем вам тончайшего слуха, желаем различать тишайший шепот этого мира—и к тому же крепчайших нервов, ибо иногда она еще будет реветь и стонать, эта земля.

Не желаем вам тишины, которая настает, когда двое, что должны говорить друг с другом, замолкают—от горя, от стыда, из тугодумства, из трусости, по невежеству.

Мужества желаем вам, чтоб сказать другу всю правду; мужества, чтоб сказать всю правду врагу или, если наступит час, не проронить ни единого слова.

Мужества Ханны Барлоу применительно к вашим, лучшим временам—и по возможности времени подумать о мужестве Ханны Барлоу, благодаря которому, и ему тоже, ваше время стало таким несравненно другим.

Мы желаем—теперь снова я и Ханна,—чтоб хватило на долгую жизнь, не однажды мгновений, когда можно сказать о себе, что принес пользу... и также, чтоб хватило мгновений, когда тащишь себя, что твой Мюнхаузен, за собственный ворот из тепленького месива, от которого несет заносчивостью и самовосхвалением.

Мы желаем вам и себе также и, пожалуй,ста, как можно скорее успехов в борьбе против рака, и против алчности, и против той раковой алчности, из которой вырастают войны.

Мы желаем вам жизни, полной мудреных задач и росистых яблук, полной удивительных книг (почему бы и не сочиненных самими?), полной друзей, рядом с которыми замирает дыхание, и дружб безмятежных—одним словом, полной жизни изо дня в день. Дорогие друзья, вам, добрым, мы желаем всего, доброго!

ГИТАРА НА ПЛОЩАДИ

Начало на 23-й стр.

очевидно. Сегодня, 13 лет спустя, статистика насчитывает их свыше трех тысяч. Если вначале многие просто копировали модель «Окtober-клуба», то ныне песенное движение ССНМ стало значительно шире, дифференцированное и художественно квалифицированное. Его лучшие достижения стали достоянием нашей национальной социалистической культуры и искусства. Они представляют собой прекрасный пример партийности и связи с народом. Продуктивные методы работы, например, принцип мастерской (новые художественные произведения представляются на суд компетентных экспертов, которые обсуждают их вместе с создателями и исполнителями и вносят изменения), нашли применение и в других видах искусства. Песенное движение ССНМ вновь обратилось к изобразительным средствам соседствующих с песней жанров, таких, как театр, кабаре, литература, музыка. Родились новые возможности и задачи. Улли Кляйн, нынешний руководитель «Окtober-клуба», говорит об этом так: «Культура—это также и отношение молодых людей друг к другу, общение, обмен мыслями в песнях или беседах. Это требует широчайшей палитры клубов, групп, авторов...»

То, что тыл песенного движения ССНМ сегодня существует, создает «Окtober-клубу», с одной стороны, хорошие предпосылки для осуществления таких важных начинаний, как ежегодные международные фестивали политической песни, а с другой—конечно, вновь и вновь побуждает его отстаивать свое имя. Не почитать на единожды завоеванных лаврах, а многие годы вновь и вновь просить слова, выступая с новыми песнями, программами, идеями,—эту способность я считаю одной из ценнейших отличительных черт клуба. И также откровенное признание, что при этом не все идет гладко, что в коллективе клуба есть и споры и недоразумения, симпатии и антипатии, которые надо преодолевать, и что это делается—хотя, может, и не без болезненных иной раз последствий для одного или другого. В ходе развития не исключены ошибки, но их не стыдятся исправлять.

«Пробным камнем» была для «Окtober-клуба» ситуация, сложившаяся после X Всемирного фестиваля в Берлине, когда часть бывших членов клуба решила посвятить себя политической песне профессионально и основала группу «Год рождения—49-й». Джина Уве, Миша Хефт и еще шесть певцов и музыкантов были, однако, теми, кто в последние годы решающим образом определял художественное лицо клуба на сцене. После их ухода «Окtober-клуб» нужно было фактически создавать заново. «Вначале—весьма непросто! Но в конце концов именно под давлением этих обстоятельств мы вновь обратились к коллективным методам работы. Некоторые из нас обнаружили при этом таланты и способности, о которых прежде никто и не подозревал»,—рассказывала мне Вальтрауд Хайнеман, когда зимой 1975 года я побывала в гостях у «Окtober-клуба» в их репетиционном лагере. Один из тех, например, кто так вот раскрылся,—Петер Порш. Наборщик, дипломированный полиграфист, он уже несколько лет являлся членом клуба, но тут впервые вышел на сцену. Это Петер предложил поющего воровья-барabanчика—символ фестиваля политической песни. Он не раз выполнял работы по графическому оформлению по поручению клуба и Центрального Совета ССНМ. Казалось, однако, что ему все же недостает простора, чтобы опробовать все свои творческие замыслы и идеи. Он делал фильмы (для двух новых программ клуба под названием «На монтаже» и «Принцлауэр Берг») и наряду с этим начал писать, переводить стихи и петь. С приходом Петера возродилась любовь к импровизации, к участию зрителей, когда зал подхватывал строчку из песни или припев. И вдруг снова появилось то, что подробно было описано в начале статьи,—возможность идентификации певцов «Окtober-клуба» и их слушателей. «На монтаже»—программа, в которую вошли известные зарубежные песни и собственные, отражающие конкретную действительность ГДР, и поэтический, написанный сочными красками портрет богатого традициями крупнейшего рабочего района Берлина «Принцлауэр Берг», где живет большинство членов клуба,—эти программы принесли клубу заслуженную и вдохновляющую оценку: «Ну вот, вы снова такие, как прежде!»

«Мы все еще здесь»—так называется программа «Окtober-клуба» 1979 года. Конституирует это, более 40 его членов, которые как коллектив вступили уже в свой 14-й год, вовсе не относят это только на собственный счет. «Во всяком случае, для тех, кто уже собрался сдать «Окtober-клуб» в музей, эта строчка звучит исключительно в духе программного заявления»,—добавляют они, смеясь. Но на процити-

рованную здесь строку надо смотреть, конечно, и в связи с иными, гораздо более важными событиями. Она взята из новой песни «Окtober-клуба», посвященной 30-летней годовщине ГДР. И припев целиком звучит так: «Мы все еще здесь, и государство тоже, которое строят рабочие. Страна живет, да здравствует страна, куда они дерзают!» Выбирая музыку, певцы «Окtober-клуба» обратились к немецкому фольклору. И по стилю исполнения в этой песне были черты лучших, популярнейших песен «Окtober-клуба», которые сегодня вошли во многие сборники и которые учат в школах на уроках пения, которые запевают, когда члены ССНМ собираются для работы или на праздник. Неудивительно, что уже через несколько месяцев новую песню подхватили около 3 тысяч песенных клубов нашей страны. И на Национальном фестивале в начале июня в Берлине песню эту не только исполняли на больших сценах на Бебельплатц и в «Парке песни», но и пели, напевали и мурлыкали почти на каждом углу.

Для песенного движения ССНМ кажется уже почти нормальным, что «Окtober-клубу» в нужный момент удаются такие увлекательные массы песни, которые нам нужны. Каждый может с ходу назвать «Окtober-зонг», песню Хартмута Кенига «Скажи мне, на чем ты стоишь и какой дорогой идешь...», песни Рейнгольда Андерта «Песня об отечестве», «Придет день, когда будет много работы», «Что нам выпить за Луиса Корвалана», «Сайгон свободен», «Этой земле борьба нужна как мир, чтоб земля стала человечней». Кто, однако, задумывается над тем, сколько сил, напряжения и творческих сомнений кроется за одной лишь этой отчужденно рассматриваемой непрерывностью! И круг задач, с которыми надо справиться каждому члену «Окtober-клуба», наряду со своими прямыми обязанностями учителя, служащего, редактора, студента, значительно шире и разнообразнее, нежели «производство» одной такой песни.

Наша страна и наш союз молодежи заслужили себе доброе имя в мире своими прогрессивными революционными песенными традициями, своим современным, злободневным песенным движением, связанным с интернационалистской работой. Немалую долю ответственности за все это берет на себя «Окtober-клуб». Это ежегодная организация международных фестивалей политической песни, которые каждый февраль собирают в столице ГДР на волнующие концерты солидарного единства и продуктивный обмен опытом певцов и авторов песен со всех концов света. Лишь немногие помнят сегодня о том, что фестивали эти родились, собственно, из праздников дня рождения клуба. Тогда эта идея пришла в голову двум членам клуба—летом, на лужайке у озера в Панкове. Один из них, Рейнгольд Андерт, был тогда в клубе главным автором текстов. Он писал прекрасные и простые песни о германско-советской дружбе, такие, как песня о памятнике в Третье-парке или, например, песня о Мавзолее на Красной площади. Сегодня Рейнгольд пишет еще веселые детские книжки и пробует свои силы, работая над музыкальной пьесой для театра. Второй, Рейнхард Хайнеман, математик по образованию, много лет был руководителем фестивалей, сейчас ему поручен важнейший художественный проект юбилейного, 10-го фестиваля политической песни, который состоится в будущем феврале,—впервые силами участников из разных стран организовать исполнение кантаты о наступлении прогрессивных сил в мировом революционном процессе.

В год 30-летия ГДР вместе со всеми членами ССНМ и гражданами нашей страны «Окtober-клуб» подводит итоги своего развития. В длинном ряду событий—успешные гастроли и выступления клуба в Советском Союзе, Болгарии, Венгрии, Финляндии, Португалии, Франции, Италии, Мексике, на Кубе и в ФРГ, четыре собственные долгоиграющие пластинки, один документальный и один телевизионный фильм, медаль имени Артура Беккера, премия ССНМ и многие другие отличия.

С итогами деятельности «Окtober-клуба» неразрывно связаны и его градские планы, о которых Улли Кляйн поведал на последнем фестивале: «Вот уже два года, как у нас все больше укрепляется тенденция проведения «Вечеров в «Окtober-клубе»—трех-четырёхчасовых программ, состоящих из песен, сценок, викторин, сувенирных базаров и дискотеки,—при участии самых разных людей: школьников, учащихся ПТУ, рабочих и студентов, которых мы приглашаем в наш подвал в Доме молодых талантов. Это надо активно развивать и дальше. Такие контакты помогают нам открыть немного больше в себе, посмотреть, насколько такое пение полезно и для нас и для других. Это развивает то, что мы называем «коммуникативным стилем», который, как мы думаем, является традицией и будущим «Окtober-клуба». Эти выступления не исключают больших публичных, напротив, они помогают нам точнее ощущать себя в них».

Так обстоят дела с сегодняшним поколением «Окtober-клуба».

Неплохо, я думаю...

... И ЖИЗНЬЮ ВСЕЙ ВП

Хельмут ПРАЙСЛЕР

Братья по оружию

Мы братья по оружию,
соратники сыновей,
чьи отцы погибли
от рук отцов.

Мы братья по оружию,
мы сплотились под знаменем тех
из наших отцов,
что стали братьями по оружию
уже под солнцем испанского неба,
под снежной пургой Сталинграда,
на берегах Эльбы.

Мы братья по оружию,
нас ведут за собой
испытанные товарищи,
мы стоим у берегов Эльбы,
готовые к борьбе
против духа и власти
тех из бывших наших отцов,
что сбежали на запад,
и бредят еще о фашизме,
и бредят еще о власти.

Знать хорошо,
что луга зеленого лета
год из года влюбленным
дарят свои просторы и будут
дарить — такова наша воля.

Знать хорошо,
что целую вечность звезды
излучать будут страсть и счастье, и будут
все дни озарены любовью.

Знать хорошо, без сомнений,
что в любви будут жить люди
среди цветов, среди трав
и к звездам
ближе,
чем мы.

Хайнц КАЛАУ

Сказка

В какой-то грядущий вечер
рыбы расскажут птицам
свою мечту о полете.
В ответ услышат
рыбы о птичьем стремлении
скользить в глубинах.

С этого мига
станут птицы
взлетать свободней.
Станет раздольней
рыбам в глубинах
с этого мига.

Появление ребенка

С тех пор, как ты здесь,
я ни разу
не проспал дольше
чем четыре часа
подряд.

Тебе едва двадцать дней,
но уже
мне кажется —
вечно
ты возле меня.
В тебе уже
все мои надежды,

28 смена

Новые переводы

Иоганн Вольфганг ГЕТЕ

Майская песня

Какое счастье
Явилось вдруг.
Ликует солнце,
Искрится луг.

Будто бы вешний
Густой настой,
Сладок напиток
Любви святой.

Так рвется птица
В простор небес,
Тянется к солнцу
Весенний лес.

Повсюду радость,
Веселье, звон.
И птичий гомон
Со всех сторон.

Мир весь цветами
Заполнен.
И до чего же
Вновь я влюблен.

Сладость, блаженство
В моей судьбе
Воплощено
Лишь в одной тебе.

И не придумать,
Не передать
Всю эту прелесть
И благодать.

Неудержимей
День ото дня
Взгляд твой чарует,
Манит меня.

И, отдаваясь
Своей любви,
Ты без печали
Вечно живи.

Перевод И. ГРИЦКОВОЙ

Близость любви

Ищу тебя, когда с морского лона
заря встает.
Когда трепещет месяц обнаженно
в потоке вод.

Ищу тебя в тумане отдаленном,
в дорожной мгле,
когда так страшно странникам бездомным
спать на земле.

Ищу тебя, когда в речной излучке
подъем волны,
когда в садах полуночные звуки
приглушены.

И никого, чем ты, что так далеко,
мне ближе нет.
Приходит ночь, и звезды жаждут встречи.
Но где твой след?

Всех на свете книг чуднее
Этот свод любовный;
Я прочел его прилежно:
Мало строк восторга,
Много глав страданий;
И большой раздел разлуки.
Встреча вновь! Лишь две странички.
Сбивчиво, Тоски двухтомник!
Разъяснениями продленный,
Нудно, мочи нет.
Низами! Лишь к заключению
Ты находишь путь свой верный;
Чем унять неутоленность?
Новой встречей влюбленных.

Перевод В. КУПРИЯНОВА

и у тебя свое место
в моем сердце.

Если вдруг сейчас бы явились
из роддома и доказали,
что тебя перепутали, подменили,
я тебя уже
никому не отдам.

Манфред ВОЛЬТЕР Под парусом

Славил, старая, увенчанный лавром Гораций
Стойкое зеркало вод и блестящую пору
Затишья — век золотой.

Я же хочу еще ветер воспеть
И белопенные волны,

Гимн строптивому парусу,
Мачте, под северным ветром склоненной,
Послушной,
Словно прибрежный тростник.

Буду ли славить однажды и я тихую гавань —
Век золотой?

Манфред ЕНДРИШИК Победитель

Роланду Маттесу*

На старте,
прежде чем зеленое зеркало расколосось
под вращением рук-плавников,
в напряженьи застыли семеро —
в надежде, воле, расчете, —
как он!

После третьего поворота
на него восстала
тягучая мощь
воды —
волна за волной.

На последних метрах —
крики болельщиков,
головокружение —
одолевал он единственного соперника:
себя самого.

* Роланд Маттес (ГДР) — знаменитый пловец,
многократный рекордсмен мира, олимпийский
чемпион.

Уве БЕРГЕР

...И жизнью всей вплетен я в эту жизнь,
благодаря всем и тебе,
мне незнакомый человек,
с лицом, мелькнувшим на мгновение
в толпе,
которая навстречу протекла.
Потерянное может ли остаться?
Ты ускользаешь, словно звук.
И лишь в наборной краске слов моих
хранится память о тебе,
воздетый подбородок, очертанье губ,
загадочные блики дум твоих.
Жалеть мне о твоём исчезновении?
Пожалуй, нет...
Но, жизнью всей вплетен я в эту жизнь,
я не потерял
благодаря всем, и тебе.

Перевод В. КУПРИЯНОВА

Беседа

Разговор из темноты.
Без конца. До хрипоты.
Откровенный. Все как есть.
Горе. Радость. Мечь и честь.

Бой. Письмо. Разлука. Смерть.
Слов суровых круговерть.
Масхалаты. Брод. Стрельба.
Жизнь сама. Сама судьба.

ЛЕТЕН Я В ЭТУ ЖИЗНЬ!

Фридрих ШИЛЛЕР

Былые певцы

Где вы, былые певцы? Где вы?
 Кто нынче сумеет
 Словом живым задвять за живое
 и будоражить сердца,
 И людей воспевать до небес,
 и богов низводить на землю,
 Нести на крылах своих песен дух и высокий смысл?
 Песни, что нынче слышны,
 немощны, вялы, бесплотны.
 Да и люди сами замкнули усталый, пресыщенный слух.
 Счастливы были поэты,
 которым жадно внимали,
 Чье меткое, жаркое слово из уст устремлялось в уста.
 Их, как богов, почитали,
 слушали с благоговением,
 Свято превозносили их гений, их редкостный дар.
 Чувства воспламенял огненный жар песнопенья,
 Сам же певец был вращен
 чувством внимающих ему,
 Как просветляла его песня родного народа!
 Как он был счастлив,
 найдя в ней себя самого.
 В жизни людской он зрел красоты божественный образ,
 Тот, что мы тщимся найти в сердце угасшем своем.

Сеятель

Перевод И. ГРИЦКОВОЙ

Полный надежды, земле доверяешь ты семя
 златое
 И ожидаешь с весны радостно свой урожай.
 Что ж ты на поле времен колеблешься сеять
 денья,
 В вечности чтобы расцвел мудрости смелый
 посев?

Перевод В. КУПРИЯНОВА

Шпpee. Шипка. К счастью. Жаль.
 Дым и гарь. Стекло и сталь.
 Впопыхах. Вразброд. Врасплох.
 Тишина. Переполюх.

Сядь сюда и лучше спой.
 Просто так. Само собой.
 Отойдет былого тьма...
 ...Жизнь сама. Судьба сама...

Откуда этот резкий голос скрипки?
 И где скрипач, играющий мотив
 раздора, скорби, зла и отчуждения?
 Нам эти звуки издавна знакомы.
 Да и сама мелодия не новость.
 Ты рассмеешься яростно, и сразу затихнет,
 захлебнется скрипка.
 Лишь ненависть тупая взвизгнет напоследок.
 Мне вспомнилась старинная гравюра,
 где мать-земля показывает нам
 свой прошлый лик — и это
 череп, кости...
 Неужто будем мы спешить невозмутимо дальше,
 хоть и торопят будни...

Кито ЛОРЕНЦ

Посреди голубого
 вечера
 все нежнее, все тише,
 все ласковей
 я призываю, зову
 хмельную тьму.
 Машут деревья ветвями,
 а может быть, это
 вспорхнула ночная птица,
 может быть, ветер к ручью подобрался
 и раскачал, как рыбацьи сети,
 листву над водой.
 Солнце плашмя упало
 в душистые травы луга,
 женщины фартуки сняли,
 вышли на воздух,
 говор мужской затих за забором.
 Сейчас допишу строку
 и прильну, спрячу лицо
 в звездном, мягком крыле мироздания.

Райнер КИРШ

Любимая! Прильни ко мне, придвинься ближе!
 Наступит скоро час рассвета, и голуби
 вспорхнут,
 и звезды незаметно растворятся
 среди Млечного Пути.

Генрих ГЕЙНЕ

Пастушок

Пастушок — король счастливый.
 Холи зеленый — чем не трон?
 Ясным солнцем, как короной,
 По утрам увенчан он.

Блеют ластивые овечки,
 Слово сонм придворных дам.
 Как гофмаршалы, телата
 Гордо бродят тут и там.

А в оркестре королевском
 Птицы, телки и бычки.
 Флейты, скрипки веселятся.
 Заливаются сверчки.

Лес поет, шумит, трезвонит,
 Водопад гремит, бурля.

Сладкозвучие нагонит
 Сладкий сон на короля.

И возьмет бразды правленья
 Злой министр — ворчливый пес,
 Громким лаем устрешя
 Разбегающихся коз.

И сквозь сон король промолвит:
 «Нелегко носить венец,
 Мне б к любимой королеве
 Возвратиться наконец».

Я в ее объятиях нежных
 Испытал, изведал рай.
 И в глазах ее прекрасных
 Виден мой бескрайний край».

В твоих пунцовых щечках
 Горячий летний зной.
 В твоём сердечке холод,
 Суровый, ледяной.

Все жизнь переиначит
 И все перевернет.
 Ворвется в сердце лето.
 Зима к щекам прильнет.

Перевод И. ГРИЦКОВОЙ

Моему сердцу

Сердце, жизнь не так постыла,
 вынеси прохлады гнет,
 новая весна вернет
 все, чего зима лишила.

Мир прекрасен без обмана,
 будь же с миром заодно.
 Снова будешь влюблено
 в ту, которая желанна.

Перевод В. КУПРИЯНОВА

Он будет к вечности причастен
 И вас, увы, переживет.

Работа спорится не разом.
 И вы глядите не дыша,
 Как в камне оживает разум
 И пробуждается душа.

Аксель ШУЛЬЦЕ

Тишина

Нежно ласкают друг друга
 во сне
 дуги мостов,
 прикасаются крыши и губы
 друг к другу,
 переплетаются руки и
 ветви деревьев,
 ночь, тишина,
 дома, притихшие,
 как корабли
 в синей теплой воде,

настежь распахнуты окна,
 ветер пузырит в них занавески,
 ты теснее прижалась ко мне,
 в белом свеченье
 соборы и новостройки,
 улицы разметались во сне,
 ночь, тишина,
 на лугах, разбежавшихся от города
 во все стороны,
 вызревает и сплет мак,
 дурманящий запах пшеницы,
 терпкий настой хвои,
 пронизанной солнцем,
 прохлада озер,
 парное молоко рек,
 деревушки,
 подъемные краны, словно
 большие забавные звери,
 ночь, тишина,
 и земля гудит,
 как большая розовая раковина,
 поднесенная к уху.

Кухня

Сочные оранжевые луковички
 нанизаны на толстую бечевку.
 Крепкие маленькие огурцы
 в широкой прозрачной банке.
 Глянец голубых тарелок.
 Жаркий блеск медной жаровни
 и сковородок.
 Бокастые горшки наполнены доверху
 пестрыми фруктами и овощами.
 Чистая скатерть
 в мелкую клетку.
 Здесь до конца понимаешь
 значение слов:
 очаг, теплота, радость.

Перевод И. ГРИЦКОВОЙ

ЭТИ СЧАСТЛИВЫЕ ЭТИ ТРУДНЫЕ МЕТРЫ, СЕКУНДЫ, МЕДАЛИ...

Ганс Рихард ФОЛЬБРЕХТ

Молодежная газета «Юнге вельт» и спортивная газета «Дойчеспортсхо» организовали опрос, в котором предложили назвать имена самых лучших и самых популярных спортсменов и спортсменок за 30-летнюю историю первого рабоче-крестьянского государства на немецкой земле. В опросе принимали участие как известные, так и неизвестные люди: художники и писатели, победители Олимпиад и чемпионы мира, 144 бургомистра из разных городов ГДР, тренеры и ученые, врачи и деятели социалистической спортивной организации и ССНМ, молодые рабочие, лучшие молодежные бригады, читатели газеты «Юнге вельт»... Были названы 302 имени, и среди 30 первых оказались и прыгун с трамплина Гарри Гласс, занявший в 1956 году в Кортина д'Ампеццо третье место и завоевавший первую олимпийскую медаль ГДР; и боксер Вольф-

ганг Берендт, ставший в 1956 году в Мельбурне первым олимпийским чемпионом ГДР; и пловцы Роланд Маттес и Корнелия Маттес-Эндер; и прыгун с трамплина Гельмут Рекнагель и Ганс-Георг Ашенбах; и лыжник Герхард Гримммер; и прыгун с шестом в высоту Вольфганг Нордвиг; и спринтер Рената Штехер; и гимнастки Карин Бюттнер-Янц и Эрика Цухольд; и фигуристка Габриэль Зайферт...

Среди победителей опроса «Спорт ГДР-30» — спортсменки и спортсмены, которые поедут в 1980 году в столицу Олимпиады Москву.

Москва-80 — это магнит для всех. В том числе и для четырех спортсменов, о которых мы вам расскажем. Сейчас их стремления, их помыслы и мечты направлены на то, чтобы в 1980 году и в Москве быть в числе первых.

Хотя Марите Кох только 22 года, среди 30 лучших спортсменов ГДР, названных участниками опроса «Спорт ГДР-30», самой юной была не она, а четырехкратный призер Олимпиады, восьмикратная чемпионка мира по плаванию Корнелия Маттес-Эндер. Но Мариту Кох можно считать «младшей по стажу» среди спортсменов, удостоенных в Берлине по случаю Национального фестиваля молодежи почетных медалей и дипломов. Она стала знаменитостью в спортивном мире: чемпионкой Европы в беге на 400 м и в эстафете 4 × 400 м, трехкратной рекордсменкой мира в беге на 400 м, впервые «вышедшей» из 49 секунд, трехкратной рекордсменкой мира в беге на 200 м и первой женщиной в мире, перешагнувшей рубеж в 22 секунды (21,71)...

Когда во время чествования победителей в Берлине объявили имя Мариты Кох, 600 участников торжества встретили это известие криками «Ура!». И тому были особые и волнующие причины: Марита Кох только что побилла новый мировой рекорд на дистанции 200 м! «Открыл» Мариту Кох, тогда 14-летнюю школьницу, Вольфганг Мейер, инженер-судостроитель по профессии, бывший легкоатлет и тренер-любитель. Он и сегодня тренирует Мариту. «Когда я в первый раз попросил Мариту пробежать, мне особенно бросилось в глаза длина ее шага, — рассказывает тренер. — Но бежала она не особенно быстро, и я считал, что она еще весьма слаба физически и мала ростом. Но... на пятнадцатом году жизни Марита выросла на 11 сантиметров». Вольфганг Мей-

ер уже в то время восхищался ее прилежанием: «Она была очень честолюбива и тренировалась даже по субботам и воскресеньям, не поддаваясь искушению отдохнуть у родителей на даче. Тренировалась она долго и упорно, ни разу не жалуясь на это, и все, что бы ни приходилось ей выполнять во время тренировки, любое задание она сама считала правильным. Усердной была она не только в спорте, но и в школе: она могла сдавать экзамены на два месяца раньше. Марита — спортсменка, с которой можно осуществить много замыслов, идей, планов. Этим она обязана прежде всего своему усердию, честолюбию и потребности мыслить самостоятельно. Если речь идет о тренировке или учебе в вузе, у Мариты никогда не возникает вопрос: «А нужно ли все это?» Она сама так говорит: «Если ты собрался совершить в жизни что-то важное, надо уже с детства проявить волевые качества. В спорте недостаточно только быстро бегать. Если хочешь стать личностью, надо думать, думать...»

За год (1971—1972) Марите удалось достичь, как сказал Вольфганг Мейер, «невероятных успехов»: перейти с 13,7 на 12,2 секунды на дистанции 100 м. На окружной спартакиаде в Ростке она выиграла 8 золотых медалей — в беге на 100, 200 и 400 м, в двух эстафетах, а также в беге с барьерами, в прыжках в длину и в пятиборье.

Сегодня Марита Кох, бывшая когда-то слабой и маленькой девочкой, при росте 1,71 м весит 60 килограммов. 22-летняя девушка с «рекордными ногами» — студентка медицинского вуза. Эксперты говорят, что ее стиль бега отличается высокой эстетикой, силой и темпом.

На вопрос, с кого она берет пример,

Марита ответила: «С многих. Это и Рената Штехер, и Ирена Сцевинска, Альберто Жанторена, Валерий Борзов. Борзов всегда казался мне достойным восхищения: в 1975 году он был первым — и по сей день, собственно говоря, единственным спортсменом, — у которого я попросила автограф. Мой тренер Вольфганг Мейер тоже всегда был для меня примером. Еще в Висмаре, когда я ходила в школу, он был моим тренером, добровольным и бескорыстным: он жертвовал всем своим свободным временем, чтобы выработать нас настоящими спортсменами».

Семнадцать лет назад, в 1961 году, Рут Фукс метнула копье на расстояние 35,67 м. В 1978 году она увеличила это расстояние почти вдвое: на чемпионате Европы в Праге ассистент-медик и дипломированный учитель физкультуры Рут Фукс в предпоследней попытке метнула копье на 69,16 м. Она стала лучшей метательницей копья в мире, добившись таких результатов, каких не знал еще спорт: две олимпийские золотые медали, два титула чемпионки Европы, пять мировых рекордов...

Свои поражения атлет с мировым именем Рут Фукс может пересчитать по пальцам. Она никогда не сердится на тех, кто спрашивает ее не о том, выиграет ли она, а в лучшем случае, на сколько метнет она в этот раз. Может, опять мировой рекорд? «Но побеждать можно все-таки не всегда. Я ведь тоже человек, — говорит Рут Фукс. — Можно привыкнуть побеждать, а потом нужно учиться проигрывать. Да, нужно именно учиться выйти из подвала, в который провалился. Меня не так опечалило бы поражение, если бы я все равно достигла при этом хороших результатов, приняла бы это поражение, так сказать, с развевающимися флагами...»

Но когда поражение близко, чемпионка мира по метанию копья, как сказочная птица Феникс, «восстает из пепла». Так, похоже, произошло в 1977 году, во время чемпионата мира в Дюссельдорфе. «Перед последним броском, — рассказывает потом Рут Фукс, — я отбросила волнение, нервозность и разочарование и попыталась еще раз сконцентрироваться на главном. Чтобы выиграть, надо было обогнать Якубович, метнувшую на 62,02 м. И я метнула на 62,36 м! Не раз за свою жизнь я достигала лучшего результата при последней попытке, но еще никогда я не выигрывала последней попыткой. На вопрос, интересно ли это, я ответила: «Интересно, но не очень-то приятно. Дюссельдорф еще раз доказал, что состязание кончается только тогда, когда бросил копье последний участник!» И это тоже одна из прекрасных и волнующих сторон спорта для меня...»

Конечно, в душе Рут была взволнована, «даже чуточку в отчаянии». «Но я никому не подавала виду и демонстрировала спокойствие. Я не хотела пока-

зывать своим соперницам, что я страдала, когда бросила только на 50 м...» Так вспоминает она до сих пор этот эпизод. И когда сейчас ей, Рут Фукс, проникшей за долгие годы своей блестящей карьеры в глубины философии спорта, напомнили Дюссельдорф, она сказала: «Свое выступление на чемпионате мира, которое я рассматривала как свое поражение, было после моих побед в Риме и Монреале самым незабываемым событием. В сущности, я, несмотря ни на что, была счастлива, так как это моя самая большая победа над собой. К тому же я приобрела опыт не только спортивный, но и жизненный. Я поняла, что это не так легко: после множества солнечных дней стоять под дождем. Вопрос о том, не избаловали ли меня эти солнечные дни, то есть успехи, я все еще задаю себе. Каждый должен уметь извлекать уроки — как из побед, так и из поражений. Без этого нельзя».

В опросе «Спорт ГДР-30» самая быстрая в мире женщина-спринтер, пробежавшая 100-метровую дистанцию за 10,88 секунды, Марлис Гер-Эльснер поставила на первое место капитана своей команды Рут Фукс. Мы спросили ее: «Почему?» Она ответила: «Я восхищаюсь Рут Фукс не только в связи с ее олимпийскими победами, чемпионскими званиями и мировыми рекордами. Я восхищаюсь ею, так как она обладает заражающим всех энтузиазмом. Я вижу в ней одну из самых замечательных личностей, какие только есть у нас в спорте ГДР. Рут — умный, добрый и честный товарищ. Все, что она говорит, обосновано. Я не слышала от нее ни единого совета, который не был бы полезен. Рут Фукс — человек мыслящий. И думает она не только о себе».

Густав-Адольф Шур, бывший чемпион мира и победитель Велогонки Мира, символ популярности спорта ГДР, тоже принял участие в опросе. На первое место он поставил лыжника Герхарда Гриммера, а на второе — Рут Фукс. «Все, чего достигли Гриммер и Фукс, не было для них самоцелью, — сказал Шур. — Своими победами и волей к победе они увлекли всех остальных. Быть настоящими спортсменами — вот их девиз». Все они — Рут Фукс, Густав-Адольф Шур и Герхард Гриммер — коммунисты. В том году, когда Рут Фукс во второй раз стала олимпийским призером в Монреале, она была делегатом IX съезда Социалистической единой партии Германии. Ее избрали в Иенский окружной партии, в избирательную комиссию ГДР.

Она победила, когда впервые за свою жизнь метнула копье более чем на 60 м, — это было в 1970 году в Будапеште. Незадолго до Олимпиады в Мюнхене она стала рекордсменкой мира — и в Мюнхене в 1972 году тоже выиграла. В 1974 году в Риме она установила в третий раз мировой рекорд и завоевала титул чемпионки Европы в тяжелых условиях — при нещадно палящем солнце и 96-процентной влажности воздуха. В 1976 году, в июле, она метнула копье на 69,12 м и стала в четвертый раз рекордсменкой мира, а затем — победителем Олимпиады в Монреале. Через два года в Праге она метнула на 69,16 м и во второй раз завоевала звание чемпионки Европы. И уже в 1979 году, в Дрездене, она побилла свой пятый мировой рекорд — 69,52 м.

Рут Фукс продолжает свою олимпийскую карьеру, что, впрочем, не входило первоначально в ее планы: уже после Монреаля, после 1976 года, она хотела покинуть большой спорт. Сегодня Рут хочет во что бы то ни стало добиться успеха и на Олимпиаде-80 в Москве. Желание Рут победить в Москве не просто «голубая мечта».

«У меня такое чувство, что я еще нужна, — говорит спортсменка. — А это — очень важное чувство, оно поднимает человека...»

«Она никогда не грустила», — говорит о Вальтрауд Кречмар ее отец. «Не так легко ее убедить в чем-нибудь, у нее дай

бог какой характер» — такой видит Вальтрауд ее муж и тренер Петер Кречмар. «Она превосходный игрок, который никогда не стоит на месте и никогда не протестует против решений арбитров, даже если они неверные», — сказал судья Чирледжану о Вальтрауд, которая три раза становилась чемпионкой мира по гандболу и была первой в мире женщиной, сыгравшей 200 международных игр. А сейчас их еще больше — она побилла и собственный мировой рекорд!

В 17 лет она приняла участие в своем первом международном матче, в 18 лет стала победительницей спартакиады и обладательницей кубка чемпионата Европы. Затем последовали: в 1974 году — титул чемпионки мира, победа в составе лейпцигского спортклуба на чемпионате Европы, в 1975 году — снова первенство мира, в 1976 году — серебряная медаль Олимпиады и в 1978 году — в третий раз звание чемпионки мира.

Но эти успехи мало говорят о личности Вальтрауд, тем более что именно поражения часто оказывали самое серьезное воздействие.

Когда ее спрашивают, что в горькие дни поражений для нее особенно важно, она произносит имя своего мужа Петера. Еще тогда, когда она начала играть в команде женщин Лейпцига, тренером которой он был, он ей очень нравился,

НЕТ ЧЕЛОВЕКА В ГДР, КОТОРЫЙ НЕ ЗНАЛ БЫ ГУСТАВА АДОЛЬФА ШУРА, ИЛИ, КАК ЕГО ПОДРУЖЕСКИ НАЗЫВАЮТ, «ТЭВЕ». ДВУКРАТНЫЙ ЧЕМПИОН МИРА, ДВУКРАТНЫЙ ПОБЕДИТЕЛЬ ВЕЛОГОНКИ МИРА ВОТ УЖЕ МНОГО ЛЕТ ЯВЛЯЕТСЯ ПРИМЕРОМ ДЛЯ МОЛОДЫХ СПОРТСМЕНОВ РЕСПУБЛИКИ.

что, конечно, не ускользнуло от внимания ее подруг по команде и что создало потом для Петера ситуацию не из легких: он был тренером команды, в состав которой входила и его собственная жена. Разногласия между членами команды и тренером привели к тому, что девушки отказались тренироваться у него. Со временем, впрочем, все уладилось.

Для обоих остались проблемы, которые были связаны с их спортивными ролями. «Конечно, тренируя свою жену, надо беречь себя от подозрения, что ты переоцениваешь ее. Но это опять-таки ведет только к тому, что с ней я строже, чем с другими. Прежде чем услышать при всех похвалу из моих уст, ей надо как следует потрудиться», — говорит Петер.

Но все же оба довольны, что все

РОЛАНД МАТТЕС И КОРНЕЛИЯ МАТТЕС-ЭНДЕР — ПЛОВЦЫ, О РЕКОРДАХ КОТОРЫХ НАПИСАНЫ СТИХИ И ДИССЕРТАЦИИ.

именно так, как есть, что разговоры о гандболе не остаются по ту сторону порога их квартиры. «Мы высказываем друг другу откровенно свою точку зрения, даже если я не согласна с мнением Петера», — признается Вальтрауд.

В то же время муж считает, что часто не имеет смысла сразу после трудных игр дискутировать с ней. Петер: «Иногда достаточно двух часов, иногда 10 минут, а иногда нужны целые два дня, прежде чем с Вальтрауд можно заговорить об этом». Петер предпочитает дома сестра за рояль или беседовать с женой о только что прочитанной книге. «Мне это очень приятно. Это вносит разрядку» — таково мнение Вальтрауд.

ЕЩЕ ОДИН ЗАБЕГ, ЕЩЕ ОДНА ПОБЕДА РЕНАТЫ ШТЕХЕР... СПОРТСМЕНКА ИЗ ГДР — В ЧИСЛЕ СИЛЬНЕЙШИХ СПРИНТЕРОВ ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ ЛЕГКОЙ АТЛЕТИКИ.

Когда Вальтрауд спрашивают, каким образом ей удается совмещать и спорт, и семью, и профессиональную подготовку (сначала она приобрела профессию банковского работника, потом училась в институте физкультуры), она называет несколько моментов. В Лейпциге у нее много друзей, они-то и брали к себе маленького Штефана, когда мама и папа должны были ехать на матч. А если соревнования продолжались длительное время, то сын был у родителей Вальтрауд в Дамсдорфе. И Хорст Рейбайн, первым открывший Вальтрауд и первым тренировавший ее, всегда готов прийти на помощь Кречмарам. И в детском саду в Дамсдорфе Штефан не раз находил второй дом, когда его родители были в пути.

«Я думаю, что вот в таких мелочах тоже проявляется забота общества о нас, спортсменах», — говорит коммунистка Вальтрауд Кречмар, делегат IX съезда СЕПГ, с трибуны которого она выступала.

В 1979-м Вальтрауд не играла: ждала ребенка. Но в 1980 году она хотела бы поехать в Москву. Ну, а через несколько лет о Вальтрауд Кречмар, оглядываясь на ее прошлое, будут говорить как об одной из самых выдающихся гандболисток, которых знал мир, но при этом вряд ли будут думать о том, что она никогда не обладала естественным талантом Кристины Рихтер или технической универсальностью Марии Винклер. Все свои знания, умение и бойцовские качества она приобрела упорными тренировками, воспитала в себе... Может быть, именно это и сделало ее такой популярной и помогло ей завоевать симпатии многочисленных любителей спорта.

Однажды летним днем 1966 года — точное число он не помнит — преподаватель физкультуры Эрхард Мик отправился в местечко Хойерсверда на соревнования по легкой атлетике. Это было что-то вроде местной спартакиады, и Мик хотел посмотреть прыгунов в высоту. Он вспоминает: «Была там такая легкая и изящная 14-летняя девочка, которую я еще никогда не видел и имя которой не знал. Мое внимание привлекло то, что «доймовочка» эта прыгала с силой, какая приобретается обычно только в результате долгих и упорных тренировок...»

«Ты должен взять в свою группу эту девочку», — сказал тогда себе Эрхард Мик и позаботился о том, чтобы она приехала к нему в Форст. Однако когда Роземари Вичас (такую фамилию она тогда носила) обратилась в спортивной школе к учительнице, которая занималась с молодыми легкоатлетами, та спросила: «Что ты здесь хочешь? Гимнастик я не тренирую...» И показала, куда ей идти. «Но я не гимнастка, я легкоатлетка», — ответила ученица из Лозы. Все стоявшие вокруг расхохотались.

Роземари Вичас пришла все-таки к преподавателю Эрхарду Мику, который хотел заниматься с ней прыжками в длину, так как для прыжков в высоту она была слишком мала ростом и хрупка. Но как только она начала тренироваться в прыжках в высоту, сразу стало ясно, что тут она могла достичь большего. Через некоторое время Роземари завоевала звание чемпионки в юношеской категории. И хотя уже тогда она прыгала выше своего собственного роста, Эрхарду Мику все-таки пришлось ей сказать, что из этого ничего не выйдет, потому что у нее слишком маленький рост. А она плохо росла.

Но хорошо прыгала. В начале 1968 года она брала высоту 1,73 м и занимала 2-е место среди женщин по прыжкам в высоту (в спортзале).

За это достижение ее наградили поездкой в Румынию — для тренировок. И вдруг произошло неожиданное: Роземари заболела желтухой и восемь месяцев не могла тренироваться. Она вернулась в спортзал только зимой 1969 года. И уже в начале мая 1969 года взяла 1,76 м! Эрхард Мик вспоминает: «И вот

что было как приятно, так и значительно: 16-летняя Роземари выросла за год на 13 см».

А что было потом, в ГДР знают наизусть, как стихотворение. В 1970-м она прыгает на 1,77 м; в 1971-м—1,81 м; в 1972-м—1,85 м. Затем первое олимпийское испытание в Мюнхене — незабываемое для Роземари Аккерман-Вичас событие! — она заняла 7-е место. Затем в 1973 году — 1,88 м (на воздухе) и 1,91 м (в зале). 1974 год — 1,95 м (рекорд-мира и золото чемпионки Европы); 1976 год — 1,96 м (мировой рекорд и победа на Олимпиаде); 1977 год — 2 м (1,95 м в зале) — два мировых рекорда.

На Олимпиаде в Мюнхене, говорит Эрхард Мик, он понял, где надо искать причины того, что Роземари пришла в спорт, уже практически владея махом при отталкивании, который так необыкновенно помогает ей: «Еще в детстве она ходила в танцевальный кружок в Доме юных пионеров в Хойерсверде. Она всегда хотела стать танцовщицей. Попасть в танцшколу в Дрездене ей не удалось из-за отсутствия там свободных мест. И Роземари пришлось уехать домой. Она стала заниматься легкой атлетикой, но ее танцевальный талант чувствуешь и сегодня на каждом шагу. Во время занятий по гимнастике, которые входят в общую программу тренировок по прыжкам в высоту, непосвященные предполагали, что Роземари Аккерман-Вичас — гимнастка. Ее чувство движения, ее ощущение ритма, грация — все это дал танец».

Роземари Аккерман совершенно «расклеилась» после того, что произошло 26 августа 1977 года, и прошло много времени, прежде чем она смогла прийти в себя. В 20 часов 14 минут на олимпийском стадионе в Западном Берлине она взяла высоту 2 м и следующей ночью не смогла сомкнуть глаз. Она вспоминает: «Такое со мной случилось не в первый раз: я не могу спать только от волнения и радости. Достаточно вспомнить Монреаль, 1976 год, победу. Я была так бесконечно счастлива, что была не в состоянии задаться ни одной разумной мыслью. Голова шла кругом. Я плакала в Монреале, так же, как до этого в Риме или потом в Хельсинки. А когда исполнилась моя самая заветная мечта — первой в мире взяла 2-метровую высоту, я была как будто оглушена. Потом, смотря телевизор, я удивлялась: чего я не вытворяла тогда от радости».

А потом, когда все вокруг нее успокоилось и она сама обрела вновь покой, Роземари думала: как это все-таки прекрасно, что это теперь позади — постоянный вопрос, задаваемый всеми: возьмет ли она когда-нибудь 2-метровую высоту и когда?

Роземари Аккерман пользуется в ГДР необычайной популярностью. И этим она обязана не только своим спортивным достижениям, но и своей скромности, приветливости, той политической деятельности, которой она занимается как член Центрального совета ССНМ.

14 августа 1977 года в Хельсинки она стала обладательницей Кубка Европы. Это был холодный, дождливый день. «И хотя дождь, холод, ветер и светившее иногда прямо в лицо солнце мне не нравились, — говорит Роземари, — я не вижу смысла ломать голову над тем, что все равно не смогу изменить. Я всегда пыталась учиться принимать состязание таким, какое оно есть, приспособливаться к новой ситуации и признавать объективные трудности. Недовольство по поводу дождя или холода я оставляю за дверью. Каждая ненужная, лишняя мысль приводит к тому, что теряешь контакт с тем, что необходимо делать. Уныние ни к чему хорошему не приводит. Бороться и испытывать все, чтобы добиться успеха, — вот девиз, которому я пытаюсь всегда следовать. Иногда это удается».

Рисунок Гарри ПАРШАУ.

СУД ПАРИСА. Рисунок Карла ФИШЕРА.

Улыбки из ГДР

САМОСЛУЖИВАНИЕ. Рисунок Виллы МЕЗЕ.

Рисунок Вольфганга ШУБЕРТА.

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

МАССОВОСТЬ И МАСТЕРСТВО

У наших друзей в ГДР, особенно в среде молодежи и юношества, шахматы пользуются исключительной популярностью. Шахматные клубы, секции и кружки функционируют не только в больших городах, но и в маленьких селениях. Ярким примером может служить шахматная деревня Штрелбек, расположенная неподалеку от Хальберштадта.

В Штрелбеке все жители до одного не только умеют, но и любят играть в шахматы. В программе местной школы шахматы считаются одним из основных предметов, пионеры с гордостью носят шахматные эмблемы.

Массовость рождает мастерство. Не случайно шахматисты ГДР успешно выступают на международной арене. Во всемирных шахматных олимпиадах команда республики нередко попадала в главный финал и занимала почетные места в десятке сильнейших. Шахматистов СССР и ГДР связывают узы дружбы и творческих контактов. Немецкие мастера и гроссмейстеры нередко гости в СССР, играют в турнирах в разных наших городах, советские шахматисты наносят ответные визиты.

Хочется предложить вниманию читателей «Смены» запоминающиеся примеры творчества известных шахматистов ГДР.

К такому легкофигурному окончанию пришел после 32-го хода черных гроссмейстерский поединок между Вольфгангом Ульманом из ГДР (у него были белые) и шведом Ульфом Андерссоном.

Временной жертвой пешки белые прорываются на ферзевом фланге и доквашивают, что непробиваемых и укрепленных в шахматной борьбе почти не бывает.

33. b3—b4! c5: b4 34. Kc3—a4 Kg8—f6 35. Ka4—b6! Ce7—d8?

Этот оборонительный план терпит фиаско. Упорнее сопротивляться черные могли путем 35... b3 36. C: b3 Ke4 37. Ce3 Kc5.

36. Cd2: b4 Cd8: b6 37. a5: b6 Kpg7—f8.

Попытка защиты 37... Kd7 38. Ca4! Kef6 39. C: d6 K: b6 40. Cb3! не принесла бы удачи. Теперь же следует новый фланговый прорыв белых, на этот раз неотразимый.

38. c4—c5! Kf6—d7. Красиво побеждают белые в варианте 38... K: d5 39. c6! K: b4 40. c7! и т. д.

39. c5—c6! b7: c6 40. b6—b7! c6: d5 41. Cc2—a4 Kd7—b8 42. Ca4: e8 Kpf8: e8 43. Cb4: d6, и черные сдались.

Острая борьба в партии чемпионата ГДР 1978 года привела после 16-го хода черных к позиции, которую вы видите на диаграмме. Белыми играл победитель соревнования гроссмейстер Райдер Кнаак, черными — неоднократный чемпион республики В. Ульман.

Изящной жертвой коня белые начинают атаку на своем правом фланге и проводят ее с завидной стремительностью.

16. Kf4: h5! g6: h5 17. Cg5—f6! Cg7: f6 18. Фf3: f6 Фd7—d8 19. Фf6—h6 f7—f6 20. Фh6—g6—Kpg8—h8 21. e4—e5! f6—f5 22. Фg6—h6+ Kph8—g8 23. Лh1—h3 Kpg8—f7 24. Лh3—g3!, и черные пошли на капитуляцию.

К такой напряженной ситуации свелась после 20-го хода черных партия гроссмейстеров Лотара Фогта (ГДР) и нашего Тамаза Георгадзе. Произошло это на последнем международном шахматном фестивале в Галле.

Л. Фогт, игравший белыми, сперва искусно образует далеко продвинутое проходную пешку, а затем атакует короля соперника. Возможности для контригры были пресечены, и к тому же белые собрали богатый пешечный «урожай».

21. c4—c5! 0—0 22. c5—c6 a6—a5 23. Kb1—d2 a5—a4 24. Kd2—c4 Cb2—f6 25. Фh5—f5 Lf8—e8 26. h2—h4! h7—h5 27. Ce4—b1 Kpg8—g7 28. Фf5: h5 Le8—h8 29. Фh5—g4 Cf6: h4 30. Cb1: g6 f7: g6 31. Фg4: f4! b4—b3 32. a2: b3 Ch4—g5 33. Фf4: d6 Фd8—c8 34. Kc4—e5 Cg5—f6 35. Ke5—d7!, и черные сдались.

В заключение приводим необычайно эффектный этюд шахматного композитора из Лейпцига В. Кеекенштедта, удостоенного награды на одном из международных конкурсов.

Белые начинают и выигрывают. Исходное положение похоже не на искусственно придуманную композицию, а на как бы выхваченный из практической партии эндшпиль с одноцветными слонами. Цель достигается замысловатыми и очень красивыми маневрами.

1. d4—d5! Cf4—e5 2. f3—f4! Ce5: f4 3. Cg1—d4! f7—f6 4. e4—e5! f6: e5 5. Cd4—e3! Cf4—g3 6. Ce3—g5! Kph5: g5 7. d5—d6 e5—e4 8. d6—d7. Каждое движение белых заслуживает как минимум одного восклицательного знака, не правда ли!

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 20.08.79. Подписано к печати 04.09.79. А 01108. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1142000 экз. Изд. № 2286. Заказ № 1141. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ТЕМПО МАРША.

И ТАК КАК ВСЕ МЫ ЛЮДИ, ТО НАМ БИТЬ БЕЗ БАШМАКОВ НЕ НАДО.
 - ДАМ МЫ БИТЬ В ЛИЦО САПОГОМ, НИКТО НА ДРУГИХ НЕ ПОДНИМЕТ ПЛЕТЬ, И

ПРИПЕВ

САМ НЕ БУДЕТ РАБОМ!
 ДВА, ТРИ, СТАНЬ В РЯДЫ, ТОВАРИЩ, К НАМ!
 ТО - ВА - РИВ, К НАМ! ТЫ ВОДЬ

ДЕШЬ И НАВ Е-ДИ - НИМ РА - БО - ЧИМ ФРОНТ, ДО - ТО -
 - МУ ЧТО РА - БО - ЧИМ ТЫ САМ! 2. И
 - МУ ЧТО РА - БО - ЧИМ ТЫ САМ!

ПЕСНЯ ЕДИНОВОГО ФРОНТА

Стихи Бертольта БРЕХТА
 Русский текст
 Т. СИКОРСКОЙ и С. БОЛОТИНА
 Музыка Ганса ЭЙСЛЕРА

И так как все мы люди,
 Не дадим мы бить в лицо сапогом.
 Никто на других не поднимет плеть
 И сам не будет рабом!

Припев:
 Марш левой! Два, три!
 Марш левой! Два, три!
 Стань в ряды, товарищ, к нам!
 Ты войдешь в наш Единый Рабочий Фронт,
 Потому что рабочий ты сам!

И так как все мы люди,
 То нужны нам башмаки без заплат,
 И нас не согреет треск речей
 Под барабанный раскат!

Припев.

И так как все мы люди,
 То должны мы—извините!—что-то есть.
 Хотят накормить нас пустой болтовней—
 К чертям! Спасибо за честь!

Припев.

И если ты рабочий,
 То не жди, что нам поможет другой:
 Себе мы свободу добудем в бою
 Своей рабочей рукой!

Припев.

КРОССВОРД

Составил Б. ФЕДОРОВ,
 Москва

ГДР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

По горизонтали:

- Герой оперы Р. Вагнера.
- Поэтический жанр в творчестве Шиллера, Гете, Гейне.
- Немецкий физик, основоположник теории относительности.
- Оперная певица, народная артистка СССР, выступавшая на театральной сцене Берлина.
- Месяц 1946 года, когда состоялся учредительный съезд Социалистической единой партии Германии.
- Роман А. Зегерс.
- Лососевая рыба, обитающая в водоемах ГДР.
- Металл, добываемый в рудных месторождениях Гарца.
- Опера-феерия К. Вебера.
- Один из первых немецких писателей, награжденных Национальной премией ГДР.
- Профсоюзная газета, издаваемая в Берлине.
- Писатель, комиссар батальона имени Тельмана, сражавшийся в антифашистской войне в Испании, дважды лауреат Национальной премии ГДР.
- Писатель, просветитель, один из основоположников немецкой классической литературы.
- Экономический и культурный центр ГДР, где находится картинная галерея.
- Центр химической промышленности ГДР.
- Популярный современный певец ГДР.
- Местонахождение атомной электростанции в ГДР.
- Духовой музыкальный инструмент, для которого создавал произведения И.-С. Бах.
- Ученый, многие годы—президент Академии наук ГДР.
- Заповедник на территории ГДР.
- Писатель, член Все-

мирного Совета Мира, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».
- Театральный деятель, драматург, поэт, основатель театра «Берлинский ансамбль».
- Писатель, автор гимна ГДР.
- Поэт, лауреат Национальной премии ГДР.
- Опера Р. Вагнера.
- Немецкий композитор, пианист, дирижер XIX века.

По вертикали:

- Имя Лиса, героя сказок, собранных братьями Гримм.
- Актриса, реформатор немецкого театра в XVIII веке, выступавшая в театрах Дрездена и Лейпцига.
- Город, в котором состоялись третий и десятый Всемирные фестивалы молодежи и студентов.
- Роман А. Зегерс.
- Выдающаяся актриса, трижды лауреат Национальной премии ГДР.
- Один из основных хлебных злаков, выращиваемых на полях ГДР.
- Персонаж комической оперы Ф. Флотова «Марта».
- Известный современный дирижер.
- Художник ГДР.
- Центр тяжелого машиностроения и судостроения в ГДР.
- Популярная немецкая певица.
- Художественное керамическое изделие, впервые в Европе изготовленное в Мейсене.
- Пушистый зверек, обитающий на территории ГДР.
- Автор романа «Приключения Вернера Хольта».
- Роман Ю. Бондарева, действие которого связано с освобождением Германии от фашизма.
- Река, протекающая

вдоль границы ГДР и Польши.
- Денежная единица ГДР.
- Спортсменка ГДР, чемпионка XXI Олимпийских игр в гребле на байдарках - одиночках.
- Спортсменка ГДР, чемпионка XXI Олимпиады в комплексном плавании.
- Писатель, Герой Социалистического Труда, первый председатель Общества советско-германской дружбы, член-корреспондент Германской академии искусств.
- Спортсменка ГДР, чемпионка XXI Олимпийских игр в плавании вольным стилем.

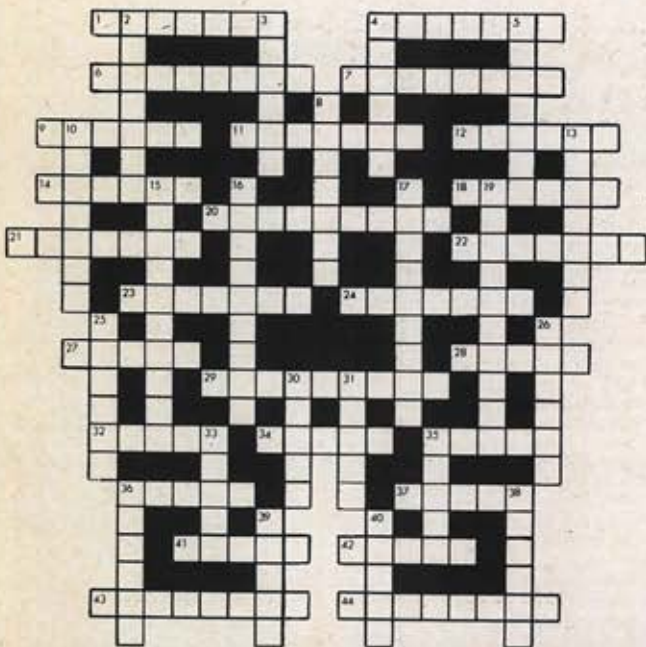
ОТВЕТЫ
 НА КРОССВОРД
 НАПЕЧАТАННЫЙ
 В № 18

По горизонтали:

- Навигация.
- Плед.
- Слип.
- «Супруга».
- Турист.
- Партер.
- Иссол.
- Шатер.
- Трасс.
- Андантино.
- Бари.
- Канун.
- Охра.
- Ортоцентр.
- Попов.
- Инари.
- Русне.
- Карачи.
- Вакула.
- Льяносы.
- Анис.
- «Киев».
- Атмосфера.

По вертикали:

- «Фауст».
- Пикап.
- Секрет.
- Гарус.
- Плотва.
- Поташ.
- «Парус».
- Серафимович.
- Автомотриса.
- Индикатор.
- «Признание».
- Альбеда.
- Секатор.
- Ненец.
- Пикша.
- Парник.
- Азурит.
- Исаев.
- Синус.
- Илеть.
- Выдра.

МИР ОБНОВЛЕННОЙ ЗЕМЛИ

**ВИЛЛИ ЗИТТЕ.
ДРУЖБА.**

Искусство ГДР 70-х годов — это поэтическое и философское раздумье о сложном и интересном мире сегодняшних немцев, строящих новую жизнь. Разнообразие творческих индивидуальностей художников, разносторонность их интересов и жизненных наблюдений позволяют глубже понять народ дружественной нам страны.

Какой же он, наш современник из ГДР, выросший под мирным небом на еще хранящей следы войны земле? Его образ воссоздается с глубокой силой обобщения, ярко и индивидуально. Полотнам признанных мастеров и молодых художников свойственны экспрессивность и смелость изобразительных решений, стремление найти прекрасное в обыденном и при этом избежать какого бы то ни было приукрашивания действительности.

Поиски идейно и эмоционально емких решений, склонность к эпическому обобщению особенно заметны в живописи. Характерно традиционное для немецкой живописи обращение к триптиху — форме, позволяющей с предельной широтой охвата действительности передать замысел художника.

Таков «Берлин» — триптих, написанный известным живописцем, вице-президентом Союза художников ГДР, ректором Института изобразительного и прикладного искусства в Берлине Вальтером Вомака. Прошлое и современность города сложной и противоречивой судьбы нашли в этом произведении продуманное и прочувствованное воплощение. Трагедия и неизбежность крушения старого мира и утверждение новой жизни, ее интенсивность и оптимизм переданы выразительными средствами, через внутреннее единство конкретных типичных сцен с обобщающей трактовкой темы.

Активная жизненная позиция отмечает работы ве-

душих мастеров республики — и тому много подтверждений.

...На картине крупно, броско — большие, натруженные руки мужчины, обнимающие устремленного к нему друга. Доверие, сердечная теплота, взаимопонимание — все то, что так дорого во взаимоотношениях между людьми, — чувствуются в этом объятии. На

**КАРЛ-ХАЙНЦ ЯКОБ.
МОЛОДАЯ ПАРА.**

**ВАЛЬТЕР ВОМАКА.
БЕРЛИН (правая часть триптиха).**

переднем плане — круглый стол с флажками ГДР и СССР. Эта деталь придает картине глубоко символическое звучание. Полотно принадлежит кисти Вилли Зитте, члена Академии художеств ГДР, президента Союза художников.

Благородной сдержанностью и затаенной чувственностью наполнена картина лауреата художественной премии Союза свободной немецкой молодежи художника из Цвикау Карла-Хайнца Якоба «Молодая пара». Размытость контуров, мягкая гамма, строгое композиционное решение тонко передают лиричность и спокойную внутреннюю силу молодых людей, вместе вступающих в завтрашний день.

Проходившие в нашей стране выставки последних лет познакомили советских людей со многими талантливыми молодыми художниками, порадовали встречей с уже известными и популярными мастерами старшего поколения.

Мария БОГДАНОВА

**ЮТТА ДАММЕ.
ЭКСКУРСИЯ БРИГАДЫ.**

